

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 1 1933 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3-й год издания

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. СТАЛИН</i>	
ИТОГИ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (ДОКЛАД НА ОБЪЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП(б) — 7 ЯНВАРЯ 1933 Г.)	2
<i>ПЕРЕДОВАЯ</i>	
ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ — В МАССЫ	28
<i>И. СТАЛИН</i>	
ГОСПОДИН КЭМПБЕЛЛ ПРИВИРАЕТ	34
<i>А. ПРУГОЖИН</i>	
РАБОЧИЙ КЛАСС АНГЛИИ В БОРЬБЕ С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ	39
<i>Е. РУБИНШТЕЙН</i>	
ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1923 Г.	55
<i>И. НАРЦОВ</i>	
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В МОЛДАВИИ	73
ВОСПОМИНАНИЯ И АВТОБЮГРАФИИ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ	
<i>ОТТО ФРИНК</i>	
НЕ СЕДЬМОЕ, А ДЕЗЯТОЕ НОЯБРЯ	90
ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ	
<i>БРИГАДА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМКАДЕМИИ</i>	
К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПРЕДПРИЯТИЯ	101
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Е. ДРАБКИН</i>	
ВРЕДНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ	124

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: **М. Н. ПОКРОВСКИЙ.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. ВОЛИН** (зам. ответственного редактора),
Л. МЕХЛИС, А. ПАНКРАТОВА, И. ТОКИН (ответственный секретарь)

ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Доклад тов. Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7 января 1933 г.

И. СТАЛИН

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЯТИЛЕТКИ

Товарищи! При появлении в свет пятилетнего плана, едва ли предполагали люди, что пятилетка может иметь громадное международное значение. Наоборот, многие думали, что пятилетка есть частное дело Советского союза, дело важное и серьезное, но все-таки частное, национальное дело Советского союза.

История однако показала, что международное значение пятилетки неизмеримо. История показала, что пятилетка является не частным делом Советского союза, а делом всего международного пролетариата.

Еще задолго до появления пятилетнего плана, в период, когда мы кончали борьбу с интервентами и переходили на рельсы хозяйственного строительства, — еще в этот период Ленин говорил, что наше хозяйственное строительство имеет глубокое международное значение, что каждый шаг вперед советской власти по пути хозяйственного строительства встречает глубокий отклик в самых разнообразных слоях капиталистических стран и раскалывает людей на два лагеря — лагерь сторонников пролетарской революции и лагерь ее противников.

Ленин говорил тогда:

«Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто... На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным — быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед» (Ленин, 3-е изд., т. XXVI, стр. 410—411).

Это было сказано в тот период, когда мы заканчивали войну с интервентами, когда от военной борьбы с капитализмом мы переходили к борьбе на хозяйственном фронте, к периоду хозяйственного строительства.

С тех пор прошло много лет, и каждый шаг советской власти в области хозяйственного строительства, каждый год, каждый квартал блестяще подтверждали правильность этих слов т. Ленина.

Но самое блестящее подтверждение правильности слов Ленина дал пятилетний план нашего строительства, возникновение этого плана, его развитие, его осуществление. В самом деле, кажется, ни один шаг по пути хозяйственного строительства в нашей стране не встречал такого отклика в самых разнообразных слоях капиталистических стран Европы, Америки, Азии, как вопрос о пятилетнем плане, об его развитии, об его осуществлении.

Первое время пятилетний план был встречен со стороны буржуазии и ее печати насмешкой. «Фантазия», «бред», «утопия», — так они окрестили тогда наш пятилетний план. Потом, когда начало выясняться, что осуществление пятилетнего плана дает реальные результаты, они стали бить в набат, утверждая, что пятилетний план угрожает существованию капиталистических стран, что его осуществление приведет к заполнению европейских рынков товарами, к усилению демпинга и углублению безработицы. Затем, когда и этот трюк, использованный против советской власти, не дал ожидаемых результатов, открылась серия путешествий в СССР различных представителей всякого рода фирм, органов печати, общества разного рода и т. д. с целью разглядеть своими собственными глазами, что же, собственно говоря, творится в СССР. Я не говорю здесь о рабочих делегациях, которые с самого начала появления пятилетнего плана выражали свое восхищение начинаниям и успехам советской власти и проявляли свою готовность поддержать рабочий класс СССР.

С этого времени и начался раскол так называемого общественного мнения, буржуазной печати, буржуазных обществ всякого рода и т. д. Одни утверждали, что пятилетний план потерпел полный крах и большевики стоят на краю гибели. Другие, наоборот, уверяли, что хотя большевики скверные люди, — с пятилетним планом у них все же выходит дело, и они должно быть добьются своей цели.

Может быть не лишне будет, если я приведу отзывы разного рода органов буржуазной печати.

Возьмем например американскую газету «Нью-Йорк таймс». В конце ноября 1932 г. эта газета пишет:

«Пятилетний промышленный план, поставивший своей целью сделать вызов чувству пропорции, стремящийся к своей цели «независимо от издержек», как часто с гордостью похвалялась Москва, не является в действительности планом. Это — спекуляция».

Выходит, что пятилетка даже не план, а пустая спекуляция.

А вот отзыв английской буржуазной газеты «Дейли телеграф», данный в конце ноября 1932 года:

«Если рассматривать план как пробный камень для «планируемой экономики», то мы должны сказать, что он потерпел полный крах».

Отзыв «Нью-Йорк таймс» в ноябре 1932 года:

«Коллективизация позорно провалилась. Она привела Россию на грань голода».

Отзыв буржуазной газеты в Польше «Газета польска», данный летом 1932 года:

«Положение показывает как будто, что правительство советов зашло со своей политикой коллективизации деревни в тупик».

Отзыв английской буржуазной газеты «Финаншиел таймс», данный в ноябре 1932 года:

«Сталин и его партии в результате своей политики оказываются перед лицом краха системы пятилетнего плана и провала всех задач, которые он должен был осуществить».

Отзыв итальянского журнала «Политика»:

«Было бы абсурдом думать, что четыре года работы народа, состоящего из 160 млн. человек, четыре года сверхчеловеческого экономического и политического напряжения со стороны режима такой силы, какую представляет собой большевистский режим, ничего не создали. Напротив, они создали много... И тем не менее катастрофа налицо, она является фактом, очевидным для всех. В этом убедились друзья и враги, большевики и антибольшевики, оппозиционеры справа и слева».

Наконец отзыв американского буржуазного журнала «Керрент истори»:

«Обозрение нынешнего положения дел в России таким образом ведет к заключению, что пятилетняя программа провалилась как в отношении объявленных целей и еще более основательно в отношении ее основных социальных принципов».

Едва ли стоит критиковать авторов этих отзывов. Я думаю, что не стоит, так как эти «твердолобые» люди принадлежат к породе ископаемых средневекового периода, и как бы ни осуществлялся у нас пятилетний план, — они все равно будут твердить свое.

Перейдем к отзывам других органов печати, идущим из того же буржуазного лагеря.

Вот отзыв известной буржуазной газеты во Франции «Тан», данный в январе 1932 года:

«СССР выиграл первый тур, индустриализуясь без помощи иностранного капитала».

Отзыв той же «Тан», данный летом 1932 года:

«Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами... Во Франции, где земельная собственность разделена до бесконечности между отдельными собственниками, невозможно механизировать сельское хозяйство; советские же, индустриализуя сельское хозяйство, сумели разрешить проблему... В состязании с нами большевики оказались победителями».

Отзыв английского буржуазного журнала «Раунд тэйбл»:

«Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Н.-Новгороде, Днепровская гидроэлектрическая станция, тракторные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур, — все эти и другие промышленные достижения во всей стране свидетельствуют, что каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет... Пятилетний план заложил основы будущего развития и чрезвычайно усилил мощь СССР».

Отзыв английской буржуазной газеты «Финаншиел таймс»:

«Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваления этих успехов в печати и в речах отнюдь не являются необоснованными. Не надо забывать, что прежде Россия производила только самые простые машины и орудия. Правда, и теперь абсолютные цифры ввоза машин и инструментов увеличиваются; но пропорциональная доля импортированных машин по сравнению с теми, которые были произведены в самом СССР, непрерывно уменьшается. СССР в настоящее время производит все оборудование, необходимое для своей металлургической и электрической промышленности. Он сумел создать свою собственную автомобильную промышленность. Он создал производство орудий и инструмен-

тов, которое охватывает всю гамму—от самых маленьких инструментов большой точности и вплоть до наиболее тяжелых прессов. Что же касается сельскохозяйственных машин, то СССР уже не зависит от ввоза из-за границы. Вместе с тем советское правительство принимает меры к тому, чтобы запаздывание в продукции угля и железа не препятствовало осуществлению пятилетки в четыре года. Не подлежит сомнению, что построенные вновь огромные заводы гарантируют значительный рост продукции тяжелой промышленности».

Отзыв австрийской буржуазной газеты «*Нейе фрейе прессе*», данный в начале 1932 года:

«Большевизм можно проклинать, но его нужно знать. Пятилетка — это новый колосс, который необходимо принимать во внимание и во всяком случае в хозяйственный расчет».

Отзыв английского капиталиста Гиббсона Джарви, председателя банка «Юнайтед доминион», данный в октябре 1932 г.:

«Я хочу разъяснить, что я не коммунист и не большевик, я — определенный капиталист и индивидуалист... Россия движется вперед, в то время как слишком много наших заводов бездействует и примерно 3 млн. нашего народа ищут в отчаянии работы. Пятилетку высмеивали и предсказывали ее провал. Но вы можете считать несомненным, что в условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось... Во всех промышленных городах, которые я посетил, возникают новые районы, построенные по определенному плану, с широкими улицами, украшенными деревьями и скверами, с домами наиболее современного типа, школами, больницами, рабочими клубами и неизбежными детскими яслями и детскими домами, где заботятся о детях работающих матерей... Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что советское правительство может провалиться... Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности. Я верю, что стремления России являются здоровыми... Быть может самое важное — в том, что вся молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой к сожалению недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду».

Отзыв американского буржуазного журнала «*Нейшен*», данный в ноябре 1932 года:

«Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения. Советский союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основ новой жизни. Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости... Это верно относительно Москвы с ее сотнями заново асфальтированных улиц и скверов, новых зданий, с новыми пригородами и кордоном новых фабрик на ее окраинах. Это верно и относительно менее значительных городов. Новые города возникли в степях и пустынях, не какие-нибудь несколько городов, а по меньшей мере 50 городов с населением от 50 до 250 тыс. человек. Все они возникли в последние четыре года, каждый из них является центром нового предприятия или ряда предприятий, построенных для разработки естественных ресурсов. Сотни новых районных электростанций и целый ряд гигантов, подобно Днепрострою, постепенно воплощают в жизнь формулу Ленина «Социализм есть советская власть плюс электрификация»... Советский союз организовал массовое производство бесконечного множества предметов, которых Россия никогда раньше не производила: тракторов, комбайнов, высококачественных сталей, синтетического каучука, шарикоподшипников, мощных дизелей, турбин в 50 тыс. квт., телефонного оборудования, электрических машин для горной промышленности, аэропланов, автомобилей, велосипедов и нескольких сот типов новых машин... Впервые в истории Россия добывает алюминий, магнезит, апатиты, иод, поташ и многие другие ценные про-

дукты. Путеводными точками советских равнин не являются больше кресты и купола церквей, а зерновые элеваторы и силосные башни. Колхозы строят дома, хлева, свинарники. Электричество проникает в деревню, радио и газеты завоевали ее. Рабочие учатся работать на новейших машинах. Крестьянские парни производят и обслуживают сельскохозяйственные машины, которые больше и сложнее, чем то, что видела когда-либо Америка. Россия начинает «мыслить машинами». Россия быстро переходит от века дерева к веку железа, стали, бетона и моторов».

Отзыв «лево»-реформистского журнала в Англии «Форвард», датный в сентябре 1932 года:

«Бросается в глаза огромная работа, которая происходит в СССР. Новые заводы, новые школы, новые кино, новые клубы, новые громадные дома — всюду новые постройки. Многие из них уже кончены, другие еще окружены лесами. Трудно рассказать английскому читателю, что сделано за последние два года и что делается дальше. Надо все это видеть для того, чтобы этому поверить. Наши собственные достижения, осуществленные нами во время войны, лишь пустяк по сравнению с тем, что делается в СССР. Американцы признают, что даже в период самой стремительной созидательной горячки в западных штатах там не было ничего похожего на теперешнюю лихорадочную творческую деятельность в СССР. За последние два года в СССР произошло так много изменений, что отказываешься далее представлять себе, что же будет в этой стране еще через 10 лет... Выбросьте из головы фантастические страшные истории, рассказываемые английскими газетами, которые так упорно и так нелепо лгут о СССР. Выбросьте также из головы всю ту половинчатую правду и впечатления, основанные на непонимании, которые пущены в ход дилетантствующими интеллигентами, покровительственно глядящими на СССР сквозь очки среднего класса, но не имеющими ни малейшего представления о том, что происходит там... СССР строит новое общество на здоровых основах. Чтобы осуществить эту цель, надо подвергаться риску, надо работать с энтузиазмом, с такой энергией, какой мир до сих пор не знал, надо бороться с огромнейшими трудностями, неизбежными при стремлении построить социализм в обширной стране, изолированной от остального мира. Но, посетив эту страну вторично за два года, я получил впечатление, что она идет по пути прочного прогресса, планирует, творит и строит, и все это в таком масштабе, который является ярким вызовом по адресу враждебного капиталистического мира».

Таковы разногласия и раскол в лагере буржуазных кругов, из которых одни стоят за уничтожение СССР с его якобы провалившимся пятилетним планом, а другие, видимо, за торговое сотрудничество с СССР, рассчитывая очевидно на то, что из успехов пятилетнего плана можно будет извлечь для себя некоторую выгоду.

Особо стоит вопрос об отношении рабочего класса капиталистических стран к вопросу о пятилетке, к вопросу об успехах социалистического строительства в СССР. Можно было бы здесь ограничиться приведенным отзывом одной из многочисленных рабочих делегаций, ежегодно приезжающих в СССР, хотя бы например бельгийской рабочей делегации. Отзыв этот типичен для всех без исключения рабочих делегаций, все равно, идет ли речь об английской или французской делегации, о германской или американской или о делегациях других стран. Вот он:

«Мы восхищены тем громадным строительством, которое мы наблюдали во время нашего путешествия. В Москве, как и в Магеевке, Горловке, Харькове и Ленинграде, мы могли констатировать, с каким энтузиазмом там работают. Все машины — новейшей конструкции. На заводах — чистота, много воздуха и света.

Мы видели, как в СССР рабочим оказывается медицинская и санитарная помощь. Рабочие жилища построены вблизи от заводов. В рабочих городках организованы школы и ясли; дети окружены самыми тщательными заботами. Мы могли видеть разницу между старыми и вновь построенными заводами, между старыми и новыми жилищами. Все, что мы видели, дало нам ясное представление о громадной силе трудящихся, строящих новое общество под руководством коммунистической партии. Мы наблюдали в СССР большой культурный подъем, в то время как в других странах царит упадок во всех областях, царит безработица. Мы могли видеть, какие страшные трудности советские трудящиеся встречают на своем пути. Мы тем в большей степени понимаем гордость, с которой они показывают нам свои победы. Мы убеждены, что они преодолеют все препятствия».

Вот вам международное значение пятилетки. Стоило нам проделать строительную работу в продолжение каких-нибудь 2—3 лет, стоило показать первые успехи пятилетки, чтобы весь мир раскололся на два лагеря: на лагерь людей, которые дают нас без устали, и лагерь людей, которые поражены успехами пятилетки, не говоря уже о том, что имеется и усиливается наш собственный лагерь во всем мире, — лагерь рабочего класса капиталистических стран, который радуется успехам рабочего класса СССР и готов оказать ему поддержку на страх буржуазии всего мира.

Что это значит?

Это значит, что международное значение пятилетки, международное значение ее успехов и завоеваний не подлежит сомнению.

Это значит, что капиталистические страны чреватые пролетарской революцией, и именно потому, что они чреватые пролетарской революцией, буржуазия хотела бы почерпнуть в неудачах пятилетки новый аргумент против революции, и наоборот, пролетариат старается почерпнуть и действительно черпает в успехах пятилетки новый аргумент за революцию, против буржуазии всего мира.

Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма, — таков неоспоримый факт.

Не может быть сомнений, что международное революционное значение пятилетки действительно неизмеримо.

Тем с большим вниманием должны мы отнестись к вопросу о пятилетке, о содержании пятилетки, об основных задачах пятилетки.

Тем с большей тщательностью мы должны проанализировать итоги пятилетки, итоги исполнения и проведения в жизнь пятилетнего плана.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА И ПУТЬ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Перейдем к вопросу о пятилетнем плане по существу.

Что такое пятилетний план?

В чем состояла основная задача пятилетнего плана?

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести нашу страну с ее отсталой, подчас средневековой техникой на рельсы новой, современной техники.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР из страны аграрной и немощной, зависимой от капризов капиталистических стран, в страну индустриальную и могучую, вполне самостоятельную и независимую от капризов мирового капитализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, — вытеснить до конца капиталистиче-

ские элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма.

Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства, обеспечить тем самым экономическую базу социализма в деревне и ликвидировать таким образом возможность восстановления капитализма в СССР.

Наконец задача пятилетнего плана состояла в том, чтобы создать в стране все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающей возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне, всем и всяким попыткам военного нападения извне.

Чем диктовалась эта основная задача пятилетки, чем она обосновывалась?

Необходимостью ликвидации технико-экономической отсталости Советского союза, обрекающей его на незавидное существование, необходимостью создать в стране такие предпосылки, которые дали бы ей возможность не только догнать, но со временем и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Соображением о том, что советская власть не может долго держаться на базе отсталой промышленности, что только современная крупная промышленность, не только не уступающая, но могущая со временем превзойти промышленность капиталистических стран, — может служить действительным и надежным фундаментом для советской власти.

Соображением о том, что советская власть не может долго базироваться на двух противоположных основах: на крупной социалистической промышленности, которая уничтожает капиталистические элементы, и на мелком единоличном крестьянском хозяйстве, которое порождает капиталистические элементы.

Соображением о том, что пока не подведена под мелкое крестьянское хозяйство база крупного производства, пока не объединены мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства, — опасность восстановления капитализма в СССР является самой реальной опасностью из всех возможных опасностей.

Ленин говорил:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически...

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (Ленин. 3-е изд., т. XXI, стр. 191).

Ленин говорил:

«Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы коряей капитализма не вырвали и фундамент, опору у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую

техническую базу, на техническую базу современного крупного производства... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» (Ленин, 3-е изд., т. XXVI, стр. 46—47).

Эти положения и легли в основу тех соображений партии, которые привели к выработке пятилетнего плана, которые привели к определению основной задачи пятилетнего плана.

Так обстоит дело с основной задачей пятилетки.

Но осуществление такого грандиозного плана нельзя начинать вразброс, с чего попало. Чтобы осуществить такой план, нужно прежде всего найти основное звено плана, ибо, только найдя основное звено и ухватившись за него, можно было вытянуть все остальные звенья плана.

В чем состояло основное звено пятилетнего плана?

Основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — машиностроением. Ибо только тяжелая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство. С нее и надо было начать осуществление пятилетки. Стало быть восстановление тяжелой промышленности нужно было положить в основу осуществления пятилетнего плана.

Мы имеем указания Ленина и на этот предмет:

«Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления — этого тоже еще мало, — нам необходима также тяжелая индустрия... Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибем как самостоятельная страна... Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не пойдем, то мы, как цивилизованное государство, — я уже не говорю, как социалистическое, — погибем» (Ленин, 3-е изд., т. XXVII, стр. 349).

Но восстановление и развитие тяжелой индустрии, особенно в такой отсталой и небогатой стране, какой была наша страна в начале пятилетки, является самым трудным делом, ибо тяжелая индустрия требует, как известно, громадных финансовых затрат и наличия известного минимума опытных технических сил, без чего, вообще говоря, невозможно восстановление тяжелой индустрии. Знала ли об этом партия и отдавала ли себе в этом отчет? Да, знала. И не только знала, но заявляла об этом во всеулышание. Партия знала, каким путем была построена тяжелая индустрия в Англии, Германии, Америке. Она знала, что тяжелая индустрия была построена в этих странах либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран, либо же и тем и другим путем одновременно. Партия знала, что эти пути закрыты для нашей страны. На что же она рассчитывала? Она рассчитывала на собственные силы нашей страны. Она рассчитывала на то, что, имея советскую власть и опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, — мы можем проводить строжайший режим экономии для того, чтобы накопить достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии. Партия прямо говорила, что это дело потребует серьезных жертв и что мы должны пойти на эти жертвы открыто и сознательно, если хотим добиться цели. Партия рассчитывала поднять это дело внутренними силами нашей страны без кабальных кредитов и займов извне.

Вот что говорил Ленин на этот счет:

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

Не будет ли это царством крестьянской огранияченности?

Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономии, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (Ленин, 3-е изд. т. XXVII, стр. 417).

Пересесть с обнищавшей мужицкой лошади на лошадь крупной машинной индустрии, — вот какую цель преследовала партия, выработывая пятилетний план и добиваясь его осуществления.

Установить строжайший режим экономии и накапливать средства, необходимые для финансирования индустриализации нашей страны, — вот на какой путь надо было стать, чтобы добиться восстановления тяжелой индустрии и осуществления пятилетнего плана.

Смелая задача? Трудный путь? Но наша партия потому и называется Ленинской партией, что она не имеет права бояться трудностей.

Более того, уверенность партии в осуществимости пятилетки и вера в силы рабочего класса были до того сильны, что партия нашла возможным поставить себе задачу осуществить это трудное дело не в пять лет, как этого требовал пятилетний план, а в четыре года, собственно — четыре года и три месяца, если прибавить особый квартал.

На этой основе и родился знаменитый лозунг: «Пятилетка в четыре года».

И что же?

Факты показали впоследствии, что партия была права.

Факты показали, что без этой смелости и веры в силы рабочего класса партия не могла добиться той победы, которой гордимся мы теперь по праву.

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ в ЧЕТЫРЕ ГОДА в ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Перейдем теперь к вопросу об итогах осуществления пятилетнего плана.

Каковы итоги пятилетки в четыре года в области промышленности?

Добились ли мы победы в этой области?

Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем мы сами ожидали, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги. Тем более не могут этого отрицать наши друзья.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись.

Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Восточной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии.

А все это привело к тому, что капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР.

А все это привело к тому, что страна наша из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48 проц. в начале пятилетки (1928 г.) до 70 проц. к концу четвертого года пятилетки (1932 г.).

А все это привело к тому, что к концу четвертого года пятилетки нам удалось выполнить программу общего промышленного производства, рассчитанную на пять лет, — на 93,7 проц., подняв объем промышленной продукции более чем в т р о е в сравнении с довоенным уровнем и более чем в д в о е в сравнении с уровнем 1928 г. Что же касается программы производства по тяжелой промышленности, то мы выполнили пятилетний план на 108 проц. Правда, мы здесь недовыполнили общую программу пятилетки на 6 проц. Но это объясняется тем, что ввиду отказа соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнений на Дальнем Востоке нам пришлось наскоро переключить ряд заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны. Ну, а переключение это ввиду необходимости пройти некий подготовительный период привело к тому, что заводы эти прекратили производство продукции в продолжение четырех месяцев, что не могло не отразиться на выполнении общей программы производства по пятилетнему плану в течение

1932 года. Операция эта привела к тому, что мы восполнили деликом и полностью пробелы в деле обороноспособности страны. Но она не могла не отразиться отрицательно на выполнении программы производства по пятилетнему плану. Не может быть никакого сомнения, что без этого входящего обстоятельства мы не только выполнили бы, по вероятности невыполнили бы цифровую часть пятилетнего плана.

Наконец все это привело к тому, что из страны слабой и неподготовленной к обороне Советский союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям. в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне.

Таковы в общем итоги пятилетки в четыре года в области промышленности.

Теперь судите сами, чего стоит после этого болтовня буржуазной печати о «провале» пятилетки в области промышленности.

А как обстоит дело с капиталистическими странами, переживающими ныне жестокий кризис, в смысле роста их промышленной продукции?

Вот всем известные официальные данные.

В то время как объем промышленной продукции СССР к концу 1932 года вырос в сравнении с довоенным уровнем до 334 проц., объем промышленной продукции САСШ снизился за тот же период до 84 проц. довоенного уровня, Англии — до 75 проц., — Германии — до 62 проц.

В то время как объем промышленной продукции СССР вырос к концу 1932 года в сравнении с уровнем 1928 года до 219 проц., объем промышленной продукции САСШ снизился за тот же период до 56 проц.; Англии — до 80 проц., Германии — до 55 проц., Польши — до 54 проц.

О чем говорят эти данные, как не о том, что капиталистическая система промышленности не выдержала экзамена в тяжбе с советской системой, что советская система промышленности имеет все преимущества перед системой капиталистической.

Нам говорят, что все это хорошо, построено много новых заводов, заложены основы индустриализации. Но было бы гораздо лучше отказаться от политики индустриализации, от политики расширения производства средств производства, или по крайней мере отложить это дело на задний план с тем, чтобы производить больше ситца, обуви, одежды и прочих предметов широкого потребления. Предметов широкого потребления произведено меньше, чем нужно, а это создает известные затруднения.

Но тогда надо знать и надо отдать себе отчет, к чему привела бы нас подобная политика отодвигания на задний план задач индустриализации. Конечно мы могли бы из полутора миллиардов рублей валюты, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т. д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин — и мы были бы безоружны перед лицом вооруженной новой техникой капиталистического окружения. Мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами, — стало бы мы сидели бы без хлеба. Мы лишили бы себя возможности одержать победу над капиталистическими элементами в стране, — стало бы мы неминуемо повысили бы шансы на реставрацию капитализма. Мы не имели бы тогда всех современных средств обороны, без которых

невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций высших врагов. Наше положение было бы тогда более или менее аналогично положению внешнего Китая, который не имеет своей тяжелой промышленности, не имеет своей военной промышленности и который клюют все, кому только не лень.

Одним словом, мы имели бы в таком случае военную интервенцию, не пакты о ненападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

Ясно, что уважающая себя государственная власть, уважающая себя партия не могла стать на такую гибельную точку зрения.

И именно потому, что партия отвергла такую антиреволюционную установку, — именно поэтому она добилась решающей победы в деле выполнения пятилетнего плана в области промышленности.

Осуществляя пятилетку и организуя победу в области промышленного строительства, партия проводила политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности, Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед.

Правильно ли поступала партия, проводя политику наиболее ускоренных темпов?

Да, безусловно правильно.

Нельзя не подгонять страну, которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность. Только таким образом можно было дать стране возможность наскоро перевооружиться на базе новой техники и выйти наконец на широкую дорогу.

Далее, мы не могли знать, в какой день нападут на СССР империалисты и прервут наше строительство, а что они могли напасть в любой момент, пользуясь технико-экономической слабостью нашей страны, в этом не могло быть сомнения. Поэтому партия была вынуждена подхлестывать страну, чтобы не упустить времени, использовать до дна передышку и успеть создать в СССР основы индустриализации, представляющие базу его могущества. Партия не имела возможности ждать и маневрировать и она должна была проводить политику наиболее ускоренных темпов.

Наконец партия должна была покончить в возможно короткий срок со слабостью страны в области обороны. Условия момента, рост вооружений в капиталистических странах, провал идеи разоружения, ненависть международной буржуазии к СССР, — все это толкало партию на то, чтобы форсировать дело усиления обороноспособности страны, основы ее независимости.

Но имела ли партия реальную возможность осуществлять политику наиболее ускоренных темпов? Да, имела. Она имела эту возможность не только потому, что она успела во время раскатать страну в духе быстрого продвижения вперед, но прежде всего потому, что она могла опереться в деле широкого нового строительства на старые или обновленные заводы и фабрики, которые были уже освоены рабочими и инженерно-техническим персоналом и которые давали ввиду этого возможность осуществлять наиболее ускоренные темпы развития.

Вот на какой основе выросли у нас в период первой пятилетки быстрый подъем нового строительства, пафос развернутого строительства, герои и ударники новостроек, практика бурных темпов развития.

Можно ли сказать, что во второй пятилетке придется проводить такую же точно политику наиболее ускоренных темпов?

Нет, нельзя этого сказать.

Во-первых, в результате успешного проведения пятилетки мы уже

и мы планировали в основном ее главную задачу — подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости.

Во-вторых, в результате успешного выполнения пятилетки нам удалось с уже поднятой обороноспособностью страны на должную высоту. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что теперь нет в этом необходимости.

Наконец в результате успешного выполнения пятилетки нам удалось построить десятки и сотни новых больших заводов и комбинатов, имеющих новую сложную технику. Это значит, что в объеме промышленной продукции во второй пятилетке основную роль будут играть уже не старые заводы, техника которых уже освоена, как это имело место в период первой пятилетки, а новые заводы, техника которых еще не освоена и которую надо освоить. Но освоение новых предприятий и новой техники представляет гораздо больше трудностей, чем использование старых или обновленных заводов и фабрик, техника которых уже освоена. Оно требует больше времени для того, чтобы поднять квалификацию рабочих и инженерно-технического персонала и приобрести новые навыки для полного использования новой техники. Не ясно ли после всего этого, что если бы даже хотели, мы не могли бы осуществить в период второй пятилетки, особенно в первые два—три года второй пятилетки, политику наиболее ускоренных темпов развития.

Вот почему я думаю, что для второй пятилетки нам придется взять менее ускоренные темпы роста промышленной продукции. В период первой пятилетки ежегодный прирост промышленной продукции составлял в среднем 22 проц. Я думаю, что для второй пятилетки придется взять 13—14 проц. ежегодного прироста промышленной продукции в среднем. Для капиталистических стран такой темп прироста промышленной продукции составляет недостижимый идеал. И не только такой темп прироста промышленной продукции, — даже 5 проц. ежегодного среднего прироста составляет для них теперь недостижимый идеал. Но на то они и капиталистические страны. Другое дело — советская страна с советской системой хозяйства. При нашей системе хозяйства мы имеем полную возможность и мы должны осуществить 13—14 проц. ежегодного прироста продукции как минимум.

В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. В этом теперь главное. Ибо только на этой базе мы можем добиться, скажем, ко второй половине второй пятилетки нового мощного разбега как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции.

Наконец несколько слов о самих темпах и процентах ежегодного прироста продукции. Наши промышленники мало зажимаются этим вопросом. А между тем это очень интересный вопрос. Что такое проценты прироста продукции и что собственно кроется за каждым процентом прироста? Возьмем например 1925 год, период восстановительный. Годовой прирост продукции был тогда 66 проц. Валовая продукция промышленности составляла 7.700 млн. рублей. 66 проц. прироста составляло тогда в абсолютных цифрах 3 миллиарда с лишним. Стало быть каждый процент прироста равнялся тогда 43 миллионам рублей. Возьмем теперь 1928 год. Он дал 26 проц. прироста, т. е. почти втрое меньше в процентном отношении, чем 1925 г. Валовая продукция промышленности соста-

влила тогда 15.500 млн. рублей. Весь прирост на год составил в абсолютных цифрах 3.280 млн. руб. Стало быть каждый процент прироста равнялся тогда 120 млн. руб., т. е. составлял почти втрое большую сумму, чем в 1925 году, когда мы имели 66 проц. прироста. Возьмем наконец 1931 г. Он дал 22 проц. прироста, т. е. втрое меньше, чем в 1925 году. Валовая продукция промышленности составляла тогда 30.800 млн. рублей. Весь прирост дал в абсолютных цифрах 5.600 млн. с лишним. Стало быть каждый процент прироста составил свыше 250 млн. рублей, т. е. в шесть раз больше, чем в 1925 году, когда мы имели 66 проц. прироста, и вдвое больше, чем в 1928 г., когда мы имели 26 с лишним процентов прироста.

О чем все это говорит? О том, что при изучении темпов прироста продукции нельзя ограничиваться рассмотрением одной лишь общей суммы процентов прироста, — надо еще знать, что скрывается за каждым процентом прироста и какова общая сумма годового прироста продукции. Мы берем например для 1933 года 16 проц. прироста, т. е. в четыре раза меньше, чем в 1925 году. Но это еще не значит, что прирост продукции за этот год будет также в четыре раза меньше. Прирост продукции в 1925 году в абсолютных цифрах составил 3 миллиарда с лишним, а каждый процент равнялся 43 миллионам рублей. Нет оснований сомневаться в том, что прирост продукции в 1933 году в абсолютных цифрах, при норме 16 проц. прироста, составит не менее 5 миллиардов рублей, т. е. почти вдвое больше, чем в 1925 г., а каждый процент прироста будет равняться по крайней мере 320—340 миллионам рублей, т. е. будет составлять по крайней мере в семь раз большую сумму, чем каждый процент прироста в 1925 году.

Вот как оборачивается дело, товарищи, если рассматривать вопрос о темпах и процентах прироста конкретно.

Так обстоит дело с итогами пятилетки в четыре года в области промышленности.

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Перейдем к вопросу об итогах пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства.

Пятилетка в области сельского хозяйства есть пятилетка коллективизации. Из чего исходила партия, проводя коллективизацию?

Партия исходила из того, что для упрочения диктатуры пролетариата и построения социалистического общества кроме индустриализации необходим еще переход от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному коллективному сельскому хозяйству, снабженному тракторами и современными сельхозмашинами, как единственно прочной основе советской власти в деревне.

Партия исходила из того, что без коллективизации невозможно вывести нашу страну на широкую дорогу построения экономического фундамента социализма, невозможно избавить многомиллионное трудящееся крестьянство от нищеты и невежества.

Ленин говорил, что

«Мелким хозяйством из нужды не выйти» (Ленин, 3-е изд., т. XXIV, стр. 540).

Ленин говорил, что

«Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель» (Ленин, 3-е изд. т. XX, стр. 417).

Ленин говорил, что

«Только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистическая война» (Ленин, 3-е изд., т. XXIV, стр. 537).

Ленин говорил, что

«Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах: без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя». (Ленин, 3-е изд., т. XX, стр. 418).

Исходя из этого, Ленин пришел к следующему основному выводу:

«Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь если удастся помочь крестьянину при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу» (Ленин, 3-е изд., т. XXIV, стр. 579—580).

Из этих положений Ленина исходила партия, проводя программу коллективизации сельского хозяйства, программу пятилетки в области сельского хозяйства.

В связи с этим задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы объединить разрозненные и мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, лишившие возможности использовать тракторы и современные сельскохозяйственные машины, в крупные коллективные хозяйства, вооруженные всеми современными орудиями высоко развитого сельского хозяйства, а свободные земли покрыть образцовыми государственными хозяйствами, совхозами.

Задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы прератить СССР из страны мелкокрестьянской и отсталой в страну крупного сельского хозяйства, организованного на базе коллективного труда и дающего наибольшую товарность.

Чего добилась партия, проводя программу пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства? Выполнила она эту программу или потерпела крах?

Партия добилась того, что в продолжение каких-нибудь трех лет она сумела организовать более 200 тысяч коллективных хозяйств и около 5 тысяч совхозов зернового и животноводческого направления, добившись одновременно расширения посевных площадей за 4 года на 21 миллион гектаров.

Партия добилась того, что колхозы объединяют теперь свыше 60 проц. крестьянских хозяйств с охватом свыше 70 проц. всех крестьянских площадей, что означает перевыполнение пятилетки в три раза.

Партия добилась того, что вместо 500—600 миллионов пудов товарного хлеба, заготавливавшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготавливать 1.200—1.400 миллионов пудов зерна ежегодно.

Партия добилась того, что кулачество как класс разгромлено, хотя и не добито еще, трудовое крестьянство освобождено от кулацкой кабалы и эксплуатации и под советскую власть подведена прочная экономическая база в деревне, база коллективного хозяйства.

Партия добилась того, что СССР уже преобразован из страны мелкокрестьянского хозяйства в страну самого крупного сельского хозяйства в мире.

Таковы в общем итоги пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства.

Судите теперь сами, чего стоит после всего этого болтовня буржуазной печати о «крахе» коллективизации, о «провале» пятилетки в области сельского хозяйства.

А как обстоит дело с сельским хозяйством в капиталистических странах, переживающих ныне жестокий сельскохозяйственный кризис?

Вот всем известные официальные данные.

Сокращены посевные площади в основных хлебопроизводящих странах на 8—10 проц. Сокращены посевные площади по хлопку в САСШ на 15 проц., по сахарной свекле в Германии и Чехо-Словакии — на 22—30 проц., по льну в Литве и Латвии — на 25—30 проц.

По данным американского сельскохозяйственного департамента, стоимость валовой продукции сельского хозяйства в САСШ снизилась с 11 млрд. долларов в 1929 г. до 5 млрд. в 1932 г., т. е. более чем на 50 проц. По зерну там же стоимость валовой продукции снизилась с 1.288 миллионов долларов в 1929 г. до 391 миллиона долларов в 1932 г., т. е. более чем на 68 проц. По хлопку там же — с 1.389 миллионов долларов в 1929 году до 397 миллионов долларов в 1932 г., т. е. сниженке более чем на 70 проц.

Не говорят ли все эти факты о преимуществах советской системы сельского хозяйства перед системой капиталистической? Не говорят ли эти факты о том, что колхозы являются более жизнеспособной формой хозяйства, чем единоличные и капиталистические хозяйства?..

Говорят, что колхозы и совхозы не вполне рентабельны, что они поглощают уйму средств, что держать такие предприятия нет никакого резона, что целесообразнее было бы распустить их, оставив лишь рентабельные из них. Но так могут говорить лишь люди, которые ничего не смыслят в вопросах народного хозяйства, в вопросах экономики. Более половины текстильных предприятий несколько лет тому назад были нерентабельны. Одна часть наших товарищей предлагала нам тогда закрыть эти предприятия. Что было бы с нами, если бы мы послушались их? Мы совершили бы величайшее преступление перед страной, перед рабочим классом, ибо мы разорили бы этим нашу поднимающуюся промышленность. Как же мы поступили тогда? Мы выждали год с лишним и добились того, что вся текстильная промышленность стала рентабельной. А наш автозавод в городе Горьком? Тоже ведь не рентабелен пока что. Не прикажете ли закрыть его? Или наша черная металлургия, которая тоже пока что нерентабельна? Не закрыть ли ее, товарищи? Если так смотреть на рентабельность, то мы должны были бы развивать во-всю лишь некоторые отрасли промышленности, дающие наибольшую ренту, например, кондитерскую промышленность, мукомольную промышленность, парфюмерную, трикотажную, промышленность детских игрушек и т. д. Я конечно не против развития этих отраслей промышленности. Наоборот, они должны быть развиты, так как они также нужны для населения. Но, во-первых, они не могут быть развиты без оборудования и топлива, которые дает им тяжелая индустрия. Во-вторых, на них невозможно базировать индустриализацию. Вот в чем дело, товарищи.

На рентабельность нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет. Только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксистской. И эта точка зрения обязательна не только в отношении промышленности, но в еще большей степени в отношении колхозов и совхозов. Вы только подумайте: в каких-нибудь три года мы создали более 200 тысяч колхозов и около 5 тысяч совхозов, т. е. мы создали совершенно новые крутые пред-

приятия, имеющие такое же значение для сельского хозяйства, как заводы и фабрики для промышленности. Назовите страну, которая сумела создать в продолжение трех лет не 205 тысяч новых крупных предприятий, а хотя бы 25 тысяч таких предприятий. Вы не назовете, ибо нет и не бывало такой страны. А мы создали 205 тысяч новых предприятий в сельском хозяйстве. И вот есть, оказывается, на свете люди, которые требуют, чтобы эти предприятия стали сразу рентабельными, а если они не станут сразу рентабельными, то разрушить и распусить их. Не ясно ли, что лавры Герострата не дают спать этим более чем страшным людям?

Говоря о нерентабельности колхозов и совхозов, я вовсе не хочу сказать, что они все нерентабельны. Ничего подобного. Всем известно, что уже теперь имеется целый ряд высоко рентабельных колхозов и совхозов. У нас имеются тысячи колхозов и десятки совхозов вполне рентабельных уже теперь. Эти колхозы и совхозы составляют гордость нашей партии, гордость советской власти. Колхозы и совхозы конечно не везде одинаковы. Среди колхозов и совхозов имеются старые, новые и совсем молодые. Это еще слабые, не вполне отлившиеся хозяйственные организмы. Они переживают в своем организационном строительстве приблизительно тот же период, какой переживали наши заводы и фабрики в 1920—1921 гг. Понятно, что они не могут быть еще рентабельными в своем большинстве. Но что они станут рентабельными в продолжение 2—3 лет так же, как стали рентабельными наши фабрики и заводы после 1921 года, — в этом не может быть никакого сомнения. Отказать им в помощи и поддержке на том основании, что не все они рентабельны в данную минуту, значит совершить величайшее преступление перед рабочим классом и крестьянством. Только враги народа и контрреволюционеры могут ставить вопрос о ненужности колхозов и совхозов.

Осуществляя пятилетку по сельскому хозяйству, партия проводила коллективизацию ускоренными темпами. Правильно ли поступала партия, проводя политику ускоренных темпов коллективизации? Да, безусловно правильно, хотя и не обошлось здесь дело без некоторых увлечений. Проводя политику ликвидации кулачества как класса и выкорчевывая кулацкие гнезда, партия не могла остановиться на полдороге — она должна была довести до конца это дело. Это во-первых. Во-вторых, располагая тракторами и сельхозмашинами, с одной стороны, и пользуясь отсутствием частной собственности на землю (национализация земли!), с другой стороны, партия имела все возможности форсировать коллективизацию сельского хозяйства. И она действительно добилась в этой области величайшего успеха, ибо перевыполнила программу пятилетки по коллективизации втрое.

Значит ли это, что мы должны проводить политику форсированных темпов коллективизации и в период второй пятилетки? Нет, не значит. Дело в том, что мы уже закончили в основном коллективизацию основных районов СССР. Стало быть сделали больше в этой области, чем можно было ожидать. И не только закончили в основном коллективизацию. Мы добились того, что в сознании громадного большинства крестьянства колхозы стали наиболее приемлемой формой хозяйства. Это — громадное завоевание, товарищи. Теперь вопрос стоит уже не о том, быть или не быть колхозам, — этот вопрос уже решен положительно.

Колхозы закреплены, и путь к старому единоличному хозяйству закрыт окончательно. Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими.

В этом теперь главное.

Так обстоит дело с пятилеткой в четыре года в области сельского хозяйства.

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ в ЧЕТЫРЕ ГОДА в ОБЛАСТИ УЛУЧШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ и КРЕСТЬЯН

Я говорил выше об успехах в области промышленности и сельского хозяйства, о подъеме промышленности в сельском хозяйстве в СССР. Какие результаты получились от этих успехов с точки зрения улучшения материального положения рабочих и крестьян? В чем состоят основные результаты наших успехов в области промышленности и сельского хозяйства с точки зрения коренного улучшения материального положения трудящихся?

Они состоят, во-первых, в уничтожении безработицы и ликвидации неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих.

Они состоят, во-вторых, в охвате колхозным строительством почти всей крестьянской бедноты, в подрыве на этой основе расслоения крестьянства на кулаков и бедняков и в уничтожении в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне.

Это — громадное завоевание, товарищи, о котором не может мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самым что ни на есть «демократическим» государством.

У нас в СССР рабочие давно уже забыли о безработице. Года три тому назад мы имели около полутора миллионов безработных. Вот уже два года, как уничтожили мы безработицу. И рабочие успели уже забыть за это время о безработице, об ее гнете, об ее ужасах. Посмотрите-ка на капиталистические страны, какие ужасы творятся там на почве безработицы. В этих странах имеется теперь не менее 30—40 миллионов безработных. Что это за люди? О них обычно говорят, что это «конченные люди». Они каждый день добиваются работы, ищут работы, готовы принять почти любые условия работы, но их не принимают на работу, потому что они «лишние» люди. И это в то время, когда огромные массы товаров и продуктов расточаются ради капризов баловней судьбы, сынков капиталистов и помещиков. Безработным отказывают в пище, потому что им нечем платить за пищу, им отказывают в крове, потому что им нечем платить за квартиру. Чем и где они живут? Они живут скудными подачками с барского стола, раскапыванием мусорных ящиков, где они находят гнилые остатки пищи, живут в трущобах больших городов, а больше всего в лачужках за городом, наскоро выстроенных безработными из досок от ящиков и древесной коры. Но это не все. От безработицы страдают не только безработные. От нее страдают также имеющие работу рабочие. Страдают, так как наличие большого количества безработных создает для них неустойчивое положение на производстве, неуверенность в завтрашнем дне. Сегодня они работают на предприятии, но они не уверены, что проснувшись завтра, не узнают, что они уже расчисланы.

Одно из основных завоеваний пятилетки в четыре года состоит в том, что мы уничтожили безработицу и избавили рабочих СССР от ее ужасов.

То же самое надо сказать о крестьянах. Они также забыли о расслоении крестьян на кулаков и бедняков, об эксплуатации бедноты со стороны кулаков, о разорении, которое каждый год пускало по миру сотни тысяч и миллионы бедноты. Года 3—4 тому назад у нас имелось бедняков среди крестьян не менее 30 проц. всего крестьянского населения. Это составляло более десятка миллионов людей. А еще раньше, до Октябрьской революции, бедняки составляли не менее 60 проц. крестьянского населения. Что такое бедняки? Это такие люди, у которых обычно нехватало для хозяйства либо семян, либо лошади, либо орудий, либо не-

хватало всех этих вещей вместе взятых. Бедняки — это такие люди, которые жили впроголодь и, как правило, находились в кабале у кулаков, а в старое время — и у кулаков и у помещиков. Еще совсем недавно около полутора миллионов, а то и целых два миллиона бедняков, направлялось ежегодно на заработки на юг — на Северный Кавказ и Украину в наймиты к кулакам, а еще раньше — к кулакам и помещикам. Еще больше приходило их ежегодно к заводским воротам, заполняя ряды безработных. И не только бедняки находились в таком незавидном положении. Добрая половина середняков находилась в такой же нужде и лишениях, как бедняки. Обо всем этом успели уже забыть крестьяне.

Что дала пятилетка в четыре года беднякам и низшим слоям середняков? Она подорвала и разбила кулачество как класс, освободив бедняков и добрую половину середняков от кулацкой кабалы. Она вовлекла их в колхозы и создала для них прочное положение. Она уничтожила тем самым возможность расслоения крестьянства на эксплуататоров — кулаков и эксплуатируемых — бедняков. Она подняла бедноту и низшие слои середняков в колхозах на положение людей обеспеченных, уничтожив тем самым процесс разорения и обнищания крестьянства. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы миллионы крестьян срывались ежегодно со своих мест и уходили на заработки в далекие края. Для того, чтобы вытянуть крестьянина на работу куда-нибудь вне его собственного колхоза, теперь надо подписывать договор с колхозом, да еще обеспечить колхознику даровой проезд по железной дороге. Теперь уже нет у нас таких случаев, чтобы сотни тысяч и миллионы крестьян разорялись и обивали пороги фабрик и заводов. Это дело было, но оно давно уже сплыло. Теперь крестьянин — обеспеченный хозяин, член колхоза, имеющего в своем распоряжении тракторы, сельхозмашины, семфонды, запфонды и т. д. и т. п.

В результате этих основных завоеваний в области улучшения материального положения рабочих и крестьян мы имеем за первую пятилетку:

а) рост численности рабочих и служащих крупной промышленности вдвое в сравнении с 1928 годом, что дает перевыполнение пятилетнего плана на 57 проц.;

б) рост народного дохода — стало быть рост доходов рабочих и крестьян, — достигшего в 1932 году 45,1 миллиардов рублей, что дает увеличение на 85 проц. по сравнению с 1928 годом;

в) рост среднегодовой заработной платы рабочих и служащих крупной промышленности на 67 проц. в сравнении с 1928 годом, что дает перевыполнение пятилетки на 18 проц.;

г) рост фонда специального страхования на 292 проц. в сравнении с 1928 годом (4.120 млн. рублей в 1932 г. против 1.050 млн. рублей в 1928 г.), что дает перевыполнение пятилетнего плана на 111 проц.;

д) рост общественного питания с охватом свыше 70 проц. рабочих решающих отраслей промышленности, что дает перевыполнение пятилетки в шесть раз.

Конечно мы еще не добились того, чтобы полностью обеспечить материальные запросы рабочих и крестьян. И едва ли мы добьемся этого в ближайшие годы. Но мы несомненно добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год. В этом могут сомневаться разве только заклятые враги советской власти или, может быть, некоторые представители буржуазной печати, в том числе и одна часть корреспондентов этой печати в Москве, которые понимают в экономике народов и в положении трудящихся едва ли больше, чем, скажем, абиссинский король в высшей математике.

А как обстоит дело с положением рабочих и крестьян в капиталистических странах?

Вот официальные данные.

Катастрофически возросло количество безработных в капиталистических странах. В САСШ, по официальным данным, по одной только обрабатывающей промышленности число занятых рабочих уменьшилось с 8,5 миллионов человек в 1928 г. до 5,5 миллионов в 1932 г.; по данным же американской федерации труда, число безработных в САСШ во всей промышленности доходит к концу 1932 года до 11 миллионов человек. В Англии количество безработных, по данным официальной статистики, возросло с 1.290 тысяч в 1928 г. до 2,8 миллионов человек в 1932 г. В Германии, по официальным данным, количество безработных возросло с 1.376 тысяч в 1928 г. до 5,5 миллионов в 1932 г. Такая же картина наблюдается во всех капиталистических странах, причем официальная статистика, как правило, преуменьшает данные о безработных, количество которых колеблется в капиталистических странах от 35 до 40 миллионов человек.

Систематически проводится снижение заработной платы рабочих. По официальным данным, снижение среднемесячной зарплаты в САСШ достигло 35 проц. по сравнению с уровнем 1928 г., в Англии за тот же срок — 15 проц., а в Германии даже — 50 проц. По подсчетам американской федерации труда, потери американских рабочих в результате снижения зарплаты в 1930/31 г. составили более 35 миллиардов долларов.

Значительно сокращены и без того незначительные фонды страхования рабочих в Англии и Германии. В САСШ и во Франции совершенно отсутствуют или почти отсутствуют какие бы то ни было формы страхования безработных, ввиду чего колоссально растет число бездомных рабочих и беспризорных детей, особенно в САСШ.

Не лучше обстоит дело с положением крестьянских масс в капиталистических странах, где сельскохозяйственный кризис в корне подрывает крестьянское хозяйство и пускает миллионы разоренных крестьян и фермеров по миру.

Таковы итоги пятилетки в четыре года в области улучшения материального положения трудящихся СССР.

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ в ЧЕТЫРЕ ГОДА в ОБЛАСТИ ТОВАРОБОРОТА МЕЖДУ ГОРОДОМ и ДЕРЕВНЕЙ

Перейдем теперь к вопросу об итогах пятилетки в четыре года в области роста товарооборота между городом и деревней.

Громадный рост продукции промышленности и сельского хозяйства, рост товарных излишков как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, наконец рост потребностей рабочих и крестьян, — все это не могло не привести и действительно привело к оживлению и расширению товарооборота между городом и деревней.

Производственная смычка между городом и деревней есть основная форма смычки. Но одной лишь производственной смычки недостаточно. Ее надо дополнить смычкой товарной для того, чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной. Этого можно добиться лишь через развертывание советской торговли. Было бы неправильно думать, что советскую торговлю можно развернуть через какой-либо один канал, например через кооперацию. Для развертывания советской торговли необходимо использовать все каналы: и кооперативную сеть, и государственно-торговую сеть и колхозную торговлю.

Некоторые товарищи думают, что развертывание советской торговли, особенно же развертывание колхозной торговли, есть возврат к первой стадии нэпа. Это совершенно неверно.

Между советской торговлей, в том числе колхозной торговлей, и торговлей первой стадии нэпа существует коренная разница. На первой стадии нэпа мы допускали оживление капитализма, допускали частный товарооборот, допускали «деятельность» частных торговцев, капиталистов, спекулянтов. Это была более или менее свободная торговля, ограниченная лишь регулирующей ролью государства. Тогда частнокапиталистический сектор в товарообороте страны занимал довольно большое место. Я уже не говорю о том, что тогда не было у нас ни такой развитой промышленности, как теперь, ни колхозов, ни совхозов, работающих по плану и дающих в распоряжение государства громадные резервы сельскохозяйственных продуктов и городских изделий.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такое же положение? Конечно нельзя этого сказать.

Во-первых, советскую торговлю нельзя ставить на одну доску с торговлей на первой стадии нэпа, хотя бы и регулируемой государством. Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания как того, так и другого. Что такое советская торговля? Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития.

Во-вторых, мы имеем теперь довольно развитую государственную промышленность и целую систему колхозов и совхозов, обеспечивающих государству громадные резервы сельскохозяйственных и промышленных товаров для разворота советской торговли. Этого не было и не могло быть в условиях первой стадии нэпа.

В-третьих, мы добились того, что за последний период вышибли совершенно из товарооборота частных торговцев, купцов, посредников всякого рода. Конечно это не исключает того, что могут вновь появиться в товарообороте по закону атавизма частные торговцы и спекулянты, используя для этого наиболее удобное для них поле, а именно — колхозную торговлю. Более того, сами колхозники иногда не прочь пуститься в спекуляцию, что не делает им конечно чести. Но против этих нездоровых явлений у нас имеется недавно изданный закон советской власти о мерах пресечения спекуляции и наказания спекулянтов. Вы знаете конечно, что закон этот не страдает особой мягкостью. Вы поймете конечно, что такого закона не было и не могло быть в условиях первой стадии нэпа.

Вы видите, что говорить после всего этого о возврате к торговле первой стадии нэпа — значит ничего, равным счетом ничего не понимать в нашей советской экономике.

Нам говорят, что невозможно развернуть торговлю, если даже она является советской торговлей, без здорового денежного хозяйства и здоровой валюты, что надо прежде всего лечить денежное хозяйство и нашу советскую валюту, которая якобы не представляет никакой ценности. Так говорят нам экономисты капиталистических стран. Я думаю, что эти уважаемые экономисты понимают в политической экономии не больше, чем, скажем, архиепископ Кентерберийский в антирелигиозной пропаганде. Как можно утверждать, что наша советская валюта не представляет никакой ценности? Разве это не факт, что на эту валюту строили мы Магнитострой, Днепрострой, Кузнецкстрой, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автомобильные

заводы, сотни тысяч колхозов и тысячи совхозов? Не думают ли эти господа, что все эти предприятия построены из соломы или из глины, а не из действительных материалов, имеющих определенную ценность? Чем обеспечивается устойчивость советской валюты, если иметь в виду конечно организованный рынок, имеющий решающее значение в товарообороте страны, а не рынок неорганизованный, имеющий лишь подчиненное значение? Конечно не только золотым запасом. Устойчивость советской валюты обеспечивается прежде всего громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам. Кто из экономистов может отрицать, что такое обеспечение, имеющее место только в СССР, является более реальным обеспечением устойчивости валюты, чем любой золотой запас? Поймут ли когда-нибудь экономисты капиталистических стран, что они окончательно запутались с горней золотого запаса, как единственного обеспечения устойчивости валюты?

Так обстоит дело с вопросами, связанными с развертыванием советской торговли.

Чего добились мы в результате проведения пятилетки в области развертывания советской торговли?

В итоге пятилетки мы имеем:

а) увеличение продукции легкой промышленности, поднявшейся до 187 проц. по сравнению с 1928 годом;

б) рост розничного кооперативно-государственного товарооборота, составляющего сейчас в ценах 1932 года 39,6 миллиардов рублей, т. е. увеличение товарной массы в розничной торговле до 175 проц. от 1928 года;

в) рост государственно-кооперативной торговой сети на 158 тысяч лавок и магазинов по отношению к 1929 году;

г) все увеличивающееся развертывание колхозной торговли и сельскохозяйственных заготовок отдельных государственных и кооперативных организаций.

Таковы факты.

Совершенно другую картину представляет положение товарооборота внутри капиталистических стран, где кризис привел к катастрофическому сокращению торговли, массовому закрытию предприятий и разорению мелких и средних торговцев, банкротству крупных торговых фирм и заговариванию торговых предприятий при продолжающемся падении покупательной способности трудящихся масс.

Таковы итоги пятилетки в четыре года в области развития товарооборота.

ИТОГИ ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ОСТАТКАМИ ВРАЖДЕБНЫХ КЛАССОВ

В итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы.

К чему это должно было привести в отношении капиталистических элементов и к чему оно на самом деле привело?

Это привело к тому, что оказались вышибленными из колен последние остатки умирающих классов: промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и полки, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы.

Будучи вышибленными из колен и разбросавшись по лицу всего СССР, эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по

нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску «рабочих» и «крестьян», причем кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? Конечно с чувством ненависти к советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта культуры.

Пойти в прямую атаку против советской власти эти господа уже не в силах. Они и их классы несколько раз вели уже такие атаки, но были разбиты и рассеяны. Поэтому единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, в совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т. д.

Но главное не в этом. Главное в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях, особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах, — такова основная форма «деятельности» этих бывших людей. Они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить советской власти. — и они действительно стараются расшатать общественную собственность путем организации массового воровства и хищения.

Для организации хищений они используют частнособственнические навыки и пережитки колхозников, вчерашних единоличников, а ныне членов колхозов. Вы, как марксисты, должны знать, что сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения. Колхозники по положению уже не единоличники, а коллективисты, но сознание у них пока еще старое, частнособственническое. И вот бывшие люди из рядов эксплуататорских классов используют частнособственнические привычки колхозников, чтобы организовать расхищение общественного имущества и тем поколебать основу советского строя — общественную собственность.

Многие наши товарищи благодушно смотрят на подобное явление, не понимая смысла и значения фактов массового воровства и хищения. Они, как слепые, проходят мимо этих фактов, полагая, что «тут нет ничего особенного». Но они, эти товарищи, глубоко заблуждаются. Основой нашего строя является общественная собственность так же, как основой капитализма — собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли. Допускать воровство и хищение общественной собственности, — все равно, идет ли дело о собственности государственной или о собственности кооперативной и колхозной, — и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий, — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу. Из этого исходило наше советское правительство, когда оно издало недавно закон об охране общественной собственности. Этот закон есть основа революцион-

ной законности в настоящий момент. А обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника.

Говорят, что революционная законность нашего времени ничем не отличается от революционной законности первого периода нэпа, что революционная законность нашего времени есть возврат к революционной законности первого периода нэпа. Это совершенно неверно. Революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острием главным образом против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно по-иному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность нашего времени направлена своим острием против воров и вредителей, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами советской власти, является одной из основных задач партии.

Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации.

Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства как оправдание линии благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это перерожденцы либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено.

В результате осуществления пятилетки мы добились того, что вышибли в конце последние остатки враждебных классов из их производственных позиций, разгромили кулачество и подготовили почву для его уничтожения. Таков итог пятилетки в области борьбы с последними отрядами буржуазии. Но этого мало. Задача состоит в том, чтобы вышибить этих бывших людей из наших же собственных предприятий и учреждений и окончательно их обезвредить.

Нельзя сказать, чтобы эти бывшие люди могли что-либо изменить своими вредительскими и воровскими махинациями в нынешнем положении в СССР. Они слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям советской власти. Но если наши товарищи не вооружатся революционной бдительностью и не изгонят из практики обывательски-благодушное отношение к фактам воровства и расхищения общественной собственности, то бывшие люди могут наделать немало пакостей.

Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобили-

зовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это конечно не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Таковы основные итоги проведения в жизнь пятилетнего плана в области промышленности и сельского хозяйства, в области улучшения быта трудящихся и развития товарооборота, в области укрепления советской власти и разворачивания классовой борьбы против остатков и пережитков отживающих классов.

Таковы успехи и завоевания советской власти за последние четыре года.

Было бы ошибочно думать на основании этих успехов, что все обстоит у нас благополучно. Конечно у нас не все еще обстоит благополучно. Недостатков и ошибок в нашей работе имеется достаточно. Бесхозяйственность и бестолковщина все еще имеют место в нашей практике. Я, к сожалению, не могу сейчас остановиться на недостатках и ошибках, так как рамки порученного мне итогового доклада не дают для этого простора. Но дело теперь не в этом. Дело в том, что, несмотря на недостатки и ошибки, наличия которых никто из нас не отрицает, мы добились таких серьезных успехов, которые вызывают восхищение в рабочем классе всего мира, мы добились такой победы, которая имеет поистине всемирно историческое значение.

Что могло сыграть и что действительно сыграло главную роль в том, что, несмотря на ошибки и недостатки, партия добилась все же решающих успехов в деле проведения пятилетки в четыре года?

Где те основные силы, которые обеспечили нам эту историческую победу несмотря ни на что?

Это прежде всего активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионов масс рабочих и колхозников, разливших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели.

Это наконец особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР.

Общие выводы:

1. Итоги пятилетки опрокинули утверждения буржуазных и социал-демократических деятелей о том, что пятилетний план есть фантазия, бред, неосуществимая мечта. Итоги пятилетки показали, что пятилетний план уже осуществлен.

2. Итоги пятилетки разбили известный буржуазный «символ веры» о том, что рабочий класс не способен строить новое, что он спосо-

бен лишь разрушить старое. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как и разрушать старое.

3. Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР.

4. Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных экономистов о том, что капиталистическая система хозяйства является наилучшей системой, что всякая другая система хозяйства не прочна и не способна выдержать экзамен перед лицом трудностей экономического развития. Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства.

5. Наконец итоги пятилетки показали, что партия непобедима, если она знает, куда вести дело и не боится трудностей.

(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Зал стоя приветствует т. Сталина).

Два года тому назад был создан первый и единственный в СССР научно-популярный исторический журнал «Борьба классов». Его содержание, направление и оформление выделяли его среди других исторических журналов. Он должен был по-новому организовать и подать новым читателям громадный исторический материал, оживить и превратить в актуальное, боевое оружие масс неисчерпаемо богатый опыт классовой борьбы, создать свои особые читательские кадры.

«Борьба классов» была создана как массовый исторический журнал. Программу его как боевого органа пропаганды марксистско-ленинской исторической науки развернул тогда его инициатор, вдохновитель и руководитель М. Н. Покровский, до последних дней своей жизни проявлявший глубокий интерес к росту и развитию нового дела.

Исторический опыт классовой борьбы должен быть достоянием масс, говорил тогда М. Н. Покровский, направляя работу созданного им коллектива авторов и друзей нового журнала. Знать прошлое — значит лучше понимать настоящее, значит легче строить будущее.

Всякий общественный класс для укрепления своего политического и идеологического господства прибегал к изучению прошлого. И античная, и феодальная, и буржуазная эпохи создавали историю своих господствующих классов, воспитывали и направляли в необходимом им направлении творческие силы своих историков. Наступила новая историческая эпоха мировой пролетарской революции. В одной шестой части земного шара пролетариат стал у власти и гигантскими темпами строит социализм. Миллионы трудящихся в других странах с восторгом, надеждой и тревогой следят за этой стройкой. Развертывая борьбу против своих угнетателей и против всей системы рабства и эксплуатации, они активно помогают нашей стройке. Чтобы победить в борьбе с капитализмом и завершить дело построения социализма, массы должны быть вооружены и подготовлены. Пролетариат должен ясно и правильно представлять себе свой исторический путь, его трудности, поражения, ошибки и достижения.

Капитализм строился тысячами. Миллионы в СССР строят социализм. Миллионы в капиталистических странах идут на штурм капитализма. Чтобы успешно бороться, чтобы успешно строить, необходима высочайшая степень сознательности пришедших в движение миллионов. Понимание исторического процесса в целом стало не привилегией ученых, а насущной потребностью масс.

Историческая наука должна идти навстречу этой потребности.

Письмо т. Сталина в журнал «Пролетарская революция» поставило и заострило перед историками-марксистами вопрос о том, что и как должны писать историки, живущие в нашу великую эпоху.

Величайшие исторические задачи стоят перед пролетариатом СССР и перед мировым пролетариатом. Под руководством ленинской партии и ее вождя т. Сталина Страна советов, успешно завершив первую пятилетку в четыре года, окончательно закрепилась на путях социализма. Но успехи социализма не означают смягчения классовой борьбы. Сопротивление остатков гнбнущих капиталистических классов продолжается и принимает на отдельных участках и в отдельных районах особенно острые формы. Об этом свидетельствуют факты организованного кулачеством саботажа хлебозаготовок в отдельных районах, примеры кулацкого перерождения некоторых сельских коммунистов, проникновение в некоторые партийные и советские организации классово чуждых элементов, тормозящих или вредительно пытающихся срывать наши социалистические планы и достижения. Все более обостренные формы принимает и классовая борьба в капиталистических странах. Конец частичной стабилизации капитализма и начало нового тура революций и войн означают новую фазу обострения классовой борьбы мирового пролетариата.

Мировой капитализм, вступивший в период всеобщего кризиса и невиданного в истории капитализма упадка, переживает потрясения, означающие его близкий конец. Тем ожесточеннее последние судорожные попытки мировой буржуазии, мобилизующей все силы и средства, чтобы сохранить капиталистическую систему или по крайней мере задержать наступающий крах ее. Пуская в ход свои важнейшие орудия—фашизм и социал-фашизм,—мировая буржуазия пытается подавить революционное возмущение пролетариата и трудящихся масс, на плечи которых буржуазия перелагает всю тяжесть мирового кризиса. В обстановке чудовищного упадка, обнищания и голода масс капиталистический мир развивает бешеное соревнование в деле производства орудий разрушения и подготовки новой империалистической войны.

Пролетариату СССР и всему мировому пролетариату в это время ожесточеннейшей классовой борьбы особенно необходимо знание исторического опыта борьбы пролетариата.

Прежде всего должна быть широко известна массам история большевизма. Опыт борьбы не только революционного пролетариата бывшей России, но и рабочего класса всех стран нашел свое полное и яркое отражение в борьбе большевистской партии. Вот почему должно быть поставлено на научные большевистские рельсы прежде всего изучение истории нашей партии и борьбы большевизма на международной арене.

Еще шире, глубже и конкретнее должна развернуться работа историков по разоблачению фальсификаторов истории партии и Коминтерна. Директивы письма т. Сталина, призывавшие историков поставить изучение истории под углом зрения партийности в исторической науке, должны быть выполнены также и в отношении изучения самых далеких исторических эпох.

Очень часто наши классовые враги пытаются протащить свои враждебные пролетариату схемы и теории именно через неправильную постановку или трактовку проблем из истории докапиталистических и капиталистических эпох. Историческая наука, поставленная на научные большевистские рельсы, подымает и должна все выше подымать конкрет-

ное, глубокое и всестороннее исследование всех проблем истории на высоту небывалую и невозможную для буржуазного общества.

Изучение проблем истории должно стоять на уровне великих задач нашей великой эпохи.

В Западной Европе буржуазные ученые, мелкобуржуазная интеллигенция выражают сомнения, выполнимы ли творческие планы СССР. Главным основанием их сомнения является убеждение, что в России нет такого количества творческих сил, какое необходимо для реализации этих громадных планов. Буржуазные ученые не понимают и не верят в возможность мобилизации творческой энергии миллионов масс на строительство социализма. Буржуазная система с ее культом индивидуальных талантов-одиночек приучила их не верить в творческие силы коллектива. Они не представляют себе той гигантски возросшей потребности знаний, которую обнаруживают массы, освобожденные от экономического и политического гнета.

Навстречу этой потребности знаний идет в СССР весь аппарат советской власти, вся организация хозяйства, вся система народного образования. Создать и воспитать миллионы новых людей — сознательных строителей социализма, руководимых авангардом пролетариата — ленинской партией большевиков, — такова целевая установка в Стране советов.

Из нее исходит и советская наука, на ней строят свою работу и наши исторические журналы. Больше чем какой-либо другой журнал, должен направить свое внимание на привлечение, организацию и воспитание массового читателя журнал «Борьба классов».

Для кого конкретно он должен работать?

Во-первых, для тех небывало растущих кадров партийного, комсомольского, рабочего и колхозного актива, который составляет основной костяк социалистического строительства в городе и деревне.

Во-вторых, для тех огромных слоев поднявшейся к знанию пролетарской и колхозной молодежи, которые заполняют наши вузы, комвузы, рабфак и техникумы.

В-третьих, для тех кадров пропагандистов и советского учительства, которые несут знания в огромные пласты трудящихся.

Журнал «Борьба классов» стремится стать необходимым пособием и спутником в работе и в учебе каждого партийного и беспартийного активиста, стать пособием и руководителем для каждого пролетарского студента, стремящегося расширить круг своих исторических знаний, чтобы прийти быстро и своевременно на помощь в политической и учебной работе своим политически заостренным материалом, помогающим каждому пропагандисту самому понять и разъяснить массам исторический смысл важнейших политических событий сегодняшнего дня.

Поднять, организовать и воспитать новые кадры массового читателя — такова задача нашего журнала как журнала массового. В этом направлении мы сделали еще немного. Более того, мы даже отошли в последний год от этой задачи, не развернув необходимой массовой работы по организации нужных журналу читательских кадров, усложнили содержание журнала. В известной степени это явилось результатом того, что долгое время не выходили другие исторические журналы.

Журнал стремится исправить эти недочеты и решительно перестроиться, ставши действительно массовым и подлинно научно-популярным журналом. Необходимо, чтобы журнал стал действительно всесоюзным массовым журналом, продвинув его глубоко в далекие окраины Совет-

ской страны. Редакция предприняла в этом отношении ряд реальных шагов. Уже проведены выезды и доклады членов редакции и созданы ячейки содействия «Борьбе классов» в ряде районов СССР. «Борьба классов» широко открывает свои страницы для актива, работающего в республиках Советского союза.

Данные о движении тиража нашего журнала показывают, что «Борьба классов» хотя еще и недостаточно, но все же проникает в самые отдаленные углы СССР. Так например в Восточной и Западной Сибири, в Якутии, в Туркменистане, в Узбекистане, в Таджикистане, в Армении, Грузии, Азербайджане, Дагестане, в Башкирии, в Казахстане и в других далеких нацреспубликах подписка возрастает из месяца в месяц.

Необходимо повысить темпы этого роста и сделать появление «Борьбы классов» необходимым и желанным в нацреспубликах и в далеких уголках Советского союза. Необходимо, чтобы в каждой избе-читальне, в каждой учительской комнате, в каждой рабочей библиотеке, клубе, в каждом студенческом общежитии, читальном зале с каждым номером «Борьбы классов» достигалось бы внедрение исторической науки в массы.

Научно-популярный исторический журнал должен создать не только свои новые кадры читательского, но и писательского актива. Это одно из основных и решающих условий успеха журнала. Кроме вопроса, для кого писать, необходимо поставить вопрос, кто будет писать.

Рассчитывать на писательский самотек в таком деле, как создание массового исторического журнала, еще вреднее и неправильнее, чем в других журналах. Без непрерывной, напряженной, энергичной работы по созданию актива писателей, знающих, любящих и понимающих свою ответственную работу историка-популяризатора, невозможно создать журнал. И в этом отношении нам предстоит непочатый край работы. Необходимо прежде всего разбить кое-где укрепившееся мнение, что писать популярно-научные статьи неинтересно, что это — задача недостаточно серьезная и ответственная для «ученого». Наши историки очень часто предпочитают писать длинные, «ученым» языком написанные статьи, чем тратить время на коротенькую и легко изложенную статью, понятную и доступную массам. Работать над статьями и материалом молодых или рабочих авторов, чтобы вырастить из них новые авторские кадры, является обязанностью такого журнала, как «Борьба классов». В этом отношении кое-что, хотя и недостаточно, было сделано. Молодые авторы и авторы-рабочие могут и должны рассчитывать встретить в редакции самое внимательное и серьезное отношение, активную помощь и полезный совет в работе над статьей для журнала.

Но к работе журнала мы привлекаем также и высококвалифицированные кадры историков, для которых научно-популяризаторская работа должна стать почетной общественной обязанностью. Кроме самих рабочих и кроме историков-специалистов мы стремимся привлечь к участию в журнале писателей и журналистов, работающих над исторической тематикой. Участие писателей даст журналу интересную историческую беллетристику, в художественных образах покажет конкретное развитие классовой борьбы, анализируемой в научной статье, популярно написанной специалистом-историком.

Организовать и воспитать необходимые массовому журналу кадры писателей можно только упорной работой над созданием авторского коллектива, укреплением связи с историческими организациями и учреждениями, вовлечением в работу по созданию журнала самых широких кадров

не только историков-специалистов, но и авторов из рабочей среды. Имеющийся в этом отношении опыт привлечения авторов-рабочих, писавших для журнала свои воспоминания и очерки из истории фабрик и заводов, из истории революционной борьбы и гражданской войны, дал несомненно положительные результаты. Этот опыт должен быть продолжен, углублен и раздвинут за рамки СССР. Предпринятый редакцией опыт привлечения в качестве авторов иностранных рабочих дал также прекрасные результаты. Журнал может и должен стать массовым не только тем, что он может продвинуть историческую науку в массы читателей, но и тем, что он создаст и воспитает новые кадры, новые силы историков-популяризаторов.

Истекший год был годом политической и научной проверки для наших исторических журналов.

Как выполнял наш журнал директивы письма т. Сталина и как он должен осуществлять их в дальнейшем?

Итоги работы журнала за последний год показывают, что содержание и тематика журнала шли по пути задач, поставленных письмом т. Сталина. Борьба за большевистскую бдительность и партийность в исторической науке была неизменной задачей журнала. Политическая актуальность большинства статей, помещенных в журнале, борьба против меньшевистско-троцкистских фальсификаторов истории нашей партии, борьба партии на два фронта, систематическое освещение опыта классовой борьбы за рубежом, разработка истории большевизма и Коминтерна, систематическое освещение истории фабрик и заводов, истории гражданской войны, истории колхозов, постановка вопроса о создании истории социалистического строительства — все это можно считать бесспорным достижением журнала.

Но наряду с этими достижениями необходимо отметить и серьезные недостатки в содержании журнала. Журнал иногда помещал длинные, трудные для понимания тех читательских кадров, для которых он был создан, статьи. Ряд важнейших вопросов, например история революционной борьбы на Востоке, история крестьянских движений и т. п., в журнале освещался недостаточно. Не был надлежащим образом развернут отдел критики и библиографии. Наш журнал не пришел на помощь советскому учителю своевременной критикой и работой в области исторических программ и учебников.

Редакция «Борьбы классов» делает все необходимое, чтобы устранить все эти недостатки.

Журнал должен перестроиться и по форме и по содержанию, чтобы стать по-настоящему массовым журналом. Большевистски выдержанное содержание и высокое научное качество помещаемой продукции должны быть, как и прежде, первым и неизменным требованием в отношении содержания журнала.

В основном журнал будет мобилизовать исторический материал по тем же отделам, что и раньше.

История ВКП(б) и Коминтерна, история народов СССР, история гражданской войны, история фабрик и заводов, история социалистического строительства, история классовой борьбы в Европе, в Америке, в странах Востока — вот какие крупнейшие вопросы будут систематически освещаться в журнале.

Проблемы истории классовой борьбы не только после войны, но и всей эпохи империализма, а также капиталистической и докапиталистической эпох должны находить свое отражение и правильное освещение в нашем журнале.

Статьи, помещаемые в журнале, обязаны давать яркий конкретно-исторический материал. Это совершенно не исключает постановки методологических проблем, но эти проблемы должны освещаться интересно для читателя, анализ общих проблем должен даваться на конкретном материале. Наряду с постановкой вопросов, еще недостаточно разработанных в исторической науке, наш журнал должен давать некоторые итоговые и обобщающие статьи в помощь обучающейся в вузах и комвузах пролетарской молодежи или в помощь самообразованию. Для этой цели организуется особый отдел консультации и помощи читателю.

В помощь советскому учителю журнал организует систематический просмотр и критику исторических программ и учебников. При содействии ИМЭЛ и Центрархива журнал предполагает погостить систематическую публикацию интересных архивных документов. Журнал принимает меры к тому, чтобы в нем находила освещение работа наших важнейших исторических организаций, учреждений, архивов, библиотек и музеев.

Чем разностороннее, разнообразнее и богаче будет содержание журнала, чем легче, интереснее, популярнее будет его изложение, чем лучше будет его внешнее оформление, тем скорее он превратится в подлинно массовый исторический журнал, тем легче он выполнит свою основную задачу — нести в массы большевистское историческое знание.

В этом направлении перестраивается сейчас вся работа журнала. В этом направлении журнал ждет активной помощи, указаний, советов и предложений от его читателей и друзей.

В Америке появилась недавно на английском языке книга побывавшего в СССР известного сельскохозяйственного деятеля г. Кэмпбелла под названием «Россия — рынок или угроза?» В этой книге г. Кэмпбелл излагает между прочим «интервью» со Сталиным, имевшее место в Москве в январе 1929 г. «Интервью» это замечательно тем, что в нем что ни фраза — то небылица или сенсационная передержка, имеющие целью создать рекламу для книги и ее автора.

Для разоблачения этих небылиц считаю не лишним сказать несколько слов.

Г. Кэмпбелл явным образом фантазирует, когда он говорит, что беседа со Сталиным, начатая в час дня, «продолжалась долго после наступления ночи, до зари». На самом деле беседа продолжалась не более двух часов. Фантазия у г. Кэмпбелла поистине американская.

Г. Кэмпбелл явным образом привирает, когда он утверждает, что Сталин «взял мою руку обеими руками и сказал: мы можем стать друзьями». На самом деле ничего подобного не имело и не могло иметь места. Г. Кэмпбелл не может не знать, что Сталин не нуждается в «друзьях» вроде Кэмпбелла.

Г. Кэмпбелл опять-таки привирает, когда он говорит, что переслал ему запись беседы, я сделал будто бы приписку: «сохраните эту памятку, она станет когда-нибудь важным историческим документом». На самом деле запись переслал г. Кэмпбеллу переводчик г. Яроцкий без какой бы то ни было приписки. Г. Кэмпбелла явным образом подводит желание спекулировать на Сталине.

Г. Кэмпбелл еще и еще раз привирает, когда он приписывает Сталину слова о том, что «при Троцком действительно пытались распространить коммунизм во всем мире, что это было первой причиной разрыва между Троцким и им (т. е. Сталиным), что Троцкий верил в мировой коммунизм, тогда как он, Сталин, хотел ограничить свою деятельность собственной страной». В эту бессмысленную небылицу, переворачивающую факты вверх дном, может поверить разве только перебежчик в лагерь Каутских и Вельсов господин Троцкий. На самом деле беседа с Кэмпбеллом не имела чикакого отношения к вопросу о Троцком и имя Троцкого не упоминалось вовсе во время беседы. Г. Кэмпбелл еще и еще раз заврался.

И так дальше в том же роде...

Г. Кэмпбелл упоминает в своей книге о записи беседы со Сталиным, но он не счел нужным опубликовать ее в своей книге. Почему? Не потому ли, что опубликование записи расстроило бы весь план г. Кэмпбелла насчет сенсационных небылиц вокруг «интервью» со Сталиным, призванных создать в глазах американских читателей рекламу для книги Кэмпбелла?

Я думаю, что лучшим наказанием для завравшегося г. Кэмпбелла было бы опубликование текста записи беседы между г. Кэмпбеллом и Сталиным. Это было бы наиболее верным средством разоблачить вранье и восстановить факты.

запись разговора

между

тов. СТАЛИНЫМ и г-ном КЭМПБЕЛЛОМ

Января 28-го 1929 г. в 1 ч. дня

После обмена вступительных фраз г-н Кэмпбелл объяснил свое желание посетить тов. Сталина, указав, что хотя он находится в СССР в качестве частного лица, перед отъездом из САСШ он виделся с Кулиджом, а также с новоизбранным президентом Гувером и получил полное их одобрение в вопросе о поездке в Россию. Его пребывание здесь показало ему изумительную активность нации, которая является загадкой для всего мира. Ему особенно понравились проекты строительства сельского хозяйства. Ему известно, что о России существует много неправильных представлений, но он был сам например в Кремле и видел работу, которая выполняется в области охраны памятников искусства и вообще в области повышения уровня культурной жизни. Он особенно поражен заботами о рабочих и работницах. Интересным совпадением ему рисуется то, что перед отъездом из САСШ он был приглашен к президенту и виделся с сыном и г-жей Кулидж, тогда как вчера он был гостем президента СССР Калинина, который произвел на него огромное впечатление.

Тов. СТАЛИН. Что касается планов сельскохозяйственного и промышленного строительства, а также наших забот о развитии культурной жизни, то мы находимся еще в самом начале нашей работы. В строительстве промышленности мы сделали еще очень мало. Менее того сделано в области реализации планов перестройки сельского хозяйства. Мы не должны забывать, что наша страна была исключительно отсталой и эта отсталость до сих пор является большим препятствием. Разница между прежними и новыми деятелями в России заключается между прочим в том, что старые деятели рассматривали отсталость страны как положительную черту ее, видя в ней «национальную особенность», «национальную гордость», тогда как новые люди, советские люди, борются с ней, с этой отсталостью, как со злом, которое нужно искоренять. В этом — залог нашего успеха.

Мы знаем, что мы не свободны от ошибок. Но мы не боимся критики, не опасаемся смотреть прямо в лицо трудностям и признавать свои ошибки. Мы приемлем правильную критику и приветствуем ее. Мы следим за САСШ, т. к. эта страна стоит высоко в научном и техническом отношении. Мы бы хотели, чтобы люди науки и техники в Америке были нашими учителями в области техники, а мы их учениками.

Каждый период в национальном развитии имеет свой пафос. В России мы имеем теперь пафос строительства. В этом ее преобладающая черта теперь. Этим объясняется, что мы переживаем теперь строительную горячку. Это напоминает о периоде, пережитом САСШ после гражданской войны. В этом основа и возможность технико-промышленной и торговой кооперации с САСШ. Я не знаю, что необходимо еще сделать, чтобы обеспечить контакт с американской промышленностью. Не можете ли объяснить, что препятствует теперь тому, чтобы осуществить такое сближение. если установлено, что такой контакт был бы выгоден как СССР, так и САСШ.

Г-н КЭМПБЕЛЛ. Я уверен, что налицо — поразительное сходство между САСШ и Россией — по их величине, ресурсам и независимости. Ссылка г-на Сталина на период гражданской войны — правильна. После

гражданской войны наблюдался чрезвычайный рост. Народ в САСШ интересуется Россией. Я уверен, что Россия слишком крупная страна, чтобы она могла не быть крупным фактором в мировых отношениях. Люди, стоящие во главе русского правительства, имеют в своем распоряжении величайшие возможности свершить великие дела. Единственно, что для этого необходимо, — придерживаться ясности суждений и быть всегда справедливым.

Я вижу выгоду правильного делового контакта, и я поддерживаю тесную связь с правительством, хотя и являюсь частным гражданином. Я веду разговор как частное лицо. Раз меня спросили, что мешает контакту между САСШ и Россией, я хочу ответить весьма откровенно, мужественно, с должным уважением к г-ну Сталину и без оскорблений. Он весьма объективен мыслящий человек и это позволяет мне вести разговор так, как один мужчина должен разговаривать с другим во имя блага для обеих стран и совершенно конфиденциально. Если бы мы могли иметь официальное признание, каждый стремился бы сюда, чтобы вести дела на началах кредита или иных началах, как дела ведутся всюду. Основанием, почему американские фирмы колеблются вести дела и предоставлять долгосрочный кредит, является отсутствие признания нашим Вашингтонским правительством вашего правительства.

Главным основанием этого является, однако, не просто неудача в деле признания. Главное основание, мы полагаем (и это может быть наверно), что представители вашего правительства в нашей стране все время пытаются сеять недовольство и распространять идеи советской власти. Мы имеем в нашей стране то, что именуется «доктриной Монро», которая означает, что мы не хотим вмешиваться в дела ни одной страны в мире, что мы занимаемся строго нашими собственными делами. Поэтому мы не хотим, чтобы какая бы то ни было страна — Англия, Франция, Германия, Россия или другая — вмешивалась в наши личные дела.

Россия — столь громадная страна, что она может самостоятельно выполнить все, что будет решено сделать всем ее народом. У России — свои собственные ресурсы всякого рода, и хотя это потребует больше времени, в конце концов русские смогут развить свои ресурсы самостоятельно.

Нам приятно чувствовать, что во многих отношениях мы являемся идеалом для русского народа, и я думаю, что мы можем быть весьма полезными ему, в особенности по части экономии времени. Так как мы разрешили многие хозяйственные проблемы и наши методы копируются многими странами, помимо России, то подобные предприятия, как постройка совхозов, означают усиление торговых связей, а в конечном счете за торговыми связями придет и дипломатическое признание на какой-либо справедливой основе. Единственным путем для наций, как и для отдельных лиц, это — открыто высказаться без оскорблений и тогда весьма быстро наступит время для каких-нибудь соглашений. Чем более воспитанными мы становимся, тем более мы убеждаемся, что мы большего сможем достигнуть разумом, чем иными средствами. Великие народы могут расходиться во мнениях без обострения отношений, а великие люди договариваются по крупным вопросам. Они обычно заканчивают переговоры определенным соглашением — идя навстречу друг другу, примерно, на середине пути — как бы далеко ни отстояли вначале друг от друга их исходные точки зрения.

Тов. СТАЛИН. Я понимаю, что дипломатическое признание в данную минуту затруднено для САСШ. Представителей советского правительства так много и так часто ругала печать Америки, что крутой поворот труден. Лично я не считаю дипломатическое признание в данный

момент решающим. Важно развитие торговых связей на основе взаимной выгоды. Торговые связи нуждаются в нормализации и если будет создана известная юридическая база для этого дела, то это было бы первым и главнейшим шагом по пути к дипломатическому признанию. Вопрос о дипломатическом признании разрешится сам собою, когда обе стороны поймут, что дипломатические отношения выгодны. Главной основой являются торговые связи и их нормализация, приводящая к созданию определенных правовых норм.

Конечно природные ресурсы нашей страны богаты и разнообразны. Они более разнообразны и богаты, чем это официально известно, и наши исследовательские экспедиции постоянно находят новые ресурсы в нашей обширной стране. Но это только одна сторона наших возможностей. Другая сторона состоит в том, что наши крестьяне и рабочие избавлены теперь от прежнего бремени помещиков и капиталистов. Помещики и капиталисты расточали прежде непроизводительно то, что теперь остается в стране и увеличивает внутри страны покупательную способность ее. Рост спроса таков, что наша промышленность, несмотря на быстроту ее развития, отстает от спроса. Спрос огромен как для личного, так и для производственного потребления. В этом вторая сторона наших неограниченных возможностей.

И то и другое создает серьезный базис для торгового и промышленного контакта как с САСШ, так и с другими развитыми странами.

Вокруг вопроса о том, кому из государств приложить силы к этим ресурсам и возможностям нашей страны, идет сложная борьба между ними. К сожалению, САСШ стоят все еще далеко от этой борьбы.

Немцы кричат везде и всюду, что положение советской власти непрочное и что поэтому не следует открывать советским хозяйственным организациям серьезных кредитов. В то же время они пытаются монополизировать торговые сношения с СССР, открывая ему кредиты.

Одна группа английских деловых людей, как известно, также ведет ожесточенную антисоветскую кампанию. В то же время эта же группа, а также группа Мак-Кеппа делают попытку организовать для СССР кредиты. Из печати уже известно, что в феврале в СССР приезжает делегация английских промышленников и банкиров. Они собираются предложить обширный проект торговых связей и заем советскому правительству.

Чем объяснить эту двойственность германских и английских деловых людей? Объясняется это тем, что они хотят монополизировать в своих руках торговые связи с СССР, отпугивая и отгоняя САСШ в сторону.

А между тем, для меня ясно, что САСШ имеют больше оснований для обширных деловых связей с СССР, чем любая другая страна. И это не только потому, что САСШ богаты и техникой и капиталами, но и потому, что ни в одной стране не почитают наших деловых людей так радушно и гостеприимно, как в САСШ.

Что касается пропаганды, я должен самым категорическим образом заявить, что никто из представителей Советского правительства не имеет права вмешиваться во внутренние дела страны, в которой он находится, ни прямо, ни косвенно. В этом отношении даны самые твердые и строгие указания всему нашему персоналу служащих в советских учреждениях в САСШ. Я уверен, что Брон и его сотрудники ни в малейшей мере не связаны с пропагандой в какой бы то ни было форме. Если бы кто-нибудь из наших служащих нарушил твердые директивы насчет невмешательства, он был бы немедленно отозван и наказан. Конечно мы не можем отвечать за действия неизвестных и неподчиненных нам лиц. Но мы можем принять на себя ответственность и дать максимум гарантий насчет невмешательства в отношении лиц, состоящих на службе в наших заграничных учреждениях.

Г-н КЭМПБЕЛЛ. Могу ли я передать это г-ну Гуверу?

Тов. СТАЛИН. Конечно.

Г-н КЭМПБЕЛЛ. Мы не знаем, кто те люди, что сеют недовольство. Но они — налицо. Полиция находит их и их литературу. Я знаю Брона и я уверен, что он честный, откровенный господин, который ведет честно дело. Но кое-кто имеется.

Тов. СТАЛИН. Возможно, что пропаганда за советы ведется в САСШ членами американской коммунистической партии. Но эта партия в САСШ легальна, она легально участвует в выборах президента, выставляет своих кандидатов в президенты и — вполне понятно, что мы не можем вмешиваться в ваши внутренние дела и в данном случае.

Г-н КЭМПБЕЛЛ. С моей стороны нет больше вопросов. Впрочем, есть. Когда я вернусь в САСШ, деловые люди будут спрашивать меня, безопасно ли вести дела с СССР. Машиностроительные компании в особенности будут заинтересованы в вопросе о возможности предоставления долгосрочных кредитов. Могу ли я ответить утвердительно? Могу ли я получить сведения относительно мер, которые теперь принимаются Советским правительством для гарантирования кредитных сделок, есть ли специальный налог или другой определенный источник, отведенный на эту цель?

Тов. СТАЛИН. Мне не хотелось бы хватить свою страну. Однако, раз вопрос задан, я должен сказать следующее. Не было ни единого случая, когда бы Советское правительство или советские хозяйственные учреждения не производили платежей аккуратно и вовремя по кредитам, будь то краткосрочные или долгосрочные. Можно было бы навести справки в Германии насчет того, как мы выплачиваем немцам по трехсотмиллионному кредиту. Откуда мы получаем средства для платежей? Г-н Кэмпбелл знает, что деньги не падают с неба. Наше сельское хозяйство, промышленность, торговля, лес, нефть, золото, платина и т. д. — вот источник платежей. В этом же гарантия платежей. Я не хочу, чтобы г-н Кэмпбелл верил: мне на слово. Он может проверить мои утверждения хотя бы в Германии. Он найдет, что ни разу не было оттяжки платежей, хотя порой нам приходилось платить на деле такие небывалые проценты, как 15—20 процентов. Что же касается специальных гарантий, то я думаю, что нет надобности всерьез говорить об этом по отношению к СССР.

Г-н КЭМПБЕЛЛ. Конечно, нет надобности.

Тов. СТАЛИН. Может быть было бы не лишне, если я расскажу Вам, строго конфиденциально, о займе, не кредите, а займе, предложенном группой английских банкиров — группой Бальфура, Кингсли.

Г-н КЭМПБЕЛЛ. Могу ли я передать об этом Гуверу?

Тов. СТАЛИН. Конечно, но не давать в печать. Эта группа банкиров предлагает следующее: наши долги Англии они исчисляют, примерно, в 400.000.000 ф. ст.; их предлагают консолидировать из 25 процентов. Значит, вместо 400.000.000 фунтов стерлингов — 100.000.000 ф. ст. Одновременно предлагается заем в 100.000.000 ф. ст.

Таким образом наша задолженность выразится в 200.000.000 ф. ст. с рассрочкой платежей на несколько десятков лет. В обмен мы должны оказывать предпочтение британскому машиностроению. Это не значит, что наши заказы мы должны будем передавать только в Англию, но мы должны оказывать предпочтение.

Г-н КЭМПБЕЛЛ. Выражая благодарность за интервью, говорит, что т. Сталин произвел на него впечатление справедливого, хорошо осведомленного, откровенного человека. Он очень рад был иметь случай поговорить с т. Сталиным и считает это интервью историческим.

Тов. СТАЛИН. Благодарит г-на Кэмпбелла за беседу.

Запись велась ЯРОЦКИМ.

рабочий класс

АНГЛИИ

БОРЬБЕ

ИНТЕРВЕНЦИЕЙ

А. ПРИГОЖИН

ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ

И
АНГЛИЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Победа Октябрьской революции в России прозвучала набатным колоколом, зовущим международный пролетариат к борьбе за свое освобождение. «Октябрьская революция открыла новую эпоху, эпоху пролетарских революций в странах империализма» (Сталин). Под знаменем Октября, под знаменем ленинизма, идет ожесточенная борьба во всех странах мира — от берегов Темзы до притоков далекой Янцзы, от севера Европы и Азии до стран Латинского континента Южной Америки.

Влияние Октябрьской революции на международный пролетариат нашло свое выражение в борьбе пролетариата главнейших стран капиталистического мира за Советы, за подражание «советскому образцу». Наиболее ярким выражением этой борьбы является создание детища Октября — Коммунистического интернационала, могучего штаба международного пролетариата в его борьбе за коммунизм.

Выступление английского пролетариата в защиту Октябрьской революции и перерастание борьбы против интервенции в борьбу за английские советы является одним из самых замечательных этапов в послевоенной борьбе английского пролетариата. Ленин, характеризуя этот период борьбы, указывает, что «это был великий перелом для всей английской политики» (том XXV, стр. 403).

Впечатление, произведенное на английский рабочий класс победой диктатуры пролетариата в России, было огромно, хотя он и не имел правильной информации и достаточного представления о событиях и действительном положении в России.

После Февральской революции позиция официальной рабочей прессы (лейбористской и тред-юнионистской) по отношению к русской революции почти ничем не отличалась от позиций буржуазной печати, пропагандировавшей политику поддержки временного правительства Милюкова — Керенского и «войну до победного конца». Вожди Рабочей партии и Независимой рабочей партии изоцирялись друг перед другом в защите «демократического режима», установившегося в России, и в изображении

Керенского и Чернова в роли героев русской революции и интернационального пролетариата. Нечего и говорить, что свои выступления и писания они испедряли нападками на большевиков, изображая их в виде «анархистов» и «экстремистов». Так например после июльских дней 1917 года вождь Независимой рабочей партии Сноуден в передовице своего органа («Рабочий вождь») нападал на большевиков, которые «из эгоистических соображений» мешали «тем, кто делал революцию». Прояснению классового самосознания английского пролетариата и правильной информации о роли большевиков и событиях в России способствовали левые организации рабочего движения—Британская социалистическая партия и Социалистическая рабочая партия. Но эта помощь была в то же время недостаточна вследствие малочисленности этих организаций и ограниченных возможностей, которыми они располагали по сравнению с официальными лейбористскими и тред-юнионскими организациями.

Октябрьский переворот застал основные массы английского пролетариата мало подготовленными к пониманию совершившихся событий. А между тем империалистическая пресса и виднейшие деятели буржуазии со страниц печати и с парламентской трибуны обрушились с неистовой клеветой по адресу большевиков. Отношение к Октябрьской революции господствующих классов Англии в этот период лучше всего характеризуетя одним из столпов британского империализма и заклятых врагов советской революции в России—Уинстоном Черчилем.

«Вместо старого союзника, — пишет Черчилль, — перед нами стоял призрак, не похожий ни на что существующее до сих пор на земле. Мы видели государство без наций, армию без отечества, религию без бога. Правительство, возмевшее претензию представлять в своем лице новую Россию, было рождено революцией и питалось террором... Старая Россия была сметена с лица земли, и вместо нее пришло к власти «безыменное чудовище», предсказанное в русских народных преданиях... Верховный большевистский комитет — эта нечеловеческая или сверхчеловеческая организация, как вам угодно, это сообщество крокодилов, обладающих образцовыми интеллектами, — взял власть 8 ноября» (У. Черчилль, «Мировой кризис», стр. 39, 40 и 43, подчеркнуто мной.—А. П.).

Эту зоологическую ненависть к победоносной пролетарской революции в России подкрепляли «теоретическими» выкладками и lamentациями не только представители официальных руководителей рабочего движения в виде лейбористов и тред-юнионистов, но и представители «левых» организаций. Так например лидер «левого» крыла Независимой рабочей партии Брейльсфорд писал на страницах еженедельного органа «Геральд», издававшегося «левым» Левсбери: «Всякий, кто знаком со здоровой демократией, должен согласиться, что максималисты (большевики.—А. П.) сделали скверное дело. Если это действительно факт, как сообщают некоторые телеграммы, что выборы в Учредительное собрание должны были состояться 25 ноября, то выступление максималистов не имеет себе никакого оправдания. Это выступление есть лишь бессмысленная и беспочвенная авантюра». Впоследствии тот же Брейльсфорд писал, что после Октябрьского переворота «большевики поставили себя вне рядов сознательного интернационального пролетариата».

Тем не менее влияние Октябрьской революции было чрезвычайно велико: даже питаясь информацией буржуазной и лейбористской прессы, изображавшей события в России в кривом зеркале, английский пролетариат своим классовым нутром понимал, что события октября 1917 г. в России являются его делом. Движение масс в пользу мира на основе большевистских принципов было столь велико, что даже официальные органы рабочего движения должны были на время изменить свою линию поведения по отношению к Советской России и сменить открыто антибольшевистские выступления более осторожной критикой.

Движение масс в защиту Советской России нашло свое отражение в громадных митингах и выступлениях, прокатившихся по стране. Именно под давлением масс руководители Ноттингемской конференции Рабочей партии, состоявшейся в январе 1918 г., должны были допустить выступление на конференции М. М. Литвинова, выступавшего с громадным успехом. А спустя некоторое время рабочие—механики и машиностроители—провели ряд грандиозных митингов в Лондоне, где принимались резолюции с требованием заключения мира на основе «большевистских принципов» и вступления в мирные переговоры с Советской Россией; рабочие грозили в случае отказа открытой борьбой с намеренными правительством мероприятиями по введению всеобщей воинской повинности в Англии.

Симпатии со стороны масс к Советской России и нарастающая их активность заставили официальные органы рабочего движения воспользоваться, началась новая антисоветская кампания со страниц «рабочей» прессы. Так например руководящая статья в мартовском номере 1918 г. органа «независимцев» в следующих словах характеризовала режим в Советской России: «Они (большевики) правят штыками и благодаря применению насилия подорвали свой моральный авторитет. Они не посчитались с правом на национальное самоопределение Украины и Финляндии». Дальше «левый» борзописец предвещал гибель большевиков.

Руководство лейбористской партии не ограничились только травлей Советской России в прессе, а в начале открыто шло на активную поддержку контрреволюции. В июле 1918 г. оно пригласило на свою партийную конференцию Керенского, который с трибуны конференции призывал к интервенции и всячески клеветал на Советскую Россию. Характерно, что т. Литвинову, пытавшемуся при поддержке значительного числа собравшихся делегатов выступить на этой же конференции, президиум не дал слова.

Таким образом Октябрьская революция произвела в рядах рабочего движения сильную дифференциацию. Как писала английская коммунистка Сильвия Панкхерст, впечатление, произведенное русской революцией на эти элементы (партии и группы рабочего класса), было различное: «в то время как вожаки официальных организаций рабочего движения—гред-юнионисты, лейбористы и Независимая—перепугались, в среде революционных рабочих... известия о событиях, происходящих в России, придали им еще больше мужества».

НАЧАЛО БРИТАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В

СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

Британская интервенция в Советскую Россию началась весной 1918 г. с высадки в 400—500 матросов в Мурманске под предлогом охраны военных складов, созданных еще для царской армии. Северная интервенция входила в качестве важнейшего участка единого фронта борьбы мирового империализма против страны пролетарской диктатуры. Подготовка к интервенции, как этого теперь уже не скрывают ее активные деятели и вдохновители вроде У. Черчилля, фактически началась тотчас же после Октябрьского переворота. Уже 23 декабря 1917 г. «между Англией и Францией была заключена конвенция, которую выработали Клемансо, Пишон, Фош, с одной стороны, лорд Мильнер, лорд Р. Сесиль и представители английских военных кругов—с другой. Эта конвенция имела целью установить дальнейшую политику обеих держав на юге России. Конвенция предусматривала оказание помощи генералу Алексееву, находившемуся тогда в Новочеркасске, и географическое разделение сферы действий двух держав на всем том протяжении, какое они были в состоянии охватить» (У. Черчилль, «Мировой кризис», стр. 105).

Из этого плана интервенции ничего не вышло ввиду того, что союзники были связаны заботами об окончании войны с Германией и разногласиями между собой в связи с предстоящим разделом добычи. Более благоприятная обстановка в этом отношении наступила лишь в связи с выступлением чехо-словаков. Чехо-словацкий мятеж, организованный по прямому приказанию из Парижа, мог послужить удобным предлогом для того, чтобы форсировать интервенцию в Советскую Россию. Руководители британской политики решили, что час интервенции настал, и как предлог для интервенции выставили «необходимость защиты» военного снаряжения, посланного союзниками царской России, от захвата немцами. Чехо-словаки по плану французских интервентов должны были двинуться на север и занять Архангельск, дожидаться десанта союзников и оттуда совместно двинуться на Москву. Советское правительство, разгадав замыслы чехо-словаков, отказалось пропустить чехо-словацкие отряды на север и направило их на восток.

Хотя изменением маршрута эвакуации чехо-словаков советское правительство нанесло существеннейший удар по контрреволюционным замыслам союзников, тем не менее последним удалось поднять мятеж чехо-словаков.

Как только чехо-словакам удалось захватить Приморье с Владивостоком и приблизиться к Иркутску, началась почти одновременно интервенция японско-американских войск на Дальнем Востоке и британских — на севере России. Так, в течение июня и июля 1918 г. в Мурманске и Архангельске высадился «международный» отряд, состоящий примерно из 8 тыс. британских солдат, доведенный затем до 12—13 тыс. человек¹.

Так, 1 августа в результате десанта с моря англичанами при помощи русских белогвардейцев был захвачен Архангельск, а 8 августа представители британского командования в Мурманске и Архангельске открыто провозгласили интервенцию. Вполне естественно, что с окончанием империалистической войны британская интервенция в Советскую Россию не прекратилась, хотя все предлоги, которыми обосновывалось военное вмешательство в русские дела, в виде угрозы захвата германскими армиями английского военного снаряжения или помощи чехо-словакам, отпали. Более того, интервенционистские замыслы Англии все более росли. Так, 30 ноября руководителям, британских военных сил в Мурманске и Архангельске предлагалось: «продолжать занимать Мурманск и Архангельск, продолжать сибирскую экспедицию; попытаться убедить чехов остаться в Западной Сибири; занять с помощью пяти британских бригад железнодорожную линию Баку—Батум; оказать генералу Деникину в Новороссийске всякую возможную помощь в смысле снабжения военными материалами; снабдить Прибалтийское государство военным снаряжением».

БОРЬБА АНГЛИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ ДО СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Как ни пытались вдохновители и организаторы интервенции в революционную Россию скрыть от масс факт интервенции, замаскировать ее под видом посылки «вспомогательного отряда» для обеспечения неприкосновенности британского военного имущества или для предотвращения возможности создания нового германского фронта, тайное вскоре стало явным. Известия о том, что британские военные части сражаются против революционной России, вызвало в массах взрыв негодования. Если симпатии

¹ К 1 января 1919 г. войск, принявших участие в интервенции на севере России, было англичан — 13.125 чел., американцев — 5.203 чел., французов — 2.417 чел., итальянцев — 1.251 чел., сербов — 1.220 чел. и русских белогвардейцев — 7.150 чел.

Новотроицк после освобождения его от деникинской армии в 1920 г.

к Советской России и возмущение политикой интервенции не вызвали сразу же активных действий английского пролетариата в пользу Советской России, то повинны в этом в первую очередь официальные руководители английского рабочего движения.

Старания тред-юнионистов и руководителей Лейбористской и Независимой рабочей партии были направлены к тому, чтобы уничтожить или во всяком случае смягчить большевистский «гипноз». В соответствии с этой задачей и происходило разделение труда между Рабочей и Независимой партиями. В то время как исполком Рабочей партии полностью поддерживал интервенционистскую агитацию Керенского в Англии, руководство Независимой рабочей партии заявляло, что оно предпочитает соблюдать «нейтралитет» в разногласиях между различными секциями русских социалистов. Но давление масс не прекращалось, и в этих условиях «независимцам» пришлось выступить с изложением своей точки зрения на интервенцию. Манифест, выпущенный руководством Независимой рабочей партии, ограничился «решительным осуждением» интервенции и не предлагал каких-либо конкретных мер по организации борьбы английского пролетариата с британским империализмом, пытавшимся задушить первую пролетарскую республику советов.

Однако эти маневры со стороны «левых» руководителей рабочего движения не могли погасить революционного настроения масс. Не было почти ни одного значительного митинга или собрания с участием рабочих, на котором бы не выносились предложения принять резолюцию симпатии русским рабочим. Попытки антисоветски настроенных элементов выступать публично заканчивались полным фиаско. В этом отношении характерен митинг, организованный в Лондоне известным ренегатом и махровым социал-империалистом Г. Гайндманом. На этом митинге, открытом под

лозунгом «Долой насилье большевиков», должны были выступать помимо самого Гайдмана и его два ближайших единомышленника — Дэн Ирвинг и Джек Джонс, члены парламента. Хроникер буржуазной прессы с негодованием сообщает: «Митинг был сорван. Крики «долой», «вой», «изменники» заглушали речь ораторов. Гайдману не дали говорить. Джека Джонса никто не хотел слушать. Они вынуждены были уйти от своего собственного митинга, не высказавшись».

Широкую агитацию и пропаганду в пользу идеи Октябрьской революции вели действительно революционные элементы, объединившиеся вокруг Британской социалистической партии, Социалистической рабочей партии и других, более мелких, называвшихся коммунистическими группами (вроде Социалистического общества Южного Уэльса, возглавлявшегося Сильвией Панкхерст). Особенно большое значение имело в этом отношении движение фабрично-заводских старост, так называемых «Шоп-стюардов». Шоп-стюарды, энергично пропагандировавшие на рабочих собраниях политику советской власти, требовали признания Советской республики и принятия большевистских условий мира. Благодаря их агитации крупнейшие предприятия в рабочие районы столицы, Ливерпуля, Кляйда и других городов были настроены активно в пользу поддержки советской революции. Настроение масс, связанных с этими революционными элементами, довольно ярко характеризует митинг, организованный Британской социалистической партией в Альберт-Холле в память мученической смерти Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

«Огромный переполненный зал, — сообщает один из участников митинга, — был украшен красными флагами и черной драпировкой. Многотысячная толпа встретила товарища Джона Маклина (член БСП, организатор движения Шоп-стюардов на Кляйде, впоследствии один из видных британских коммунистов, подвергавшийся систематическим преследованиям за антиимпериалистическую и революционную деятельность. — А. П.) аплодисментами. Бурные аплодисменты часто прерывали его пламенную, «истинно большевистскую речь». Так же восторженно был встречен и другой оратор — Израэль Зангвиль. Зангвиль — не большевик, не социалист, но он «друг Советской России» и заклятый враг лицемерной английской буржуазии. Характерно, что впоследствии буржуазные английские газеты переполнены были статьями и письмами, резко осуждавшими Зангвиля, «унизившегося до того, чтобы выступить на одной платформе с Маклином».

С конца 1919 г. симпатии масс к Советской России выросли в настоящее антиинтервенционистское движение. Характерно, что борьба против интервенции стала органической частью общей революционной борьбы английского пролетариата. В течение 1919—1920 гг. идет общее наступление пролетариата против буржуазии, вылившееся в ряд крупнейших классовых конфликтов: борьба английского пролетариата вокруг угольного вопроса, которая осенью 1919 г. чуть не привела к всеобщей стачке, всеобщая забастовка железнодорожников в конце сентября того же года, охватившая не только все железные дороги, но и крупнейшие промышленные районы. Революционным брожением был охвачен не только пролетариат, но и армия: под влиянием лозунгов Октября солдаты и моряки стали требовать демобилизации и заключения мира.

Мы не располагаем всеми сведениями, относящимися к революционному движению в британских войсках в период конца войны и демобилизации, — английское правительство тщательно скрывает факты революционного брожения в армии, — но и те сведения, которые нам доступны, говорят о том, что «бацилла большевизма» проникла в достаточной мере в армию и флот. Вот что например вынужден рассказать о брожении в войсках уже цитированный выше У. Черчилль.

«Если бы эти (британские.—А. П.) армии приняли сообща какое-нибудь решение, если бы удалось свратить их с пути долга и патриотизма, не нашлось бы такой силы, которая была бы в состоянии им противостоять.

Это было самое тяжелое испытание для прославленной мудрости и политического воспитания британской демократии, какое только выпало на ее долю.

За одну неделю из различных пунктов поступили сведения о более чем 30 случаях неповиновения среди войск. Почти всюду беспорядки были прекращены репрессивными мерами или увещаниями офицеров. Но в нескольких случаях отряды солдат в течение нескольких дней не признавали над собой никакой власти. Наиболее тяжкие нарушения дисциплины произошли в подсобном армейском корпусе в Гров-парке и в депо механического транспорта, находившемся в Кемптонском парке. Несколько рот объявили своим офицерам, что они организовали Совет солдатских депутатов и намереваются идти в ближайший город *брататься с рабочими...* И хотя во многих местах положение было чрезвычайно серьезно, единственным местом, где вспыхнул настоящий серьезный бунт, был Лютон. В этом городе благодаря слабости гражданских властей толпа сожгла городскую ратушу. Настоящий мятеж разразился в Кале. Между 27 и 31 января отказались повиноваться приказаниям отряды службы связи и отряд механического транспорта... Они вышли навстречу судам, перевозившим из отпуска войска, и уговорили значительное число возвращавшихся на фронт солдат присоединиться к ним. В течение 24 часов вожаки имели в своем распоряжении от 3 до 4 тысяч вооруженных людей и держали в руках весь город...

Одновременно с этим пришли известия о серьезных беспорядках в Глазго и Бельфасте. В обоих случаях подстрекателями были коммунисты» (У. Черчилль, «Мировой кризис», стр. 32—33. Подчеркнуто мною.—А. П.).

Черчилль рассказывает об этих событиях в армии как о «непредвиденных обстоятельствах». Для полноты картины революционирования масс Англии в этот период необходимо отметить, что общим революционным подъемом были охвачены не только рабочие и армия, но и такой оплот правительства, как полиция: в августе 1919 г. вспыхнула забастовка полицейских, охватившая Лондон, Ливерпуль, Бирмингем и целый ряд других мест.

Если революционный подъем в этот период послевоенного развития не увенчался успехом, то причина этого кроется в том, что во главе масс стояло прожженное руководство агентов буржуазии в рабочем движении. Нет надобности здесь подробно анализировать предательство официальных лидеров английского пролетариата. Очерченное выше настроение масс и их «вождей» дает нам ясное представление о той обстановке, в какой развертывалось движение английского пролетариата в защиту Советской России.

Выше уже отмечалось, что движение против интервенции было тесно связано с общей борьбой, которую вел английский пролетариат в рассматриваемый период. Во время всеобщей забастовки железнодорожников в 1919 г. почти все местные профсоюзные организации не только принимали резолюции в пользу защиты первой Республики советов, но и призывали всех железнодорожников к отказу перевозить оружие, военное снабжение и войска, направляемые против революционной России.

Конгресс тред-юнионов в Глазго, происходивший в сентябре 1919 г., принял по русскому вопросу следующую резолюцию:

«Принимая во внимание общее желание всей страны и неоднократные заявления правительства во время последней избирательной кампании и до нее,—заявления, повторенные затем 22 мая представителем прави-

гельства Бонаром Лоу при приеме им делегации от парламентского комитета тред-юнионов,—конгресс поручает парламентскому комитету потребовать от правительства отмены закона о всеобщей воинской повинности и немедленного удаления английских войск из России. Если правительство этого не исполнит, то немедленно же должен быть созван специальный конгресс тред-юнионов для принятия решения о том, как следует поступить».

В конце 1919 г. областным объединением профсоюзов в Глазго в знак протеста против интервенции в России была организована 24-часовая забастовка на Кляйде. Районный совет Баттерси в Лондоне в специально принятой резолюции требовал прекращения интервенции в Россию, снятия блокады и дипломатического признания Республики советов. Наконец нельзя не отметить двух громадных демонстраций лондонского пролетариата в октябре и ноябре 1919 г., требовавших прекращения интервенции и возобновления нормальных отношений с Советской Россией.

Таких примеров активного выступления масс в пользу революционной России можно привести очень много. Симпатии английского пролетариата к своим советским братьям принимали все более и более осязательную форму борьбы. В этих условиях официальное руководство рабочим движением, боясь потерять остатки своего влияния на массы, вынуждено было, скрепя сердце, для вида «приемкнуть» к общему пролетарскому антиинтервенционистскому движению. 7 ноября 1919 г., во вторую годовщину Октябрьской революции, по инициативе революционных элементов рабочего движения, главным образом коммунистов, был организован национальный комитет «Руки прочь от России». В этот комитет вынуждены были под давлением масс послать своих представителей и официальные организации рабочего движения: тред-юнионы, исполком Рабочей партии и Независимой рабочей партии.

Образовавшийся комитет ставил своей задачей широкую агитацию за прекращение интервенции в Россию как путем устных выступлений, так и путем широкой пропаганды в печати.

Так например во время длившейся в течение 4 мес. стачки формовщиков во все отделения союза литейщиков был разослан комитетом «Руки прочь от России» следующий характерный циркуляр:

«Комитет шлет свои поздравления по поводу славной борьбы, которую ваша организация ведет за повышение жизненного уровня литейщиков.

Дороговизна неизменно возрастает, так что вы вынуждены бастовать для того, чтобы подкрепить ваши требования о повышении зарплаты на 15 шиллингов. Вам говорят, что Англия идет к банкротству и что единственный путь избежать этого банкротства — это повышение производительности. Между тем в то самое время, как это говорится, Англия ведет войну с Россией, стоящую более 1 млн. ф. ст. в год,—войну, на которую страна никогда не давала своего согласия. Правительство посылает огромное количество военного снаряжения на помощь Деникину в его борьбе за удушение русских рабочих. Правительство для перевозки солдат и военного снаряжения в Россию использует флот, в то время как этот же флот мог бы быть использован для ввоза в Англию продовольствия и таким образом—для снижения цен на продукты...

Правительственная политика в России всецело поддерживается британскими предпринимателями, ибо они очень заинтересованы в подавлении русского пролетариата, и они охотнее истратят на эту цель новые миллионы, нежели согласятся пойти вам хоть на незначительную уступку.

Литейщики кроме того не должны забывать, что Россия нуждается в железнодорожных паровозах, вагонах, рельсах, разнообразных сельскохозяйственных орудиях и машинах, производство которых означает работу для литейщиков. Короче говоря, мир с Россией будет стимулировать раз-

вание торговли с Англией, выгодную для всех рабочих Англии, и в том числе и для литейщиков. Поэтому, товарищи рабочие, в вашей настоящей борьбе с предпринимателями не забывайте принимать резолюции, требующие от правительства заключения мира с Россией и приостановки того расточения жизненных сил и средств, которые расходуются за счет жизненных интересов британских рабочих; мы просим вас проявить ваше отношение к правительственной политике по отношению к России путем принятия и посылки на имя премьер-министра резолюции, содержащей в себе следующие требования:

- а) отозвание и уход всех британских войск из России;
- б) прекращение помощи и снабжения Колчаку и Деникину;
- в) прекращение блокады России;
- г) восстановление нормальных отношений между Россией и Англией».

Такие же примерно обращения были разосланы железнодорожникам, судостроителям, механикам и проч. категориям рабочих.

Нечего и говорить, что эти обращения встретили горячую поддержку со стороны многочисленных организаций объединений различных профессий и специальностей рабочих.

Поскольку правительство ввиду отказа солдат ехать на русский фронт готовило новый закон о введении всеобщей воинской повинности, комитет решил связать свои выступления в пользу Советской России с одновременной борьбой против закона о военной службе. Под влиянием революционных элементов, входивших в комитет, им удалось заставить конгресс тред-юнионов принять специальное решение о созыве особой конференции по вопросу о Советской России.

В привлечении тред-юнионов к борьбе против интервенции входившие в комитет «Руки прочь от России» революционные элементы встретили особенно большую поддержку со стороны федерации горняков.

Энергичная кампания, поднятая через комитет революционными элементами из Британской социалистической партии, Социалистической рабочей партии других революционных организаций, вскоре сделала «русский вопрос» центром внимания страны. Перед лицом развернувшейся активности масс ни один из ответственных органов печати, принадлежавших даже лейбористам или «независимцам», не смел выступать иначе как в защиту Советской России. Так например «Дейли геральд» стал помещать целый ряд разоблачений о военных действиях англичан в Мурманске и Архангельском районе. В этом отношении любопытно письмо подполковника Шервуда Келли, бывшего командира 2-го батальона Гемпширского полка, напечатанное в газете 8 сентября.

«Как только я прибыл в Архангельск,—писал Шелли,—это было в конце мая,—у меня с первого же дня создалось такое впечатление, что политика, проводимая в России нашими властями, не соответствует официальным заявлениям. Это впечатление усиливалось с каждым днем, и в течение июня и июля я против собственной воли вынужден был прийти к следующим заключениям:

Войска вспомогательного корпуса, которые, как нас уверяли, предназначались исключительно для оборонительных целей, в действительности были использованы для наступательных операций в широком масштабе на территории, уходившей далеко в глубь страны, причем операции эти составляли часть какого-то грандиозного военного плана, сущность которого от нас скрывалась. Мой личный опыт убедил меня в том, что операции эти велись плохо и ни в военном и ни в каком другом смысле не могли способствовать оздоровлению английской политики по отношению к России. Они влекли за собой лишь бесцельные потери и причинили страдания английским войскам и без того уже принесшим неисчислимые жертвы во время великой войны.

Неожиданно для себя я увидел — теперь это известно всем и каждому в Англии, — что хваленая «лояльная русская армия» в значительной своей части состоит из взятых в плен большевиков, переодетых в английскую военную форму, готовых каждую минуту восстать и представлявших для нас не меньшую опасность, чем открыто сражавшиеся против нас большевистские войска.

Правильность этого была самым трагическим образом доказана в июле, когда русские солдаты взбунтовались и перебили своих английских офицеров.

Далее я пришел к тому убеждению, что игрушечное правительство, посаженное нами в Архангельске, не пользуется ни доверием, ни симпатией со стороны населения, и без поддержки английских штыков не могло бы просуществовать и часа.

Вместе с тем я увидел, что английские деньги текут здесь рекой, и драгоценная жизнь английских солдат приносится в жертву ради оказания помощи этой никуда негодной армии и для поддержания этого никуда негодного правительства, а во мне созрело убеждение, что долг мой заключается не в том, чтобы способствовать этой ошибочной политике, а в том, чтобы разоблачить ее перед английским обществом.

И прошу вас опубликовать это письмо, чтобы все в Англии узнали правду о положении в Архангельске и могли принять меры к исправлению сделанных ошибок».

Нет надобности особенно ломать голову над разгадкой «грандиозного военного плана», о котором писал Шервуд Келли. Уже в день опубликования этого письма парижский корреспондент «Вестминстер газетт» мог сообщить о существовании подписанного в Ревеле секретного договора между британским правительством и так называемым «северо-западным русским правительством». По этому договору Англия в лице английского генерала Гофа обязывалась «всеми средствами поддерживать новое правительство в его борьбе против большевизма и в частности в его стремлениях, направленных к занятию Петрограда». В ответ за эти «услуги» Лианозов от имени «Северо-западного русского правительства» обещал «признать особый интерес Англии на Балтийском море» и «после падения Петрограда официально заявить о полном отказе от преследования каких бы то ни было интересов в Персии».

Под давлением революционных рабочих более энергичным тоном заговорил «Дейли геральд» и стал предоставлять свои страницы коммунистам. Так например в одной из статей, посвященных разоблачению интервенции, говорилось:

«Мы заставляем взятых в плен большевиков поступать в белую армию и сражаться против большевиков же, явно нарушая этим обычаи войны, и это кончается тем, что они устраивают восстание и убивают офицеров. Нам говорят об убийстве английских офицеров. Да, но их истинный убийца — это наше правительство. Вся эта война на севере России «сплошное убийство, и виновато в нем наше правительство... Да, вот какова политика нашего правительства! Империализм, борьба с социализмом... война, убийства, ложь! Неужели рабочие будут терпеливо сносить все это?»

Постоянно повторяющиеся призывы к рабочим о прекращении интервенции, даже не только со стороны революционных элементов, но и центристских органов вроде «Дейли геральд», брошенные в революционно настроенную массу, вскоре должны были дать свои результаты. Опасения, что вокруг вопроса об интервенции могут быть мобилизованы основные силы английского пролетариата и что борьба в защиту Советской России может перерасти в движение за введение «советских принципов» в Англии, заставили правительство сманеврировать и приступить к отозванию британских отрядов с севера России. Поступившие затем сведения о вол-

испих в британских войсках на Северном фронте требовали немедленного отозвания архангельско-мурманской экспедиции.

Так, 27 сент. 1919 г. был оставлен англичанами Архангельск, а 1 окт. — Мурманск. Характерно, что и после провала интервенции на севере британское правительство делало все от него зависящее, чтобы спасти белогвардейцев.

Любопытна в этом отношении следующая телеграмма, посланная Керзоном, уже после занятия Красной армией Архангельска.

«Чичерин Москва. Я получил от генерала Миллера (белогвардейского губернатора Северной области. — А. П.) телеграмму, констатирующую, что временное правительство Северной области решило, что оно не в состоянии продолжать борьбу против советских сил на архангельском фронте и что оно поэтому предлагает сдать город. Намерение заключается, повидимому, в том, чтобы те, кто занимал выдающееся положение в гражданской войне, удалились. Ген. Миллер просил меня передать просьбу о том, чтобы тогда, когда Архангельск перейдет в руки советской власти, никаких насилий не было произведено по отношению к представителям имущих классов населения. Из этого сообщения я заключаю, что в Архангельске — власть, симпатизирующая советскому правительству. Вы легко поймете, что ввиду того, что правительство его величества больше года в широкой степени было ответственно за питание и общее благосостояние населения Северной области, в Англии было бы произведено особенно тяжелое впечатление, если бы произошли серьезные беспорядки или были совершены суровые репрессии советскими властями против населения, сопротивлявшегося им в течение многих месяцев. Если Вы имеете какие-либо предложения для передачи Миллеру с целью мирной капитуляции и если Вы желаете сообщить через меня, я буду счастлив передать их».

Но отзыв Северо-русского вспомогательного отряда в то же самое время не только не означал прекращения интервенции, а и привел к еще более интенсивной поддержке интервенции на других участках. Блокада продолжалась, и вместе с ней продолжалось снабжение белогвардейцев армейскими частями, денежными средствами и всякого рода припасами.

Но и новые козни британских империалистов были разоблачены и сорваны английским пролетариатом. В связи с тем, что английскому пролетариату удалось сорвать интервенцию на севере Советской России, в связи с перспективами развивающегося экономического и политического кризиса и революционизирования масс, британскому правительству, в особенности после разгрома Колчака и Юденича, пришлось хотя бы внешне изменить свою линию поведения по отношению к Советской республике. В этом отношении чрезвычайно характерно развитие советско-британских отношений в течение 1920 года.

РАЗВИТИЕ

СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ в 1920 г.

В феврале 1920 г. английский король в тронной речи заявил о «необходимости восстановления не только мира, но и нормальных экономических отношений с Восточной Европой и Россией». Происходившая 24 февраля конференция союзников в Лондоне выступила с декларацией, в которой между прочим говорилось: «Торговля между Россией и остальной Европой является столь насущной для улучшения экономического положения не только в России, но и в остальном мире, что необходимо приступить к ее возобновлению в возможно кратчайший срок». 25 апреля конференция союзников в Сан-Ремо уполномочила исполком Верховного экономического совета Лиги наций встретиться с советской делегацией, возглавлявшейся т. Красиным, в целях «обеспечения развития торговых

отношений между Россией и союзными державами». В этот момент вспыхнула советско-польская война, Киев был занят белополяками, и английское правительство начало саботировать мирные переговоры. Устами «Таймса» оно заявило (в номере от 1 мая), что положение с Киевом «может изменить всю ситуацию в Восточной Европе».

Эта выкидательная позиция правительства нашла затем свое выражение в официальном ответе Бонар Лоу в заседании палаты общин 4 мая.

На вопрос депутата Веджвуда Бенка, собирается ли правительство в связи с наступлением поляков передать этот вопрос на рассмотрение Лиги наций, министр ответил, что в настоящий момент «правительство не намеревается предпринять какие-либо шаги в направлении, указанном в вопросе депутата». 17 мая советская торговая делегация во главе с т. Красиным прибыла в Лондон, и в тот же день правительство должно было признаться в снабжении польской армии «частью снаряжения». 8 июня на помощь полякам выступил генерал Врангель, перешедший из Крыма в наступление по всему фронту. Все это привело к тому, что переговоры между торговой делегацией Красина и английским правительством прервались.

Как раз в это время положение на фронте переменилось: советские войска стали победоносно теснить белополяков и 12 июня заняли Киев. Переход красных войск в наступление привел к тому, что через десять дней заседавшая в Булони конференция послов постановила, что экономические переговоры с русской экономической делегацией, начавшиеся в Лондоне, должны продолжаться с условием, что при этом не может быть и речи о политическом признании советского правительства.

30 июня 1920 г. британское правительство передало т. Красину условия торгового договора, которые, несмотря на тяжесть отдельных пунктов, советское правительство, стремясь к миру, 7 июля приняло.

Тов. Чичерин в своей телеграмме указывал: «Советское правительство еще раз подчеркивает, что в своих отношениях с Великобританией оно не стремится ни к чему другому, как к миру, и что лишь отсутствие соответствующего настроения другой стороны явилось причиной того, что мир до сего времени не достигнут».

Начиная с 7 июля, польские войска стали быстро отступать. Идя навстречу белополякам, конференция премьеров в Спа предъявила России ультиматум о прекращении военных действий. В случае отказа советского правительства и дальнейшего наступления его войск на территорию Польши союзные державы грозили выступить в защиту Польши, пустив в ход все свои ресурсы. В ответ на ультиматум Антанты советское правительство ответило, что оно готово заключить мир с Польшей, если последняя обратится с предложением о мире непосредственно в Москву. Кроме того оно было готово предоставить белополякам более выгодные материальные и территориальные условия, чем те, которые выставлялись союзниками.

Несмотря на этот ответ советского правительства, союзники 20 июля послали новый ультиматум, грозивший в случае продвижения Красной армии не только оказать помощь и поддержку полякам, но и разорвать торговые переговоры. С целью оказания давления на советское правительство нашей делегации, находившейся в то время в Ревеле, было отказано в визе на въезд в Англию до тех пор, пока не будет заключен мир с Польшей. 23 июля польское правительство отправило ноту в Москву с предложением перемирия. Советское правительство немедленно приняло это предложение.

Хотя советское правительство и выразило готовность приступить к мирным переговорам с белополяками, конференция премьеров в Булони в своем ответе от 27 июля отклонила выставленное ранее Москвой предложение о назначении конференции в Лондоне и о восстановлении мирных отношений с Антантой и выставляла требование включить в состав этой кон-

феревдии помимо Польши еще и представителей лимитрофов—Эстонии и Латвии,—с которыми уже были заключены мирные переговоры, а также делегатов Финляндии и Литвы с которыми у советского правительства еще не было нормальных дипломатических отношений. Эта политика союзников недвусмысленно разоблачала враждебное отношение и систему провокаций, к которым прибегали страны Антанты для борьбы с Советской Россией.

Между тем 4 августа советская делегация была принята британским премьер-министром, а 5 августа Красная армия находилась уже в 5 милях от Варшавы. Наступление красных войск вызвало в среде английского правительства настоящую панику. 6 августа передовица «Таймса» грозила Советской России войной.

В тот же день орган Ллойд-Джорджа «Дейли кроникл» в жирном подзаголовке сообщал: «Отдан приказ о возобновлении блокады России».

ДВИЖЕНИЕ „РУКИ ПРОЧЬ ОТ РОССИИ“ в БОРЬБЕ с ИНТЕРВЕНЦИЕЙ во ВРЕМЯ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Нападение белополяков на Советскую Россию вызвало еще большее негодование английского пролетариата, нежели это имело место во время британской интервенции в Мурманске—Архангельске. Большую активность по мобилизации общественного мнения рабочего класса вокруг лозунгов защиты Советской России проявила сейчас молодая компартия, объединившая в своих рядах лучшие элементы шоп-стюардов. Британской социалистической партии, Социалистической рабочей партии и других революционных организаций. С целью организации масс для противодействия политике британского правительства, направленной на поддержку белополяков, эти организации выдвинули идею создания местных «советов действия», которые в своем развитии должны были превратиться в ячейки будущей советской власти в Англии. Одновременно с организацией местных «советов действия» началась агитация среди различных слоев рабочих за активное выступление в виде стачек протеста против военной поддержки Польши. Так например Комитет шоп-стюардов в районе Темзы вел энергичную кампанию среди докеров за отказ грузить боспришасы для Польши. Призыв шоп-стюардов нашел горячий отклик, и лондонские докеры не только отказались разгружать пароход «Веселый Джордж», отправляющийся с военным материалом в Польшу, но раскидали находившийся на пароходе груз и таким образом не допустили вывоза этого груза из Лондона.

Эти революционные действия английских рабочих выступают особенно ярко, если вспомнить о том саботаже, с которым английскому пролетариату приходилось встречаться в лице официальных руководителей тред-юнионистских и политических «рабочих» организаций.

Под влиянием контрнаступления красных армий против белополяков британское правительство в лице Ллойд-Джорджа предъявило советским представителям ультиматум. Адмиралтейству и военному министерству был отдан приказ о подготовке новых военных операций против Советской России. Однако на сцену снова выступили массы.

Еще 5 августа, когда, с одной стороны, выяснилось продвижение красных войск по направлению к Варшаве и, с другой стороны, «Таймс» стал грозить возобновлением войны с Советской Россией, молодая английская компартия проявила гигантскую активность по подьему масс в защиту Советской России. «Дейли геральд» в специально выпущенном воскресном номере должен был напечатать воззвание компартии под сенсационным заголовком: «Англия вовлекает страну в войну против социали-

стической России». Рассказав дальше об ультиматуме, содержащем в себе требование приостановить движение победоносных советских войск в Польшу, газета сообщила о посылке огромного количества снаряжения в Польшу в виде оружия, аэропланов и т. д. Разоблачив далее лицемерие Ллойд-Джорджа, заявившего с своим невмещательстве в русские дела, газета справедливо доказывала всю вздорность версии нападения Советской России на Польшу.

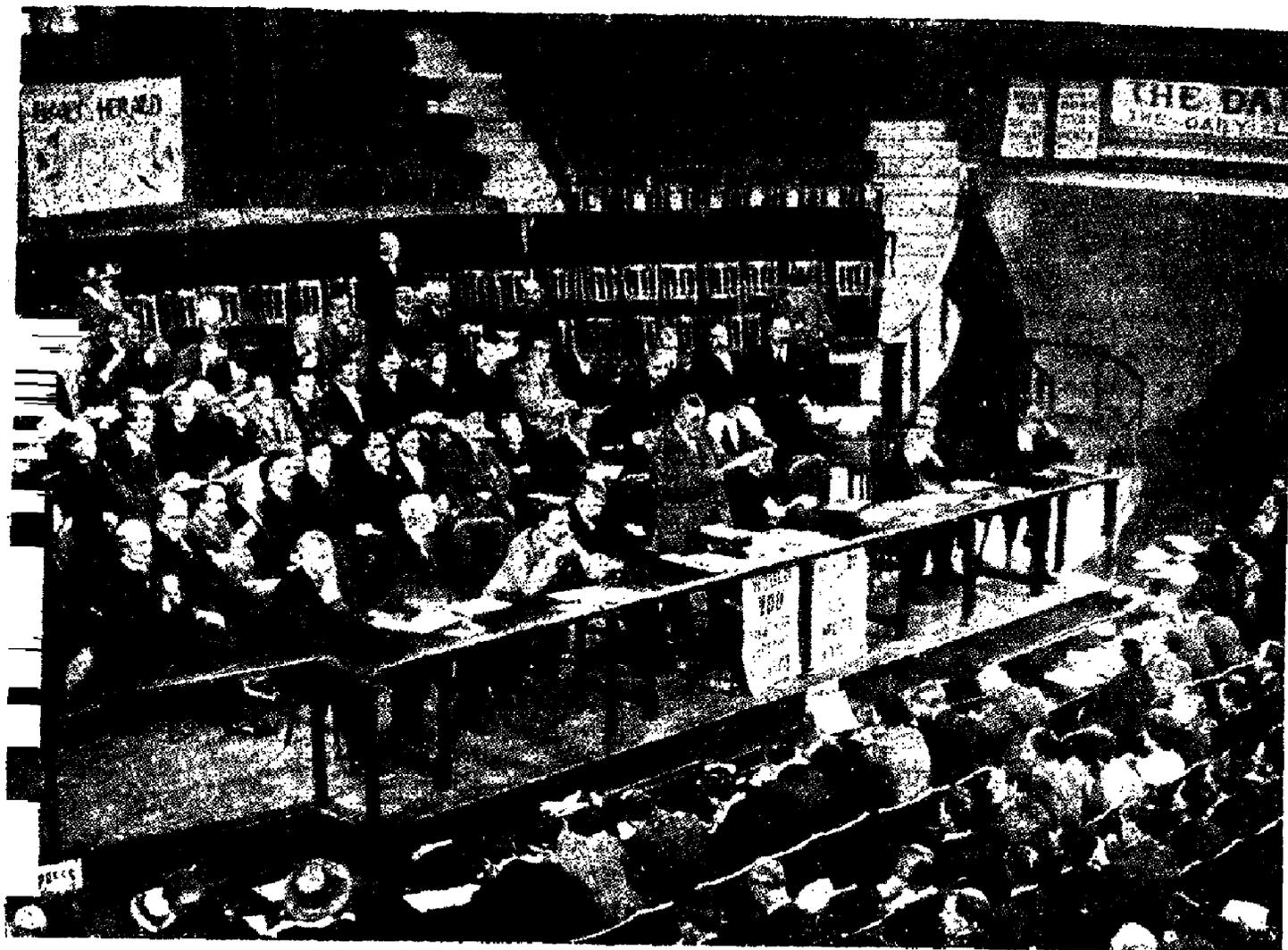
«Советская Россия доказала свое стремление к миру, — писал «Дейли геральд», — в течение всех лет ее существования и по отношению ко всем соседям. Официальные органы распространяют сведения о том, что большевики пытались диктовать Польше форму правительства. Это ложь. Россия готова признать полную независимость Польши, как она ее признала в отношении Эстонии и Латвии. Мир стоит перед дилеммой: или всеобщий мир или мировая война. Мы не знаем, что скрывалось за призывом Черчиля спарядить специальную наемную армию против России. Мы живем в тумане фальсификации и лжи. И среди этой обстановки мы видим лишь ослепляющие своим светом огни войны». Статья заканчивалась призывом к действию: «Мы говорим затем британским рабочим; ваш долг приостановить это бессмысленное и бесконечное преступление. Тяжесть страданий падет на вас, и лишь вы можете себя от этих страданий избавить!»

Угроза войны против Советской России вызвала сильное возбуждение среди английского пролетариата. По инициативе рабочих масс были разосланы 6 августа телеграммы во все местные организации Рабочей партии и тред-юнионов: «Расширение русско-польской войны таит в себе исключительные опасности. Местным организациям предлагается без всякого промедления приступить к организации демонстрации против интервенции, против помощи Польше людским составом и оружием: требуйте немедленно возобновления мирных переговоров, прекращения блокады и возобновления торговых отношений. Посылайте резолюции протеста на имя премьер-министра и в прессу, мобилизуйте для этой цели местных членов парламента»¹.

Так как движение в защиту Советской России приняло громадные размеры — по всей стране было создано до 350 «советов действия», — официальным органам рабочего движения не оставалось ничего другого, как внешне, для видимости, попытаться возглавить его, 9 августа на объединенном заседании парламентского комитета конгресса тред-юнионов и исполкома Рабочей партии был создан «совет действия» во главе с центральным комитетом. Новая организация поставила своей целью пропаганду под лозунгом: «Ни одного человека, ни одной пушки, ни одного шиллинга на войну против социалистической России».

13 августа была проведена в Лондоне конференция «советов действия», которая решила прибегнуть ко всеобщей стачке в случае объявления войны Советской России. Не довольствуясь деятельностью внутри страны, «совет действия» постановил послать во Францию члена парламента от Рабочей партии Адамсона. Однако английское и французское правительства отказали ему в заграничном паспорте, а когда он без паспорта все же прибыл в Париж, то был арестован и выслан обратно в Лондон. В то же время по всей стране шли громадные митинги, на которых собравшиеся докеры отказывались грузить военное снаряжение; рабочие-железнодорожники, занятые военным снабжением, заявляли о своем нежелании перевозить и производить снаряды для Польши. Единодушный отпор, данный ра-

¹ Эти телеграммы, сыгравшие роль зажигательных искр в атмосфере, насыщенной взрывчатыми газами, были разосланы, как свидетельствует Ф. Ротштейн, ЦК Британской социалистической партии (отчасти комитетом «Руки прочь от России») по предложению одного молодого коммуниста, выработавшего весь этот план действий накануне вечером и с утра приведшего его в исполнение.

Собрание «Совета действия»
в Лондоне в 1919 г.

бочими массами, заставил вдохновителя блокады против Советской России Черчиля, а вместе с ним и правительство, капитулировать. Уже 14 августа «Таймс» вынужден был переменить фронт, заявляя, что ни один здравомыслящий человек нашей страны не желает «войны с Россией». Но этот благоприятный по отношению к Советской России тон правительственных кругов тотчас же снова изменился, как только обнаружилось, что во второй половине августа польские войска отбили атаку красных и перешли в наступление. Когда же одновременно с успехами поляков к началу сентября обнаружались успехи Врангеля, представитель советского правительства был изгнан из Англии под предлогом обвинения в продаже царских бриллиантов для целей советской пропаганды.

Нет надобности далее подробно останавливаться на всех перипетиях советско-британских отношений. Заключение 12 октября Рижского мирного договора и занятие Красной армией Крыма 14 ноября 1920 года наряду с активной деятельностью «советов действия» заставили наконец английское правительство вплотную подойти к переговорам о возобновлении торговых отношений с Советской Россией. 15 февраля 1921 г., через год после отмеченной выше тронной речи, английский король снова должен был заявить в новой тронной речи, что он надеется, что «переговоры о заключении торгового договора с Россией придут к благоприятному концу».

В этом решении британского правительства громадную роль сыграли пролетарские массы, энергично выступавшие по всей стране под лозунгом: «Руки прочь от Советской России».

Значение этого движения нашло себе авторитетную оценку со стороны Ленина и Коминтерна. Выступление «комитетов действия» Ленин оценивал «как великий переворот во всей английской политике», имеющий

Восстание в Калуге 3-11. 1933 г.

таков же значение, как для нас Февральская революция 1917 г. Анализируя роль этих комитетов, Ленин в следующих словах определял его значение для английского рабочего движения: «Комитет действия, помимо переход к диктатуре и другого выхода из положения нет... Вся английская парламента, ставит правительству ультиматум от имени рабочих—это есть пресса писала, что «комитет действия» не что иное, как советы. И она была права. Это не называлось советами, но по существу это то же самое. Это то же самое двоевластие, что было у нас при Керенском в марте 1917 г., когда временное правительство считалось единым правительством. но на деле без Совета рабочих и крестьянских депутатов ничего серьезного сделать не могло, и когда мы говорили Советам: «Берите всю власть». То же самое положение создалось теперь в Англии, и меньшевики вынуждены в этом «Комитете действия» вступить на путь «противоконституционный» (т. XXV, стр. 403—404).

Компнттерн в специальном манифесте по поводу выступления «комитетов действия» с «великой радостью» отмечал: «В Англии началось превосходное рабочее движение, которое с каждым днем принимает все более явно выраженный революционный характер. Впервые после долгих лет кризиса английский рабочий класс начинает играть революционную роль. Факт этот является крупнейшим событием политической истории современности. В Англии образовался «комитет действия», который ставит себе задачей возглавить могучее многомиллионное движение рабочих, которое мы наблюдаем теперь в Англии.

Если движение «Руки прочь от России», бывшее по существу говоря одной из форм борьбы английского пролетариата за Советы, ограничилось тем, что оно приостановило занесенный над головою русских рабочих поз и не переросло в непосредственную борьбу за диктатуру пролетариата, то причиной этому были в основном два обстоятельства.

Прежде всего повинны в этом официальные руководители британского рабочего движения, активно боровшиеся против перехода английского рабочего класса к прямой борьбе за диктатуру пролетариата. В борьбе с революционными устремлениями масс единым фронтом выступали все оппортунистические элементы английского рабочего движения, начиная от «левых» вроде Ленсбери и Брейльсфорда и кончая открытыми предателями и агентами буржуазии вроде Томаса и Кляйнса.

Другой причиной, помимо предательства лидеров британского рабочего движения, была слабость самих английских коммунистов. Сектантское и доктринерское прошлое мешало им не только большевизироваться, но даже огласиться на объединение в единую коммунистическую партию Великобритании всех левых, искренне стремящихся к коммунизму, элементов рабочего движения. До января 1921 г. — до съезда в Лидсе — в Англии помимо коммунистической партии Великобритании, образовавшейся в августе 1920 г., существовали еще отдельно Коммунистическая партия, образовавшаяся из Социалистического общества южного Уэльса, и Коммунистическая рабочая партия, созданная шотландскими рабочими комитетами и др.

Таким образом единому фронту оппортунистического руководства в английском рабочем движении коммунисты не смогли противопоставить единого фронта пролетариата, возглавляемого объединенной в единую политическую организацию компартией.

Но эти неудачи английских коммунистов не преуменьшают громадного исторического значения, какое имеет первая попытка борьбы за Советы в Англии. Движение «Руки прочь от России» является чрезвычайно ярким свидетельством «поступательного роста коммунизма в капиталистических странах, нарастания симпатий пролетариатов всех стран к рабочему классу СССР» (Сталин), свидетельством того, что «семена, брошенные Октябрьской революцией, начинают приносить плоды» (Сталин).

**ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
в БОРЬБЕ
за СПАСЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА**

После отставки Куно, вынужденной августовской всеобщей стачкой и революционным подъемом, социал-демократия перешла от поддержки буржуазного правительства извне к непосредственному участию в правительстве «большой коалиции». Сам факт выступления социал-демократии в правительство, как и вся ее политика в этот период, привел к срыву всеобщей стачки и к использованию социал-демократами своего положения для борьбы за спасение и стабилизацию капитализма, для решительной борьбы против поднимающейся все выше революционной волны, а позже для всемерного содействия буржуазии в ее контраступлении на рабочий класс.

Задачами, стоявшими перед германской буржуазией (а следовательно и перед социал-демократией!) на этом пути, были, во-первых, разрешение финансового вопроса, без чего нельзя было и мечтать об ослаблении и изживании глубокого хозяйственного кризиса, в котором находилась Германия, и о какой бы то ни было стабилизации; во-вторых, разрешение рурского вопроса, так как дальнейшее продолжение оккупации и политика пассивного сопротивления были крупными факторами, усложнявшими политическую ситуацию в Германии.

Но германская буржуазия понимала, что результаты каких бы то ни было мероприятий в деле разрешения этих задач, даже если они будут выполнены с успехом, скажутся далеко не сразу, что спасение германского капитализма немыслимо без быстрых и решительных мер, проводимых ею при непосредственном содействии фашистских организаций и социал-демократии.

Эти меры должны были быть направлены как на кровавое подавление революционного рабочего класса, так и на преодоление революционного подъема путем обмана рабочих и создания иллюзий о возможности разрешения противоречий не революционным путем, а путем классового «сотрудничества». Социал-демократия с честью выполнила эти функции «попа и палача» осенью 1923 г. Сорвавшая августовскую всеобщую стачку, оказавшая активную помощь буржуазии в борьбе ее против Саксонии и в подавлении героического Гамбургского восстания социал-демократия с неменьшим усердием устремилась к разрешению указанных выше задач, со всей неотложностью вставших перед буржуазией.

Социал-демократия совершенно недвусмысленно квалифицировала правительство большой коалиции как последний резерв и последнюю

ставку буржуазии. При вступлении в правительство социал-демократическая фракция рейхстага выступила со следующей декларацией.

«Ввиду трагического положения, в котором очутился народ, парламентская фракция изъявила готовность взять на себя часть ответственности и постарается поправить дело».

Программа социал-демократии заключалась в требовании финансовой реформы, перехода на заработную плату по твердому курсу, отделения рейхсвера от тайных организаций, активной внешней политики и вступления Германии в Лигу наций. Для разрешения финансового вопроса и борьбы с тяжелым хозяйственным кризисом социал-демократия поставила на пост министра финансов свою красу и гордость, автора «Финансового капитала» Гильфердинга.

Последний начал с весьма решительных речей о «свирепом обложении»:

«Мы будем жестоко накладывать налоги, мы будем беспощадно их выжимать».

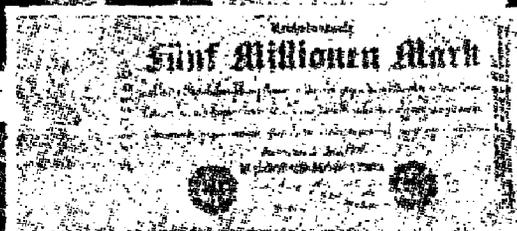
Но ни рабочие, ни мелкая буржуазия и крестьянство не могли служить достаточным источником для выжимания налогов, так как им платить было нечем, а буржуазия, наживавшаяся на политике инфляции и сосредоточившая в своих руках массу иностранной валюты и золота (за время с января по август золотой запас государства в большей своей части перекочевывал в частные руки: с 1.005 млн. зол. марок в январе он дошел до 600 млн. в августе), очень быстро оправилась от паники, вызванной революционным подъемом, и платить была отнюдь не намерена. Буржуазия выступила в настоящий поход против новых налогов, систематически саботировала уплату их и начала массовое закрытие промышленных предприятий и увольнение рабочих.

В ответ на призывы к сдаче в банк иностранной валюты буржуазия предпочитала переправлять свои капиталы в иностранные банки. Характерно, что, несмотря на все это, буржуазия продолжала и при правительстве большой коалиции пользоваться государственным кредитом, столь выгодным ей в условиях падающей валюты.

В результате «свирепого обложения», проводимого в столь выгодной для буржуазии форме, падение курса марки шло со все большей быстротой: за один месяц курс доллара поднялся с 4 млн. марок до 130 млн. Только позже удалось с величайшими трудностями достигнуть стабилизации валюты, — когда буржуазия до конца исчерпала все выгоды, приносимые ей политикой инфляции; когда дальнейшее падение курса марки уже не могло удовлетворять ее хищнических стремлений и тенденций, она пошла на прекращение инфляции.

Социал-демократия была агентом буржуазии не только во внутренних, но и во внешнеполитических делах. Осенью 1923 г. перед германским капитализмом со все большей ясностью выступала необходимость разрешения вопроса о Руре. А так как Франция очевидно не имела никаких намерений освободить Рур до прекращения пассивного сопротивления, то необходимо было поставить ребром вопрос о капитуляции. Мы видели выше, что оккупация Рура ударяла отнюдь не по крупным капиталистам Германии, а целиком падала бременем на рабочий класс и широкие массы трудящихся. Больше того, крупная буржуазия Германии умудрилась сделать весьма выгодные делишки на базе инфляции.

Представители тяжелой индустрии рассматривали пассивное сопротивление как метод борьбы за более выгодную сделку с французскими капиталистами и поэтому не спешили с капитуляцией. Правительство Кюно, выражавшее интересы этих слоев буржуазии, «держало марку» и

Очереди за маргарином, картофелем и другими продуктами в Берлине во время инфляции в 1923 г.

настаивало на продолжении пассивного сопротивления. Весной 1923 г. Куно сулил: «Сопротивление будет продолжаться до дня освобождения!» Даже 8 августа, накануне своего падения, он выступил с речью, призывавшей к поддержке. Указав, что на соглашение с Францией нет никаких надежд, так как правительство последней считает необходимой предпосылкой для каких бы то ни было переговоров прекращение «политики пассивного сопротивления», Куно сделал вывод, что Германия на это пойти не может. В то время как раньше политика Куно шла впрок крупным капиталистам Германии, теперь к осени 1923 г. политика пассивного сопротивления уже в значительной степени исчерпала себя даже с точки зрения их классовых выгод: политика инфляции привела валюту в такое состояние, что дальнейшее ее продолжение привело бы к окончательному разрушению всего хозяйства и делало невозможным накопление прибылей в руках крупных капиталистов, которое удавалось им раньше благодаря инфляции. Поэтому представители тяжелой индустрии тоже мало-помалу склоняются к мысли о необходимости капитуляции. Еще задолго до прекращения политики пассивного сопротивления германские капиталисты не только поддерживали связь и вели переговоры о соглашении с французским капиталом (это было показано выше с достаточной ясностью), но и шли на прямую ломку «сопротивления». Так например в результате соглашения между фирмой Крупна и частью группы Лущера, имевшего место в июле—августе 1923 г., представители фирмы Крупна заставили своих рабочих прекратить пассивное сопротивление на их предприятиях.

18 июля, когда французские оккупационные войска заняли фабрики рейхского металлургического общества в Дюссельдорфе, рабочие объявили забастовку. но в ответ на это прочли приказ предпринимателей о немедленном выходе на работу, о прекращении выплаты зарплаты всем бастующим и об объявлении расчета тем, кто не станет на работу до 20 июля.

Дни «пассивного сопротивления» были сочтены.

Когда Куно был сброшен августовской всеобщей стачкой и на его место стало правительство Штресемана—Гильфердинга, которое пошло по пути уступок Франции и капитуляции перед французским империализмом, то в вопросах внешней политики оно не встретило большого сопротивления со стороны финансовых магнатов Германии. Грандиозная панاما и шантаж широких масс трудящихся, развернутые германскими капиталистами при непосредственном участии социал-демократии в форме «пассивного сопротивления», должны были найти свое завершение в капитуляции. Естественно, что для того, чтобы ликвидировать эту панаму, приведшую хозяйство страны к совершенному развалу, а рабочий класс и широкие массы трудящихся к голоду и огромному возмущению, нужно было действовать весьма «деликатно».

18 сентября Гильфердинг заявил, что отпуск государственных средств для поддержки сопротивления придется прекратить. Рейхсканцлер собрал совещание членов кабинета и представителей крупного капитала, где доложил о необходимости прекращения пассивного сопротивления, против чего протестов не встретил. 26-го правительство выпустило воззвание с призывом прекратить сопротивление; в ночь на 27 сентября по всей Германии было введено осадное положение, после чего днем 27-го последовала капитуляция без предъявления со стороны Германии каких бы то ни было условий Франции¹.

Французские империалисты после капитуляции продолжали третировать Германию как побежденного и «строптивого» врага. В то время как раньше они заявляли, что переговоры будут возможны только на основе капитуляции, теперь, после капитуляции, они отказались вести переговоры с немецким правительством.

Мотивировка этого была чрезвычайно проста:

«Пусть Германия не требует для себя за это награды, ибо к прекращению пассивного сопротивления ее вынудили объективные условия».

Вместо переговоров с германским правительством французский империализм предпочел войти в непосредственные сношения с крупными промышленниками Германии через союзническую контрольную комиссию, через так называемую *Micum* («*Mission Interalliee de Controles des Usines*»).

Характерно, что теперь, на основе капитуляции, германские крупные капиталисты обещали платить Франции репарации натурой — углем и т. д., т. е. сочли возможным принести французскому правительству те

¹ Чрезвычайно характерна трактовка вопроса о виновниках капитуляции, даваемая националистом Штресманом. Ответственность за капитуляцию целиком падает, по его мнению, на германский рабочий класс, который осмелился нанести удар по «единому национальному фронту» своими выступлениями и революционной борьбой против буржуазии.

«Большое коммунистическое восстание (в августе 1923 г.) повлияло на исход пассивного сопротивления гораздо глубже, чем это в свое время казалось. Как августовская стачка 1918 г. явилась фактором, который в обстановке общей нужды германского народа нанес тяжелый удар в спину борющихся на фронте, так коммунистическое рурское восстание августа 1923 г. показало и противникам и сторонникам рурской борьбы с чрезвычайной очевидностью, что дальше продолжать борьбу на такой основе бесполезно». (*Spethmann, Zwölf Jahre...*, том, IV, стр. 209).

Но будем удивляться такой трактовке причин капитуляции: такова уже логика «беспристрастных» буржуазных историков. Спровоцировавшая оккупацию Рура, использовавшая оккупацию для бешеной спекуляции и наживы за счет голода германских пролетариев, не раз вступавшая в переговоры с представителями французского капитала буржуазия является для таких историков высшим идеалом!

«жертвы», в которых они отказывали в свое время германскому правительству.

Это лишь мелкий штрих, дополняющий портрет «высокопатриотического» представителя германской буржуазии 1923 г.!

Но венцом всей этой эпопеи является тот факт, что германское правительство не постеснялось выплатить промышленникам кругленькую сумму в 700 млн. золотых марок в виде компенсации за их «страдания» и убытки во время оккупации, подарить им так называемый «Ruhrgeschenk» («Рурский дар»).

В своей речи на заседании министерства 1 ноября 1923 г. рейхсканцлер заранее попытался оправдать эту «жертву» бедным промышленникам тем, что так как пассивное сопротивление привело Рур в тяжелое состояние, теперь моральной обязанностью правительства является дать ему возможность вернуться к нормальному состоянию.

Это дело долго расследовала специальная комиссия рейхстага, но она удовлетворилась тем, что установила незаконность этого «рурского дара», не взыскав с капиталистов ни одной марки.

Как во всей аванюре «пассивного сопротивления», так и в деле его слома и капитуляции перед французским империализмом германская социал-демократия играла позорнейшую роль главного лакея своей буржуазии.

Германская социал-демократия вела активнейшую политику за «единый национальный фронт» с буржуазией и одновременно она достаточно отчетливо выражала стремление крупных германских капиталистов к соглашению с французским капиталом. Германская социал-демократия прикрывала хищническую спекулятивную политику Стиннесов и одновременно старалась уберечь их от революционной «опасности». Социал-демократия предавала революционный пролетариат на кровавую расправу фашистским молодцам и одновременно пыталась парализовать его активность спекуляцией на довольно сильных еще социал-демократических традициях. Социал-демократия была не только вернейшим сподвижником германской буржуазии, но и помощником французского империализма. Ибо никто энергичнее ее не выступал до оккупации за политику выполнения репарационных обязательств перед Францией, а во время оккупации никто столь энергично, как она, не добивался под прикрытием националистической демагогии соглашения между Стиннесами и Лушерами. Далее, благодаря поддержке и активной пропаганде социал-демократами политики «пассивного сопротивления», благодаря борьбе их против попыток пролетариата вести активную борьбу с французским империализмом последний не получил должного отпора в своей рурской аванюре.

Чем глубже становился хозяйственный и политический кризис германского капитализма летом и осенью 1923 г., чем выше подымалась волна революционного под'ема, тем быстрее социал-демократия теряла свою «храбрость» перед упорным в своей агрессивности французским империализмом, тем больше она склонялась к мысли о спасении господства своей буржуазии путем соглашения с французским империализмом, тем более активно выступала она как сторонник капитуляции.

Германская социал-демократия стремилась к капитуляции и потому, что старалась снова наладить «нормальные» отношения с французскими империалистами, и потому, что до ужаса боялась всего, напоминающего ей о нарастании революционного под'ема, о возможности развертывания гражданской войны в Германии.

Но теперь, после всех подвигов германской социал-демократии, поддерживавшей Версальский договор со всеми вытекающими из него последствиями, являвшейся борцом за политику выполнения, а во время окку-

нации против перехода от пассивного сопротивления к активной борьбе революционного пролетариата против германского и французского империализма, — теперь «соглашение» могло означать только тяжелую капитуляцию перед французским империализмом!

Мы видели, что известные руководящие круги германской буржуазии, а вместе с ними и известная часть руководства социал-демократии уже летом подумывали о том, как бы поудобнее «свернуть удочки» пассивного сопротивления и капитулировать. Уже в июле с.-д. Квессель, ярый сторонник французской ориентации, выступает с резкой критикой политики пассивного сопротивления как политики, инспирированной Англией, выгодной только ей, как политика, грозящей Германии гражданской войной.

«Для тех, кто смотрит в корень вещей, русская война носит марку «Made in England...» («*Socialistische Monatshefte*», № 7 за 1923 г., стр. 399). Quessel — «*Die Opferung Deutschland*». Нет сомнения, Германия приведена британской политикой к пропасти гражданской войны».

«В Лондоне желают, кажется, приготовить Германии ту же судьбу, что России 1917—1920 гг.: опустошить ее гражданской войной». (Там же, стр. 401).

Социал-демократы, забыв о своих исторических воплях, о необходимости неразрывного единого национального фронта для развертывания пассивного сопротивления против французских оккупантов, теперь снова воспевают политику выполнения. Тот же Квессель пишет осенью 1923 г.:

«Политика выполнения — не социал-демократический каприз, но возложенная на нас мировой совестью нравственная обязанность. Это — конечная причина того, что немецкая борьба за Рур и Рейн нигде не находила полной симпатии народных масс. Будущее Германии требует радикального разрыва со всей рурской ложью» («*Socialistische Monatshefte*» № 9, стр. 529, Quessel — «*Die Wahrheit über den Ruhrkrieg*»).

Можно сказать со всей определенностью, что без помощи социал-демократии германской буржуазии было бы так же невозможно ликвидировать рурскую аферу, как и проводить ее в жизнь! Социал-демократия выступает в сентябре с оживленной пропагандой о необходимости капитуляции. Секретарь II интернационала Томас Шоу, выступая в качестве главного маклера, организовал анкетный опрос руководящих кадров социал-демократии в Руре и получил у них согласие на прекращение «пассивного сопротивления» без предварительного очищения Рура от оккупационных войск.

В день капитуляции 26 сентября «Vorwärts» снова на прощанье становится в позу защитника национальной чести Германии и проповедника «моральной силы».

«Историческая борьба на Руре и Рейне между штыками и скрепленными руками решилась в пользу штыков. Насилие празднует победу над моральными силами небооруженной защиты. Трудящиеся народы и все искренние друзья мира во всем мире стоят у могилы большой надежды! Ибо явный, для всех очевидный успех безоружного сопротивления над вооруженным нашествием имел мировое значение и означал наступление нового периода в истории. В тот день, когда будет прекращено пассивное сопротивление без достижения цели, триумф французского милитаризма засияет ярким светом. Но в Европе станет темнее».

Отходная, приличествующая моменту, спета, обрядность соблюдена! На очереди новые «большие дела» социал-демократии: помочь германской буржуазии использовать и поражение революционного пролетариата и капитуляцию перед Францией для безудержного наступления на рабочий класс!

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КАК ОРУДИЕ БУРЖУАЗКИ В ЕЕ НАСТУПЛЕНИИ на РАБОЧИЙ КЛАСС

Выше мы видели, как своей предательской политикой в революции 1923 г. социал-демократия обезоружила пролетариат и предала его на милость буржуазии; мы видели, какую активную деятельность развила германская социал-демократия для спасения капитализма от грозящей ему опасности пролетарской революции.

Столь же неоценимые услуги оказала германская социал-демократия буржуазии в ее наступлении на пролетариат, развернутом в результате поражения революции.

Если весной 1923 г. в разгар оккупации германские капиталисты соперничали с представителями французского империализма в заигрывании с германскими рабочими, если во время высшего подъема революционной борьбы германская буржуазия в панике перед непосредственной угрозой революции шла на некоторые мнимые уступки в отношении рабочего класса, то после первых же крупных поражений пролетариата буржуазия перешла в бешеное наступление против него по всему фронту. Преследования революционных рабочих и коммунистической партии, издание ряда чрезвычайных декретов, наконец дикий наскок на жизненный уровень рабочего класса составляли одну сплошную цепь наступления капитала.

Одним из непосредственных результатов поражения пролетариата было наступление промышленников на 8-часовой рабочий день. Последний являлся завоеванием германского пролетариата, вырванным в революционных боях 1918—1919 гг.

Этот факт стараются замазать и извратить реформистские лидеры ВОГП. Так председатель ВОГП Лейпарт заявлял в специальной политической комиссии Имперского совета народного хозяйства, что 8-часовой рабочий день достигнут путем «добровольного соглашения». Соглашение это действительно имело место, но не как соглашение рабочих и предпринимателей, а как соглашение между предпринимателями и реформистскими

предателями, которые рассматривали введение 8-часового рабочего дня как метод борьбы за преодоление революционного подъема и за спасение капитализма; но надо сказать со всей определенностью, что без огромного нажима снизу, без революционной борьбы рабочего класса германская буржуазия и вожди реформистских профсоюзов не пошли бы на эту вынужденную меру!

В противовес разговорам Лейпарта о введении 8-часового дня путем «добровольного соглашения» управителями союза германских железопромышленников в своем докладе в Эссене со всей ясностью подчеркнул, что обстановка, в которой рабочие Германии добились этой уступки, была такова: перед промышленниками стоял вопрос о том, «как спасти промышленность и каким образом оградить предпринимателей от грозящей всем отраслям промышленности социализации, огосударствления и приближающейся революции» (цит. по Гаммеру, «Красный интернационал профсоюзов» № 1, стр. 57).

Уже в 1921 г. буржуазия пыталась свести на-нет это завоеванное пролетариата, издав проект нового закона о рабочем времени, но встретила упорное сопротивление рабочего класса. 9 ноября 1922 г. в своем выступлении в Имперском совете Стиннес так формулировал свою экономическую программу:

«Немецкому народу придется в течение 10—15 лет обрабатывать по крайней мере по 2 часа в день, чтобы поднять производство на такую высоту, которая дала бы ему возможность существовать и еще кое-что откладывать для выплаты репараций».

А его собрат по классу Гиссен незадолго до этого, 14 октября, активировал рейхсканцлера Вирта в специальном письме к нему:

«Нам, при нашей крайней нужде в интенсивной работе, необходимо без дальнейших колебаний немедленно же возвратиться к прежнему рабочему времени. Осуществить это должно правительство, ибо только оно имеет в своем распоряжении необходимые для этого средства» (цит. по Гаммеру, «Красный интернационал профсоюзов» № 1, стр. 58). В связи с оккупацией Рура эти наскоки на завоеванный пролетариатом в революции 8-часовой рабочий день несколько затихли. Впрочем в числе своих требований, предъявленных правительству уже 25 мая 1923 г., германский Союз горнопромышленников выставил требование издания нового закона о рабочем дне, а также «дальнейшего освобождения хозяйства от непродуктивных тягот» (читай: от социального страхования и т. д.). Без выполнения этих и ряда других подобных им требований промышленники отказывались дать государству материальные гарантии репарационных платежей.

Теперь осенью 1923 г. на основе крупнейших поражений германского пролетариата настал благоприятный момент для развернутого наступления капитала на 8-часовой рабочий день и на ряд других завоеваний пролетариата. Уже в первом своем выступлении в рейхстаге Штресман заявил, что ставки мирного времени для германских рабочих недопустимы, так как они повредили бы германскому народному хозяйству на мировом рынке.

Главным аргументом предпринимателей в их наступлении на жизненный уровень германского пролетариата был следующий: Германия раздирается тяжелым хозяйственным кризисом. Рурская оккупация и вызванная ею политика пассивного сопротивления привели к вынужденной приостановке производства на важнейших его участках. Тот, кто думает разрешить вопрос обложением имущих классов, глубоко ошибается. Выход только в интенсивнейшей работе «всего германского народа». Они опускали в этой «убедительнейшей» аргументации только ту одну небольшую деталь, что разделение труда в этой «работе по восстановлению Германии» будет попрежнему заключаться лишь в том, что германские рабочие будут работать за голодную зарплату, а германские капиталисты будут

энергичнейшим образом накоплять обильные прибыли за счет пролетариата!

В своем походе на 8-часовой рабочий день предприниматели находили себе соратников в лице социал-демократии.

Последняя лишь симулировала «борьбу» против наступления капитала на элементарнейшие завоевания германского пролетариата. Реформистские лидеры профсоюзов вступили в переговоры с промышленниками по вопросу о введении сверхурочных работ и удлинении смен в интересах поднятия производительности труда. В своей пропаганде среди рабочих социал-демократия призывала их думать в первую голову не о своих классовых задачах, а о нуждах демократического (!!) государства и всего германского народа.

Приведем яркий образчик этих мудрых рецептов, прописываемых одним из социал-демократических лекарей капитализма и «*Socialistische Monatshefte*».

«Класс сам является лишь частью общества, и по мере того, как он приобретает влияние на целое, он должен считаться с потребностями этого целого»... «Близорукая политика борьбы за собственные интересы, в которой мы часто упрекаем капиталистов, должна быть избегнута пролетариатом. Многие стачки после ноября 1918 г. были результатом пренебрежения этой высшей точкой зрения и даже вредили классовым интересам рабочих тем озлоблением, которое они вызывали.

Также недемократично из столь быстро достигнутого 8-часового рабочего дня делать абсолютный принцип, перед которым должны смолкнуть во имя классовых интересов все другие соображения» («*Socialistische Monatshefte*» № 7 за 1923 г., *Conrad Schmidt* — «*Entwicklung und Programm*», S. 18).

Так с.-д. расчищала путь для капиталистического наступления на элементарные права рабочего класса.

Подобно самим предпринимателям социал-демократия энергично пропагандировала осенью 1923 г. «повышение производительности» труда как важнейший метод для выхода из хозяйственного тупика. Председатель ВОГП декларирует в своей статье в «*Vorgwärts*» от 7 октября:

«Профсоюзы за самое интенсивное увеличение продукции, так как признают, что оно является важной предпосылкой для спасения народа».

Между тем настроение представителей тяжелой индустрии становилось все более агрессивным и нетерпеливым: они считали, что если в августе правительство Штреземана—Гильфердинга было на месте, то теперь оно уже сослужило свою службу, выполнив миссию подавления революционных рабочих и проведения в жизнь капитуляции, и должно уступить место правительству, более непосредственно представляющему тяжелую индустрию Германии. Особенно убедили в этом крупных промышленников постигшие их в начале октября крупные неудачи в связи с переговорами с французскими оккупационными властями и с требованиями, предъявленными ими правительству Штреземана.

Промышленники обратились к германскому правительству с рядом требований, а именно: возместить промышленникам реквизированный и взимавшийся в виде принудительных налогов во время оккупации уголь и устранить угольный налог на Рур; уполномочить комиссию промышленников вести непосредственные переговоры с оккупационными властями; удлинить рабочее время до 10 часов и уничтожить ряд постановлений, регулирующих социальное обеспечение. Для подкрепления всех этих требований Стиннес заявил 9 октября:

«Германия находится в острой жизненной опасности, речь идет о жизни и смерти большей части германского народа. Здесь эксперименты неуместны» («*Spethmann*, «*Zwölf Jahre...*», стр. 183).

В ответ на эти требования крупных промышленников со стороны правительства последовал отказ в финансировании угольных поставок: что касается вопроса о рабочем дне, то им было заявлено, что этот вопрос нужно решить в общегосударственном масштабе и что меры в этом отношении принимаются. Социал-демократия инсценировала политику некоторой оппозиции промышленникам в их чрезмерных требованиях, так как для нее было совершенно ясно, что пойти беспрекословно на увеличение рабочего дня означало бы подорвать свой авторитет в глазах рабочего класса и отрезать себе тем самым всякий путь к дальнейшему маневрированию в столь революционной обстановке.

Наступление капитала нашло себе выражение не только в бешеном наскоке на элементарные завоевания рабочего класса, но и в непосредственном нажиме на правительство с требованием введения в него немецких националистов. Политика кабинета Штреземана—Гильфердинга явно не удовлетворяла представителей крупной индустрии, они требовали пересмотра ряда решений, на которые буржуазия пошла в августе под влиянием «панники», и прежде всего пересмотра закона о налогах, далее они требовали более интенсивного наступления на пролетариат. Вызванный ими правительственный кризис начала октября привел к образованию правительства Штреземана, но и оно не могло удовлетворить германских трестовиков. Они все более тяготились правительством большой коалиции и услугами «своей» социал-демократии. Однако в октябре момент для отстранения от власти социал-демократов не был еще подходящим. Развертывались бурные события (Саксония, Гамбург и т. д.), и социал-демократии предстояло сыграть в этих событиях роль главного защитника капиталистических устоев, роль палача германских рабочих. Когда же эта роль была успешно сыграна, и социал-демократия в достаточной мере обезоружила революционный пролетариат и укрепила силы буржуазии, последняя стала добиваться смены правительства большой коалиции правительством еще более решительного и неприкрытого наступления на рабочий класс. В ноябре все с большей силой слышатся нападки со стороны представителей тяжелой индустрии на правительство большой коалиции и на социал-демократию. 5 ноября мы читаем в статье руководителя союза тяжелой промышленности в «Саксонской рабочей газете» достаточно откровенный призыв к удалению социал-демократов из правительства.

«Сейчас настал момент, когда необходимо разбить социал-демократию всеми средствами. Мы сейчас не можем сделать ничего лучшего, как дать пинок фракции рейхстага объединенной с.-д. партии. Объединенная с.-д. партия сыграла свою роль в германском хозяйстве. Сейчас мы можем прекрасно отказаться даже от косвенного сотрудничества с социал-демократией».

Буржуазия использовала социал-демократию в той мере, в какой это было необходимо для спасения своего господства, а теперь искала путей к тому, чтобы избавиться от нее. Но и социал-демократия против выхода из правительства особенно не возражала, так как теперь на основе бешеного наступления капитала ей выгоднее было перейти в роль оппозиции, притворно возмущающейся против наступления ею же укрепленной буржуазной реакции. 25 ноября социал-демократия вышла из правительства, и было образовано правительство Маркса.

Буржуазия чувствовала себя теперь на основе поражения германской революции господином положения: на рабочий класс сыпались с новой силой преследования; коммунистическая партия была поставлена вне закона, и тысячи членов партии подвергались тяжелым репрессиям.

Нападение капиталистов на элементарные права рабочего класса приобрело чрезвычайную остроту. Особенно усилился нажим рурских горнопромышленных магнатов на своих рабочих после договора о поставках, заключенного 26 ноября 1923 г. с «Межсоюзнической комиссией» (*Misum*). В этот же день дюссельдорфский орган Народной партии заявил, что вы-

полнение этого соглашения немыслимо без введения довоенного рабочего времени и сокращения «лишних» 30 проц. рабочих. 30 ноября представители профсоюза горнорабочих дали свое согласие на увеличение рабочего дня: рабочие были выданы с головой на волю предпринимателей! Так как в своем наступлении на рабочий класс предприниматели встретили сильный отпор с его стороны, начались массовое закрытие предприятий и расчет рабочих и служащих с целью вынудить их к уступкам. 1 декабря рурские горнопромышленники объявили расчет всем рабочим и служащим, причем им было заявлено, что обратно будет принято лишь 70 проц., а 30 проц. должно перебраться в неоккупированную Германию и «заняться сельским хозяйством».

Это широко развернутое наступление капитала на рабочий класс нашло себе особенно благоприятную почву после принятия 5 декабря закона о чрезвычайных полномочиях. Уже не участвуя в исполнительной власти, социал-демократы оказали правительству Маркса помощь в проведении этого чрезвычайного закона; он был принят голосами социал-демократов, Немецкой народной партии, демократов и центра.

Позже, предаваясь воспоминаниям о своих делах в 1923 г., на партийтаге в 1924 г. социал-демократы оправдывали свое содействие правительству в проведении чрезвычайных законов тем, что если бы они этого содействия не оказали, практически это рабочим не помогло бы, так как правительство могло бы все равно всего добиться при помощи § 48!

«Только что достигнутые успехи в стабилизации валюты были бы под угрозой в случае роспуска рейхстага, так как рентная марка являлась чрезвычайно нежным растением» (*«Protokollen des s.-d. Parteitagcs 1924»*, стр. 90).

Больше того, с.-д. Мюллер даже решается в своем выступлении на партийтаге в совершенно откровенной форме оправдать необходимость введения чрезвычайных законов.

«Демократия и осадное положение не являются абсолютными противоположностями... В тяжелые времена римской республики, несмотря на демократию, не колебались перед предоставлением консулам особых прав» (там же, стр. 91).

Нужно ли удивляться тому, что чрезвычайные законы в зиму 1923—24 г. нашли достаточно активную поддержку у социал-демократии?

Теперь путь для дальнейшего развертывания капиталистического наступления и разрешения вопроса о рабочем времени в интересах предпринимателей был расчищен социал-демократией достаточно радикально. 22 декабря на основании закона о чрезвычайных полномочиях было принято постановление, которое давало предпринимателю право изменять рабочее время путем тарифных соглашений и даже доводить рабочий день 30 раз в году до 12 часов. Удар по насущнейшему праву рабочего класса, завоеванному им вопреки социал-демократии в революционных боях 1918—1919 гг., был нанесен при помощи этого верного рыцаря буржуазии. В своем воззвании в январе 1924 г. Исполбюро Профинтерна квалифицировало отмену 8-часового рабочего дня, как проявление наступления капитала на основные права рабочего класса, развернувшегося благодаря позорному поведению профсоюзной бюрократии и социал-демократии и всемирному содействию, оказываемому ими буржуазии в этом наступлении.

В результате всей политики социал-демократии и профсоюзных реформистов в Германии началось массовое бегство рабочих из реформистских профсоюзов; если в конце 1922 г. свободные профсоюзы включали больше 9 млн. членов, то в марте 1923 г. число их членов составляло 7.685 тыс., в июне—7.678 тыс., в сентябре—7.431 тыс., а к концу года — 4 млн. членов; таким образом за год число членов в свободных профсою-

зах упало на 5 млн., т. е. почти на 56 проц. общей своей численности. Эти данные выступают во всей своей обнаженности, если вспомнить, что это общие цифры, а по отдельным организациям, где реформистские профбюрократы себя дискредитировали особенно сильно, выход из профсоюзов становился прямо-таки повальным: так, союз металлистов потерял в 1923 г. больше 60 проц. членов; берлинский же его отдел потерял с июня по декабрь 1923 г. до 80 проц. своих членов (с 168 тыс. до 32 тыс.).

Действуя в непосредственных интересах наступающего капитала, реформистское руководство профсоюзов повело жестокую борьбу против революционной оппозиции: в январе 1924 г. ЦК ВОГП постановил исключить как целые организации, так и отдельных членов, стоящих на почве решений Веймарской конференции революционной профопозиции.

Политика социал-демократии в революции 1923 г. и ее содействие наступлению капитала, развернувшемуся после поражения революции, делали процесс дискредитации ее в глазах рабочего класса еще более быстрым и интенсивным. Этот процесс нашел свое выражение в том, что вожди социал-демократии были остро ненавистны рабочему классу: так, на берлинском съезде социал-демократии, созванном в конце 1924 г., поступил ряд предложений об исключении Эберта как лица, способствовавшего своей политикой изданию чрезвычайных законов; но руководивший съездом с.-д. Вельс заявил в ответ, что съезд не имеет для этого достаточных полномочий. Характерно, что «Форвертс», помещая заметку об этом берлинском съезде, берет Эберта под свою защиту.

«Мы желали бы, чтобы все функционеры, которые приняли это постановление, сначала приобрели все те заслуги, которые имеет перед партией Эберт благодаря своей многолетней самоотверженной деятельности» («Vorwärts» от 31/X 1923 г.).

Еще до этого, 20 ноября 1923 г., Эберт был исключен из членов союза седельщиков за нарушение § 2 устава союза, который гласит следующее:

«Союз имеет целью защиту духовных и материальных интересов своих членов путем объединения в боевую организацию, стремящуюся к осуществлению социализма». «Член союза Эберт противопоставил себя цели осуществления социализма путем издания закона о чрезвычайных полномочиях и путем подписания приказа о вступлении армии в пролетарскую Саксонию».

Сильнейший упадок влияния социал-демократии в результате ее политики в революции 1923 г. сказался и в потере ею голосов на выборах в рейхстаг веской 1924 г., где она получила на 5 млн. голосов меньше, чем на предыдущих выборах (6 млн. против 11 млн.), в то время как компартия значительно увеличила количество своих мест.

Вельс, делая невинный вид, как бы и не подозревая о «подвигах» своей партии в 1923 г. и о вызванной ими дискредитации ее в глазах широких масс, объясняет неудачу в выборах мая 1924 г. очередным наступлением реакции, «унадом волны». «Как в море, в политической жизни народов и партий есть взлеты и падения. Волна 4 мая бросила нас вниз, но ближайшее время поднимает нас снова» («Protokollen des s.-d. Parteitag», 1924 г., стр. 127).

Социал-демократия должна была употребить чрезвычайно большие усилия для того, чтобы постепенно привести в некоторое «равновесие» свою организацию и чтобы заставить часть рабочих хотя бы на время снова забыть сыгранную ею на всем протяжении подготовки и развертывания революционных боев 1923 г. отвратительную роль лакея буржуазии.

Для этого ей понадобились годы игры в оппозицию и левых маневров, искусно комбинируемых с методами насилия над революционными рабочими, с методами кровавого подавления их революционных выступлений, с методами беспощадной борьбы против их организаций. Но полностью оправиться после своей предательской деятельности в 1923 г. социал-демократия уже не смогла. Вся линия развития германской социал-демократии после 1923 г. свидетельствует о все нарастающем процессе падения ее влияния на рабочие массы.

У сознательных германских пролетариев память о «подвигах» социал-демократии остается достаточно отчетливой и послужит им важным уроком в предстоящих боях за диктатуру пролетариата.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1923 И РОЛЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Революция 1923 г. завершилась тяжелым поражением пролетариата. Это поражение было тем серьезнее, что германский пролетариат вынужден был отступить, не использовав занятых позиций, не развернув решающих боев, благодаря чему буржуазия получила возможность оправиться и нанести рабочему классу ряд тяжелых ударов.

Каковы причины этого поражения пролетариата? Можно ли считать, что оно было неизбежным благодаря отсутствию якобы важнейших предпосылок для успеха? Именно так ставили вопрос правые в КПГ, желая тем самым оправдать взятую ими оппортунистическую линию в деле руководства развертывающейся революцией. Эта антиленинская линия брауншвейгского руководства сыграла огромную роль в поражении рабочего класса Германии в 1923 году.

«Октябрьское поражение германского пролетариата. — заявляет Тальгеймер, — покоится не на «ошибках» компартии, а на имевшемся к этому моменту соотношении сил в рабочем классе» и сводится к тому факту, что «большая часть пролетариата уже не имела желания защищать ноябрьскую демократию от фашизма и еще не готова была бороться за пролетарскую диктатуру» (цитирую по Мстиславскому, «Классовая война», стр. 219).

Эта оппортунистическая точка зрения совершенно неверна, она в корне расходится с действительностью. Основные предпосылки революционной победы в 1923 г. были налицо: тяжелый хозяйственный кризис, глубочайшее разложение в рядах буржуазии и ее главной опоры — социал-демократии, тяжелое положение пролетариата и широких слоев трудящихся, придавленных растущей эксплуатацией германских капиталистов и гнетом французского империализма, оккупировавшего важнейшие в экономическом отношении области Германии, нарастание и все больший подъем революционной волны, переходящей в непосредственно развертывавшийся революционный кризис.

Пролетариат Германии хотел бороться с капиталистической системой: весь ход нарастания революционного кризиса говорит об этом с достаточной ясностью. Но для успешной борьбы против капитализма он должен был быть возглавлен закаленной в борьбе большевизированной коммунистической партией.

Между тем как раз в этом отношении в первый период послевоенного кризиса капитализма в важнейших западноевропейских странах, в том числе и в Германии, дело обстояло далеко неблагоприятно.

В своем «Письме к немецким коммунистам» в августе 1921 года В. И. Ленин писал: «Наши партии еще в громадном большинстве стран далеко, далеко не таковы, каковыми должны быть настоящие коммунистические партии, настоящие авангарды действительно революционного и единственно революционного класса!» (Ленин, т. XXVI, стр. 493).

Тов. Сталин указал на причины отставания субъективного фактора в революционной борьбе первого периода послевоенного развития:

«Компартии на Западе развиваются в своеобразных условиях. Во-первых, они неоднородны по составу, ибо они образовались из бывших с.-д., прошедших старую школу, и из молодых членов партии, не имеющих еще достаточно революционного закала. Во-вторых, кадры там не чисто большевистские, ибо на ответственных постах стоят выходцы из других партий, не успевшие еще порвать окончательно с социал-демократическими пережитками» (Сталин, «Основные черты международного положения»).

Все это в большой степени относилось и к германской компартии. КПГ была еще чрезвычайно молода, в ней были еще очень сильны пережитки леворадикализма, социал-демократизма. Организационно она еще далеко не была перестроена на большевистских началах; во главе компартии стояло правооппортунистическое брандлеровское руководство¹.

Все это привело к тому, что, несмотря на стремление рабочего класса к решительной борьбе против капитализма, несмотря на стремление к борьбе у германских коммунистов, партия не сумела возглавить рабочий класс в той сложнейшей обстановке, в которой развивалась революция 1923 г., что и обусловило наряду с контрреволюционной ролью социал-демократии поражение германского пролетариата.

Германской компартии противостояла сильная еще социал-демократия, несмотря на быстрый процесс своего разложения пользовавшаяся еще значительным влиянием среди рабочих и усиливавшая это влияние благодаря своей способности к маневрированию.

Как уже было показано выше, крупнейшей политической ошибкой правооппортунистического брандлеровского руководства КПГ было соглашательское отношение его к социал-демократии, в ее правой и «левой» разновидностях, неправильная оценка взаимоотношений социал-демократии и фашизма и вытекающая отсюда тактическая линия правых в отношении социал-демократии.

Правые идеализировали социал-демократию, недооценивали буржуазной ее сущности, не замечали тысячи нитей, связывавших ее с фашизирующей буржуазией, в частности с откровенно фашистским ее лагерем, наиболее резко осуществлявшим стремление буржуазии к организации буржуазной диктатуры в неприкрытой ее форме.

Правые не видели того процесса фашизации, которому подвергалась изнутри сама социал-демократия, и потому противопоставляли социал-демократию и фашизм, говоря о том, что «социал-демократия побеждена фашизмом» в боях 1923 г., что логически означало призыв к сотрудничеству компартии с социал-демократией.

V конгресс Коминтерна отметил в своих резолюциях, что:

«...исторически ошибочно говорить о «победе фашизма над социал-демократией»: фашизм и соц.-демократия (поскольку дело идет о руководящих слоях того и другого)—это правая и левая фракция современного капитализма» (резолюции V конгресса, стр. 36).

Фашизму незачем было побеждать социал-демократию, ибо она делала лишь несколько другими методами общее с ним дело! Социал-демократия на деле не вела и не могла, будучи «близнецом» фашизма, ве-

¹ Пройдя ряд этапов, брандлеровцы скатились впоследствии в лагерь социал-фашизма, в лагерь II интернационала. В своем «Открытом письме» в декабре 1928 года ИККИ так характеризовал этот позорный путь:

«Образование новой оппортунистической партии внутри компартии, раскол компартии и концентрация правых из компартии с левыми социал-демократами, блок этой оппортунистической концентрации с социал-демократической партией — таковы три основных этапа на пути от Коммунистического интернационала ко II интернационалу, — путь, на который сползают развалявшиеся главы правой фракции».

сти борьбу против фашистской опасности, а лишь симулировала видимость борьбы против фашизма.

«Нет основания предположить, что боевая организация буржуазии (фашизм) может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или в управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы».

Эту характеристику, данную т. Сталиным взаимоотношениям между социал-демократией и фашизмом, со всей наглядностью иллюстрирует расстановка классовых сил в 1923 г.

Дальнейшее развитие социал-демократии шло чрезвычайно интенсивно в направлении ее фашизации, по пути превращения ее в социал-фашизм. Это не исключало, а как раз способствовало развитию массовых фашистских организаций, в частности росту гитлеровской партии (национал-социалистов) и ее штурмовых отрядов. Своей политикой «меньшего зла» социал-фашизм сумел чрезвычайно укрепить фашистские организации в Германии и привести к организации одной из форм фашистской диктатуры в этой стране.

Социал-фашисты помогли фашизму одержать ряд крупных побед в Германии, употребив все усилия для противодействия борьбе германского пролетариата против фашистской диктатуры, призывая рабочих к «благоразумию» и к «строжайшей дисциплине» (читай: к пассивному подчинению наступающему фашизму!).

Чрезвычайно активную роль социал-фашизма как главной социальной опоры буржуазии признают даже наиболее прямолинейные идеологи капиталистов.

В своей статье в «Deutsche allgemeine Zeitung» Клейн заявляет:

«Социал-демократия является главной консервативной партией республики. Она представляет тот другой крупный фактор (кроме национал-социалистов), пользу которого для государства надо понимать».

Этот факт надо использовать для разрешения хозяйственного кризиса¹.

Развитие буржуазной Германии в послевоенную эпоху показало со всей яркостью, что буржуазно-демократическое парламентское государство как прикрытая форма буржуазной диктатуры по мере обострения классовой борьбы, по мере назревания революционной опасности видоизменяется в сторону открытой формы буржуазной диктатуры, в сторону фашизма.

В 1923 г. этот процесс происходил уже с достаточной интенсивностью: германский фашизм в обстановке чрезвычайно острых классовых противоречий, в обстановке нарастающего революционного кризиса быстро усиливался и активизировался. В интересах буржуазии и своих собственных интересах социал-демократия уже и тогда, всячески восхваляя «ноябрьскую» парламентскую республику, прикрывала этот процесс фашизации буржуазного государства. В обстановке наступления капитала, развернувшегося после поражения германского пролетариата в 1923 г. германские социал-демократы не стеснялись на партийном съезде, проходившем весной 1924 г., восхвалять высокие достоинства буржуазной демократии.

В своем выступлении на этом партийном съезде Мюллер уверял, что «парламент играет сейчас другую роль, чем до войны и революции. Тогда это был дискуссионный клуб. Теперь рейхстаг может сделать все, что хочет» (*Protokollen...*, стр. 80). Мы видим таким образом, что социал-де

¹ Цитирую по статье Радека «Гитлер». «Известия», январь 1932 г.

мократы не стеснялись расхваливать прелесть буржуазной демократии и всемогущество рейхстага в обстановке развернутого наступления буржуазии, обрушившейся зимой 1923/24 г. градом чрезвычайных законов против рабочих.

Чрезвычайно характерна оценка, какая дается социал-демократией событиям 1923 г. и своей роли в них. Прежде всего, делая политический доклад на партийтаге, Вельс строит хорошую мину при плохой игре и делает вид, что вообще в 1923 г. ничего особенного не случилось, что единственным важным событием, о котором стоит поговорить, является рурская оккупация. Но в прениях замолчать позорные для социал-демократии итоги 1923 г. конечно было невозможно: посыпались пререкания между правыми и «левыми» социал-демократами, и разложение социал-демократии выявилось во всей его глубине. Характерно, что здесь руководство объединенной социал-демократии уже начинает грозно прикрикивать на «левых», выступления «лидеров» звучат в тонах: «Побузили, когда это было нужно, а теперь хватит, успокойтесь до того момента, когда снова возникнет необходимость в левых маневрах!»

В своем заключительном слове Вельс жалуется, что «партийное правление за полтора года после объединения подверглось в своем собственном лагере гораздо большим оскорблениям, чем со стороны коммунистов», и с нотками угрозы заявляет: «Мы усматриваем в бесконечных трениях не что иное, как следование коммунистическому паролю — бороться против вождей других направлений» (*Protokollen...*, стр. 126). Но несмотря на все эти горькие обоюдные попреки, общий язык был все же найден, — разногласия ограничились небольшими семейными сценами.

Давая оценку положения и роли социал-демократии в период наступления капитала, развернувшегося после революции 1923 г., Криспин изображает социал-демократию не в качестве активной силы, расчищавшей путь этому наступлению, не в роли активной партии буржуазии, а как пассивную жертву буржуазной реакции.

Он заявляет, что если осенью 1923 г. социал-демократия «находилась в состоянии отступления перед наступающей реакцией», то теперь, весной 1924 г., отступление это уже закончено и она переходит сама в новое наступление. Криспин явно стремился представить социал-демократию партией, еще более или менее близкой рабочему классу и страдающей вместе с ним от наступления «реакции». Но позорная роль германской социал-демократии во всех ее разновидностях в деле проведения в жизнь наступления капитала (которое и олицетворяло ту «реакцию», о которой так охотно распространяется социал-демократия!) была еще слишком свежа в памяти международного рабочего класса для того, чтобы эти экивоки могли обмануть кого-нибудь.

Выше уже было отмечено, как велика была степень дискредитации социал-демократии в глазах германского пролетариата, потерпевшего поражение в революции в большой мере по ее милости. Но рабочему классу пришлось еще не раз стать жертвой социал-демократии, применявшей и продолжающей до настоящего времени комбинировать методы прямого насилия над революционными рабочими с методами левых маневров и «тонкого» обмана их.

В 1923 г. социал-демократия свою роль выполнила полностью и до конца: она помогла буржуазии еще на некоторое время отсрочить гибель капиталистического строя в одном из слабейших звеньев мирового капитализма; она помогла германской буржуазии достигнуть временной, частичной стабилизации капитализма. она не разрешила проблемы преодоления общего кризиса капитализма: глубокие противоречия продол-

жали терзать капиталистический мир и в период частичной стабилизации; в третий же период послевоенного общего кризиса капитализма разразившийся на его базе современный экономический кризис и вызванный им растущий экономический развал и процесс огромного обострения всех противоречий капитализма привели к концу частичную стабилизацию.

XII пленум ИККИ установил, что «наступил конец относительной стабилизации капитализма».

Подводя итоги нашему рассмотрению роли социал-демократии в революции 1923 г., отметим следующее:

1) Несмотря на острый конфликт между французским и германским империализмом, приведший к оккупации, противоречия между ними отступили на задний план перед лицом классовых противоречий — противоречий между трудом и капиталом. Перед лицом нарастающего в Германии революционного под'ема германская буржуазия пошла на соглашение с французским империализмом.

2) Германская социал-демократия приложила все усилия к тому, чтобы добиться этого соглашения, так как это было безусловно необходимой предпосылкой спасения германской буржуазии от нарастающего революционного под'ема. В 1923 г. снова, как и в 1918—1919 гг., социал-демократия сыграла роль «спасителя» капитализма от развертывавшейся пролетарской революции. Особенно позорную, предательскую роль сыграла «левая» социал-демократия. VI пленум Коминтерна подчеркнул, что «левые социал-демократические вожди являются опаснейшими врагами коммунизма и диктатуры пролетариата».

3) Германская социал-демократия сделала в 1923 г. большой шаг по пути фашизации, прямо и косвенно помогая росту фашизма, и уж тогда подготовляла почву для будущих успехов фашизма, для превращения фашистских массовых организаций во вторую социальную опору буржуазии. Но «социал-демократия — и в этом ее основная историческая миссия — была, является и остается главным орудием буржуазии в деле раскола рабочего класса, т. е. главной социальной опорой буржуазии» («Большевик» № 13, стр. 9).

4) Стоявшее во главе коммунистической партии правооппортунистическое брандлериапское руководство в своей политике вообще, в решающие дни революции 1923 г. в особенности, сомкнулось с социал-демократической политикой и привело партию и рабочий класс к поражению. Этому способствовало также и то обстоятельство, что молодая германская коммунистическая партия не была еще в достаточной мере массовой и большевизированной партией, что в ней еще сохранялись пережитки люксембургизма.

Социал-демократия оказалась в 1923 г. в состоянии использовать все свои силы, все свое влияние на рабочий класс (немалую помощь оказали ей в этом правооппортунистические элементы КПГ в лице брандлериапцев) для нанесения тяжелого поражения рабочему классу Германии. Но пролетариат оправился от этих поражений, компартия Германии выросла и окрепла на основе решительной борьбы за большевизацию своих рядов, какую она провела под руководством Коминтерна. Революционные бои германского пролетариата в период 1918—1923 гг. являются чрезвычайно важным периодом в истории борьбы его за диктатуру пролетариата; поражения в этих боях были тяжкими поражениями, но они не были исто-

рически решающими боями, а поражение в них не было исторически решающим поражением германского пролетариата!

Оценивая роль революционных боев и ряда тяжелых поражений пролетариата в первый период послевоенного кризиса капитализма, т. Сталин пишет:

«Неверно, что решающие бои были уже, что пролетариат был разбит в этих боях, что буржуазная власть в виду этого упрочилась. Решающих боев не было еще, хотя бы потому, что не было массовых, действительно большевистских партий, способных привести пролетариат к диктатуре. Без таких партий решающие бои за диктатуру в условиях империализма невозможны. Решающие бои на Западе еще предстоят» (Сталин, «Основные черты международного положения»).

И далее, в своей беседе с рабочими делегациями в 1927 г. т. Сталин подчеркнул со всей ясностью: «Тот факт, что капиталистам может удастся загнать в берега первую волну революционной вспышки, — этот факт ни в какой степени не может служить утешением для капитализма. Революция против капитализма не может двигаться одной общей сплошной волной. Она нарастает всегда в порядке приливов и отливов. Так было в России. Так будет в Европе.

Мы стоим перед новыми революционными событиями».

Этот прогноз целиком оправдался. В третий период послевоенной эпохи, с обострением всех противоречий империализма, началось быстрое нарастание революционной активности пролетариата и широких масс трудящихся. На современном этапе в условиях «ускоренного нарастания предпосылок революционного кризиса» германский пролетариат, руководимый коммунистической партией, стоит перед задачей развертывания решающих боев за диктатуру пролетариата.

Подъем революционной борьбы пролетариата в обстановке тяжелого хозяйственного кризиса, в обстановке уже установившейся фашистской диктатуры требует от германской коммунистической партии, которая должна быть подлинным руководителем и организатором пролетариата в этих боях, непримиримой борьбы против оппортунистических элементов в своих рядах, борьбы за большевизацию своих рядов. Перед КПГ стоит задача окончательного разоблачения социал-фашизма как главной социальной опоры буржуазии, отвоевания от него идущих еще за ним довольно значительных слоев рабочего класса, которые до сих пор поддаются или могут поддаться в решающий момент на его удочку, задача борьбы за боевой единый фронт пролетариата, задача завоевания большинства рабочего класса в лагерь пролетарской революции, в лагерь коммунизма.

Для разрешения всех этих больших задач изучение опыта прошлых боев рабочего класса за пролетарскую революцию, даже когда эти бои завершались тяжкими поражениями, остро необходимо: изучение тактики классового врага — буржуазии и ее агентур: социал-демократии. должно вооружить рабочий класс для будущих боев. В этих боях неизбежно будут применяться, хотя и в новой обстановке, хотя и в видоизмененной форме, те же методы борьбы против революционных рабочих, борющихся за диктатуру пролетариата, те же методы одурманивания их путем «левых» маневров, те же методы борьбы за их привлечение в лагерь классового врага и отвлечения от революционной борьбы за свержение капитализма. Но теперь, в третий период послевоенного развития, при наличии значительно выросшей и окрепшей коммунистической партии, при все продолжающемся падении влияния социал-демократии на пролетариат и мощном подъеме революционной борьбы рабочего класса, маневрирование это будет для нее значительно труднее, чем в 1923 г. Германский пролетариат учтет опыт своих боев и поражений в 1918—1923 гг. и, возглавленный коммунистической партией Германии, пойдет на решающие победоносные бои за диктатуру пролетариата.

БОРЬБА

32

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

МОЛДАВИИ

Н. НАЦОВ

Пролетарская революция в Молдавии развивалась в чрезвычайно сложных условиях. После Февральской революции здесь сконцентрировалось немало контрреволюционных сил, стремившихся восстановить монархию. Из Бессарабии корниловщина (3-й конный корпус) повела наступление на революционный Петроград. Отсюда позднее были направлены белые воинские части для борьбы против Октябрьской революции.

Но ни бешеное контрреволюционное сопротивление украинской, молдавской и русской буржуазии и кулачества, ни штыки и виселицы австро-германских империалистов, ни карательные отряды гетмана, ни петлюровские погромы, ни дикие зверства банд Заболотного, Тютюника, ни кровавые налеты румынских империалистов не смогли приостановить героической борьбы за установление и укрепление диктатуры пролетариата.

Дооктябрьская Молдавия представляла собою страну помещичьих латифундий и голодных крестьянских наделов, страну острого малоземелья, в которой помещики — князья и графы Гагарины, Абамоликовы, Трубецкие, Сумароковы-Эльстоны, Юсуповы и целый ряд других — владели свыше 40 проц. всей земельной площади нынешней Молдавии. Если сюда прибавить таких крупных кулаков, как Слободнюки, Мардари, Робдеви, Ханенки, Гопнеры и др., а также крупные владения монастырей, то получится, что свыше 50 проц. всех земельных фондов было исключительно в руках крупных помещиков, кулаков и монастырей. Аналогичное положение было и на Правобережьи (Бессарабия), где Крупенские, Мангубеи, Пуришкевичи, Стурдзы и ряд других помещиков, которые в общем составляли $\frac{1}{2}$ проц. населения, располагали такой земельной площадью, какой не имело 2-миллионное население Бессарабии. На долю бедняцко-средняцких хозяйств приходились жалкие остатки земли. Несмотря на весьма благоприятные природные условия, крестьянское хозяйство Молдавии было на весьма низком уровне. Производитель хлеба вынужден был питаться одной мамалыгой.

Промышленность в Молдавии занимала небольшое место. Преобладали раздробленные, мелкие промышленные предприятия сельскохозяйственного значения: мельницы, маслобойки, лесопилки, с небольшим числом рабочих — от 3 до 8 человек. Большие предприятия, как например фабрика сельскохозяйственных машин, известковые разработки и сахарный завод в Рыбнице, считались единицами.

Больше развита была мелкая кустарная промышленность.

Политика колониального и национального угнетения особенно сильно проявилась в Молдавии, в результате чего экономическая и культурная жизнь характеризовалась чрезвычайной отсталостью: почти поголовная неграмотность (84 проц.), религиозный фанатизм, сектантство и т. д. Только чрезвычайным гнетом и забитостью можно объяснить samozакапывание группы фанатиков, которые спасали себя «от нашествия антихриста», т. е. от всероссийской переписи, что имело место в 1897 г. в селе Терновке.

В городах и многочисленных местечках Молдавии, которые благодаря жесткому национальному порабощению представляли собою замкнутое «гетто», жило огромное количество еврейской бедноты. Ютились кустари и мелкие лавочники. Наряду с еврейской беднотой в городах Молдавии имелись и представители крупной торговой буржуазии.

Молдавия, до Октября составлявшая часть порабощенной царским правительством Украины, примыкавшая с другой стороны своими границами к Румынии, со сравнительно слабым по своей численности промышленным пролетариатом, с преобладанием сельскохозяйственного населения, шла к пролетарской революции в исключительно сложных условиях.

Это было использовано представителями мелкобуржуазных националистических партий, выступавшими с лозунгом национально-территориальной автономии и сумевшими на небольшой период времени влиять на некоторую часть крестьянства и интеллигенции Молдавии.

Несмотря на позднее развитие рабочего движения и малочисленность рабочего класса в Молдавии, городской пролетариат сыграл основную роль в развитии революционных событий. Из его рядов вербовались лучшие руководящие кадры партийной подпольной организации, рабочие составляли главное ядро партизанских отрядов, которые позже влились в регулярные части Красной армии. Балтские кожевники, рыбацкие рабочие — сахарники, каменщики, транспортники — принимали активнейшее участие в революционной борьбе. К ним примкнули батраки бывших помещичьих хозяйств.

После Февральского переворота в Молдавии, как и во всей Украине, наряду с органами временного правительства и с представительством Центральной рады, были организованы Советы рабочих депутатов, которые в начале своего существования находились в руках меньшевиков и эсеров. В Балтском совете например в первый период было только 2 большевика: Безносков — пекарь и Бахман — транспортник. Но связь с Одессой, советская и партийная жизнь которой вплотную сопряглась с румынским фронтом, и помощь большевистской фракции «Румчерода» помогают молдавским рабочим и бедноте включиться с весны 1917 г. в жестокую борьбу против объединенных сил контрреволюции.

Начиная с Ананьевского уезда, Молокишской, Писаревской, Крутянской и Мошнягской волостей Балтского уезда, по всему Левобережью и по всем уездам Бессарабии разрушались помещичьи усадьбы, отбирались помещичьи, монастырские, церковные и казенные земли, в том числе и у помещиков — румынских подданных, владевших в Бессарабии огромными поместьями.

Под руководством большевиков молдавские рабочие начинают формироваться в отряды красной гвардии. В декабре 1917 г. партийная организация г. Балты руководит выступлениями рабочих и беднейших крестьян Молдавии против частей Центральной рады — 269-го полка и др. В январе 1918 г. на территории теперешней АМССР организуются военно-революционные комитеты, которые захватывают власть.

НАСТУПЛЕНИЕ РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ

В этот же период (во второй половине января 1918 г.) румынские войска захватывают Бессарабию вплоть до линии Днестра. Эта оккупация сопровождалась неслыханными зверствами, пытками и расстрелами революционеров, боровшихся за пролетарскую революцию.

Революционные массы Бессарабии встретили оккупантов отчаянным сопротивлением. Молдавские красногвардейские отряды вели неравную, но упорную борьбу с оккупантами, отстаивая завоевания Октября.

Карта пунктов боев с румынскими захватчиками в январе—марте 1918 г.

Президиум собравшегося крестьянского с'езда мужественно выразил свой протест против захватчиков, за что был расстрелян румынскими оккупантами. Та же участь постигла и второй президиум с'езда, выступившего с протестом против насильственного захвата Бессарабии.

На путь оккупации Бессарабии румынскую олигархию толкнуло не только империалистическое стремление захватить «лакомый кусок», но в первую очередь успехи победоносно развивавшейся пролетарской революции, которая явно угрожала революцией Румынии.

Перед румынским помещиком снова встал призрак крестьянских восстаний. Националистические партии Румынии и Молдавии путем различных провокаций немало содействовали румынской олигархии в деле захвата Бессарабии. Националисты и агенты сигуранцы собрали «сфатул церий» (по-румынски краевой совет), никем фактически не избранный, а созданный по заданию румынского генштаба, который всячески маскировал подготовлявшуюся румынами оккупацию Бессарабии, чтобы захватить население врасплох. Для проведения оккупации Бессарабии сплотиться

Приказ

коменданта м. Единцы.

Румынские офицеры должны быть приветствуемы населением местечка Единец следующим образом:

Каждый приветствующий должен остановиться на месте, лицом к начальству и быстро, геройски, с улыбкой на лице, снять шапку до самой земли.

Для обучения населения этому и точного приведения в исполнение приказа в час дня моя фуражка коменданта будет прогуливаема на палке по улице, и все обязаны будут ее приветствовать.

Комендант гарнизона м. Единец
капитан ДИМИТРИУ.

Начальник полиции поручик ЕЛИФТЕРЕСКО.

С подлинно верно
За председателя Единецкой волостной
земской управы Г. ВУЛЬПЯ.

За секретаря (подпись).

Печать:

«Единецкое волостное земство».

все контрреволюционные силы молдавской, русской и украинской буржуазии.

Захватив Приднестровье, румынские оккупанты угрожали образовавшейся во второй половине января 1918 г. Одесской советской республике. Для отпора им на территории Одесской республики была сформирована «Особая армия» численностью приблизительно в несколько тысяч человек, и в начале февраля этой армии действительно удалось отбить попытку румынских захватчиков перейти Днестр. Они вновь пытались перейти Днестр в конце февраля, но были успешно отбиты.

Во всех происшедших боях активно участвовали рыбацкие рабочие совместно с приднестровским бедняцким крестьянством. В районе Тирасполя формировались новые части из бессарабцев. Ядром формирования служил большевистски настроенный бывший 5-й конный Заамурский полк.

Контрреволюционное наступление австро-германского империализма и Центральной рады окрылило реакционные силы Молдавии. Они в феврале 1918 г. производят нападение на штаб ревкома и вынуждают ревком временно отступить к Балтскому вокзалу. Объединившись с частями красной гвардии, пришедшими с Вапнярского пути, отряды ревкома снова занимают город. Но в это время австро-германские войска быстро приближались к Балте. Красным частям пришлось отступить, ибо малейшее промедление могло привести к тому, что они оказались бы в замкнутом кольце. Под натиском многочисленных вражеских сил в чрезвычайно тяжелых и неблагоприятных условиях красные отступили к станции Помощной.

БОРЬБА

ПРОТИВ ГЕТМАНЩИНЫ И ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Гетманская реакция на Левобережье Молдавии восстанавливает временно власть бывших помещиков. Главным вдохновителем и проводником гетманского режима на Балтщине становится бывший подольский вице-губернатор фон-Гесдорф. Опираясь на австро-немецкие штыки, гетманские карательные отряды начали восстанавливать «законный порядок».

Карательные отряды, составленные главным образом из помещичьих сынков и офицеров, во главе с Початковским и другими палачами трудящихся, охватив своими бандами все районы Молдавии, расправляются с бедняцким и середняцким крестьянством, возвращают владельцам отнятые у них имения.

Вводится арендная плата на землю, которую крестьяне обязаны были обрабатывать по приказу немецкого командования: у крестьян забирают весь хлеб. Контрреволюции мало экономических репрессий. Вдоль Слободской дороги устанавливаются виселицы. Физическое истребление рабочих и крестьян становится обыкновенным явлением. Родителей убивают на глазах детей, детей запарывают до смерти. Все эти кровавые расправы происходят публично, на многочисленных собраниях крестьян. Тюрьмы переполнены. Гимназии, школы и погреба — все помещения, где можно было содержать арестованных, — переделывались в тюрьмы и наполнялись рабочими и крестьянами.

Реакция была в полном разгаре.

Партийная большевистская организация Левобережья Молдавии — Балтщины — ушла в подполье, а частично эвакуировалась. Но в Балтщину перед австро-германской оккупацией было послано для подпольной работы несколько большевиков, работавших в армии и в крупных пролетарских центрах. Большинство из них, как Дьячишины Иван и Михаил, Сорокатый, Дьяков, матросы — Пашкевич и Баланюк, Нарцов и другие, имело уже некоторый опыт в революционной и подпольной работе.

В Мошнягской и др. волостях организуется «партийная девятка», куда входят перечисленные товарищи и представитель из центра. «Девятка» связывается с украинским партийным центром, находящимся в Москве («Оргбюро»). Для руководства революционным повстанческим движением Балтщины «партийная девятка» выделила из своего состава Военно-революционный комитет, куда вошли Дьячишин, Баланюк, Пашкевич, Нарцов и др. «Девятка» связывается с городами и селами, с подпольными партийными ячейками, повстанками и ревкомом; формируется группа снабжения оружием, которое доставлялось либо за деньги, либо через подпольные ячейки некоторых частей австрийских войск. Большое количество оружия принесли солдаты, возвратившиеся с фронта. Была развернута организационная и агитационно-пропагандистская работа. В июле 1918 г. в Балте снова создается местная подпольная партийная организация, которая через т. Безносова — рабочего шекаря — устанавливает связь с «девяткой». Впоследствии видную роль в подпольной партийной организации

играли также Каракис В. и Мельников, убитый в 1919 г. махновцами. Провозятся целые транспорты литературы: воззвания, брошюры, письма. Кроме того выпускаются воззвания, составленные «партийной девяткой» и напечатанные балтскими рабочими-печатниками. В конце июля 1918 г. на Балтищину приезжает представитель киевского центра с докладом о I съезде КП(б)У.

Работа парторганизации на Балтищине целиком соответствовала основным постановлениям съезда, подчеркнувшим, что стержневым вопросом партийной работы должна быть усиленная подготовка к восстанию.

Революционный подъем бедняцкого крестьянства усиливался изо дня в день. К августу 1918 г. села Балтищины представляли собой революционный вулкан. Невзирая на неслыханные репрессии гетманских карательных отрядов, несмотря на провокацию, беднота и батрачество Балтищины укрывали руководителей подпольных организаций и оружие. Разбойничьи набеги карательных отрядов на Мошнягскую и др. волости, бывшие центры революционно-настроенной крестьянской бедноты, еще больше революционизировали массы. Убийства шпионов и разведчиков германских властей были нередки в молдавских селах. Когда это явление охватило несколько волостей, отряд гетманцев и австро-германских частей выехал в Березовку (центр повстанческого движения), Обжилы, Ефтодия и др. села бывшей Мошнягской волости¹.

Все эти села беспощадно обстреливались из орудий. С утра до поздней ночи жужжали снаряды, неся смерть и опустошение. В этот день множество крестьян было физически уничтожено. 24 сентября 1918 г. в

¹ Рабочие и беднота Березовки под руководством большевиков восстали первыми. Березовка сразу стала центром повстанческого движения. Это станет понятным, если принять во внимание то положение, в каком находилась Березовка перед революцией. Чрезвычайно тяжелые материальные условия, малоземелье, национальный гнет и порабощение — все это революционизировало крестьянские массы. Село это имело пять помещиков (Долинский, Гесдорф, Брицкий, Черкасский, Пасевский) и большую группу мощного местного кулачества. Преобладающее количество земли принадлежало этим помещикам и кулакам. Крестьяне вынуждены были арендовать землю. Пролетаризованное крестьянство целыми группами занималось за бесценок к помещику, а часть безземельного крестьянства уходила в город на производство. Большинство бедноты и батрачества принимало участие в империалистической войне, в революции 1917 г., а после революции вернулось на село, неся с собой революционный опыт и желание покончить с вековым врагом.

Похороны 117 красноармейцев, жертв гетманщины в Одессе

села Балтщины выехал офицерский гетманский карательный отряд. Его приезд совпал с моментом, когда революционные повстанческие организации были в полной боевой готовности, имели оружие и стояли в ожидании приказа выступить. Карательный отряд недалеко от села Обжилы, за 18 верст от Балты, наткнулся на повстанцев, среди которых находился представитель подпольной большевистской организации. Столкнувшись с гетманским отрядом, повстанцы, не растерявшись, заявили, что они расставлены старшиною для встречи карательного отряда. Вместе с отрядом они двинулись в село, где находились повстанческие засады, и фактически заперли карательный отряд в кольцо повстанческих войск.

В селе революционные повстанцы начали бой с отрядом офицеров, который через полчаса панически бежал, оставив третью часть своих людей убитыми. После большого боя у села Мошняги, куда к бежавшему офицерскому отряду подошла помощь со стороны гетманских войск, повстанцы заняли село. Эта победа еще больше объединила массы вокруг большевистского центра. В село Мошняги прибывает свыше 4 тысяч человек, из которых организовывается полк под руководством Ивана Дьячишина. На другой день партизаны пошли в наступление и начали бой за железную дорогу. После трех дней упорного боя гетманцы оставили Балту и отступили к Одессе. За ними по пятам следовали партизанские отряды. Большевистские силы, наступавшие на Одессу, составляли один полк. У наступающих были артиллерия, конница и полковая конная разведка. Следует отметить, что массы партизан еще более революционизировались по мере приближения к Одессе. Из раздробленных партизанских ячеек отдельных сел организовывались под руководством большевиков крупные отряды, охватывавшие целые районы. Героическими усилиями красных партизанских частей Одесса была взята. Гетманские войска частью грузились на пароходы, частью разбегались в разные стороны. Но по ультиматуму французского командования партизанам пришлось отступить до ст. Одесса. На ст. Одесса-Главная партизаны, захватившие предварительно в Одессе оружие, соединившись с боевыми частями одесского пролетариата, вступают в бой с гетманскими войсками.

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

в БОРЬБЕ с ПЕТЛЮРОВЦАМИ и ФРАНЦУЗСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ

После освобождения Украины от германских оккупантов и гетманщины власть временно перешла в руки Директории; на сцену выступает новая реакция — диктатура украинского кулака. В Одессу прибыл представитель правительства Директории, уполномоченный для ликвидации конфликта с французскими оккупантами; вслед за ним прибывает петлюровский генерал Греков, командующий 3-м украинским корпусом и Южным фронтом. Петлюровский генерал немедленно стал осуществлять политику своего правительства. Состоялось соглашение с французскими империалистами, и петлюровское командование начало вербовать в свои части остатки недобитых гетманцев.

Петлюровский генерал на основе достигнутого соглашения с французскими империалистами издал приказ об отступлении всех военных частей сначала до ст. Раздельная, потом на Бирзулу. Повстанцы Молдавии очутились между двух огней: с одной стороны — французо-гетманская контрреволюция, с другой стороны — французо-петлюровские банды.

Штаб партизанских отрядов постановил оставить на ст. Бирзула конный дивизион Киршула, выступавший и раньше против гетманцев, а с остальными пешими частями отступить на Балтщину.

Здесь под руководством большевиков партизанскими отрядами был образован довольно сильный заслон, совершенно не дававший возможности французским интервентам продвигаться от захваченной Одессы к Киеву. Высадившийся в Одессе в декабре 1918 г. десант франко-

греческих войск доходил до ст. Раздельной, а оттуда, захватив Тирасполь, проник в район Молдавии, а затем от Раздельной—в сторону ст. Бирзула. В районе Тирасполя французы действовали совместно с польскими легионами и румынскими отрядами. Французский империализм в борьбе за свержение соввласти на территории Молдавии сумел сколотить разбойничьи банды румынских захватчиков Бессарабии, опасавшихся, что окрепшие советы на Левобережье Днестра будут служить базой для революционного движения угнетенных и поработенных ими рабочих и крестьянских масс, находящихся по ту сторону Днестра. Кроме румынских захватчиков здесь по указке французского командования оперировали также бело-польские отряды совместно с петлюровцами.

«Против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, причем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистической войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа, миллионеры и миллиардеры, знают, что тут решается их судьба, что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас»¹.

В Балте находились части повстанцев, главным образом партизаны сел Мошнягской волости и сел Надднестровья. Петлюровское командование принимает все меры для обезоружения повстанческих частей и подчинения своему влиянию некоторой части партизан в целях распыления их сил. Для этого они предполагали некоторые части расформировать и главным образом обезглавить партизанские отряды, подняв разложившуюся часть партизан против руководства и преследуя большевиков. Партийная большевистская организация красных партизан развернула в тот момент колоссальную подпольную работу по всем частям, готовясь к борьбе с петлюровцами.

Часть разложившихся партизан из кулаков и деклассированных элементов во главе с начальником повстанческой конницы Заболотным, известным бандитом и организатором еврейских погромов, переходит к петлюровцам. Бандит Заболотный и вся его компания некоторое время

¹ Ленин, Полн. собр. соч., т. XXIV, изд. 2-е, стр. 62.

Французские орудия, оставленные Врангелем в Севастополе при эвакуации.

еще остаются в рядах повстанцев с целью разложения последних изнутри.

Петлюровцы начинают осуществлять свою власть в Молдавии. На главные гражданские посты назначаются петлюровцы; комиссаром Балщины становится известный петлюровец Сикорский. Партийная организация большевиков твердо и неуклонно проводит свою линию. Ее представители, выступая на съездах, часто проваливают шовинистические резолюции петлюровцев. В ответ на это Заболотный, комендант города Сорочан, Каминский и др. петлюровские агенты арестовывают и убивают всех подозреваемых в большевизме.

В январе 1918 г. на город нападает отряд сечевиков, вызванный Сикорским. Под руководством большевиков повстанцы организуют отпор контрреволюционным отрядам. Ночью, расставив пулеметы и захватив

Французские оккупанты перед уходом из Одессы

*Приветствие партизан-
ский советский ряд в Ти-
располе*

пункты, имевшие особо важное значение, против врага выступает небольшая группа людей. Тт. Дьячишин и Бойчук, отправившиеся в разведку, встретились с отрядом сечевики, во главе которого шел сам Сикорский, сразу узнавший этих товарищей. В схватке был убит Бойчук и тяжело ранен Дьячишин, который спас свою жизнь только тем, что притворился убитым. Сечевики захватили Михаила Дьячишина, нанеся ему 16 штыковых ран. Одновременно с ним был захвачен и тяжело ранен Степан Сорокатый.

Борьба красных партизан за советскую власть в этот период протекала в условиях необычайного напряжения.

КРАСНЫЕ ПОВСТАНЦЫ в БЕССАРАБИИ

Одновременно по ту сторону Днестра на территории Бессарабии вспыхивают в разных местах восстания. Наиболее ярким и большим из них является крестьянское восстание в Хотине. Все повстанческое движение Бессарабии было направлено против насильственной оккупации ее Румынией. Румынские захватчики немедленно после оккупации начали устанавливать в Бессарабии свои порядки. Крестьянское хозяйство разоряется вконец реквизициями и грабежами. Разгон общественных организаций, расстрелы, избиения, насилия над женщинами — вот чем ознаменовали румынские оккупанты свой приход.

Карательные отряды, жандармерия и все черносотенные силы края принимают все меры, чтобы заставить «братский народ» молчать, но никакие зверства не в силах были задушить борьбу бессарабских революционных масс против оккупантов, и Хотинское восстание, возникшее в январе 1919 г., охватывает весь уезд и часть Сорокского уезда, включая железнодорожный узел, ст. Окницы, местечко Атаки. 10 января повстанцы захватывают Хотин. Из разных сел прибывают делегации с просьбами

помочь им выдачей оружия. Оружия было крайне недостаточно, и повстанцы не были им снабжены.

Вооружившись вилами, топорами и чем попало, повстанцы стойко и упорно держались в охваченном восстанием районе. Четырнадцать дней власть была в руках повстанцев.

Хотинское восстание было потоплено в крови восставших, множество сел сожжено дотла, 500 человек, явившихся на сход выслушать приказ коменданта, были зверски расстреляны, 60 женщин с детьми были сожжены заживо, свыше 5 тыс. повстанцев убито и расстреляно. О всех этих кровавых зверствах заговорила даже заграничная пресса.

Около 50 тыс. бедняков-крестьян, участвовавших в Хотинском восстании, преследуемые румынскими палачами, бежали на Подолию, где хозяйничали в то время петлюровцы. Последние решили воспользоваться хотинскими беженцами как «пушечным мясом» для пополнения своих сильно поредевших частей, но беднота в большинстве не шла в петлюровские войска.

В этом факте петлюровцы заподозрили большевистскую пропаганду и решили всячески искоренить крамолу: вожаков-повстанцев арестовывают и убивают. Эти действия петлюровцев окончательно оттолкнули повстанцев от петлюровцев. С этого момента хотинцы совместно с левобережными повстанцами объединяются в одни партизанские отряды и активно начинают борьбу против петлюровцев в их тылу.

Петлюровский гарнизон Балты, состоявший почти из двух тысяч человек, справлялся с трудящимися массами всяческими способами: собирали молодежь и на глазах у всех расстреливали на льду речки Кодыма; расстреливали не только отдельных людей, но и целые семьи. Все, не принадлежавшие к гайдамакам, не имели пощады. Население в зимнее время в продолжение месяцев целыми семьями пряталось в холодных погребах, спасаясь от штыка или пули пьяного бандита.

Кулаки, торговцы, бандиты, грабители и убийцы объединялись вокруг петлюровцев. Эти подонки пополняли конницу атамана-бандита Заболотного. Петлюровский комиссар Сикорский не отставал от своей бандитской массы и расстреливал людей направо и налево. Вечно пьяный Сикорский часто врывался в подвал к арестованным и забавляясь рубил их шашкой.

В то время как петлюровские банды Заболотного и Сикорского верховодили в Балте, другая банда Козубского заняла железную дорогу. Козубский арестовал все еврейское население на станции Абамеликово-Кодыма и расстреливал его, следуя «славным» традициям своих кровавых единомышленников, хозяйничавших на Украине. По всей Молдавии прокатилась волна еврейских погромов. Еврейское население не знало покоя, перебегая из одного места в другое. Озверевшая петлюровщина захватывала свои жертвы и жестоко справлялась с ними.

РАЗГРОМ

ПЕТЛЮРОВСКИХ БАНД

После поражений в Балте красные повстанцы снова начали организовываться и укреплять свои силы. Ежедневно происходили бои с петлюровцами, стремившимися выбить из сел небольшие отряды партизан. Но это им не удавалось. Беженцы из разных мест, наводнившие села, где стояли партизаны, пополняли их ряды. Многочисленные отряды петлюровцев двинулись на эти села. Подпольный комитет во что бы то ни стало решил отстоять эти села. Наряду с организацией военной работы большевики одновременно проводили интенсивную организационную и про-

пагандистскую работу среди населения для решительного наступления на врага. Повстанцы начинают производить героические набеги на петлюровские эшелоны, чем и дезорганизуют петлюровские военные силы. Здесь проявили себя небольшие отряды под руководством рабочих Балты, во главе которых стоял И. Дьячишин. Эти отряды совершили ряд удачных набегов на петлюровские части, превосходящие их по количеству, и дезорганизовывали петлюровцев, снимая петлюровские посты, окружая квартиры начальников петлюровских отрядов. Героев погромов и насилий над мирными жителями повстанцы заставляли почти без единого выстрела удирать куда попало. Но большие силы петлюровцев продвигаются снова на Балту. Красным партизанам приходилось собирать захваченное оружие и, погрузивши его на подводы, доставленные балтскими рабочими, снова отступать в села.

Петлюровцы концентрируют большие силы для ликвидации партизанских групп. Они обстреливают из орудий те села, в которых сосредоточились повстанцы.

Обеспеченные орудиями и броневиками, имея достаточно сильные артиллерийские части, петлюровские отряды все же не могли проникнуть в села именно вследствие громоздкости своего вооружения, а небольшим отрядам заходить глубоко в тыл партизан было далеко не безопасно. При попытках к этому сотни вооруженных партизан встречали с боем неприятеля, сметая на своем пути все препятствия. Среди петлюровцев в таких случаях подымалась паника, и они в страхе разбегались. Здесь петлюровцам приходилось иметь дело не со стариками, неспособными себя защитить, не с беззащитными детьми, не с женщинами и девушками, — здесь они столкнулись с революционными рабочими и революционными крестьянами, восставшими против насилия. Это была уже вооруженная сила рабочих и крестьян, из которых многие по 4—5 раз были ранены, искалечены и, кое-как оправившись от ран, вступали снова в свои отряды на борьбу с бандитами. Партизаны наступали упорно, героически; наступая, вягивали и остальных в борьбу. Часто в красных отрядах принимали участие и женщины.

Дрались беспощадно.

Но когда петлюровские части добровольно сдавались, их обезоруживали, снабжали литературой, прокламациями и отпускали домой.

Налет красных повстанцев на Бирзулу был до такой степени неожиданным для петлюровцев, что они вынуждены были снять с фронта часть войск и двинуть их против повстанцев. Партизаны вынуждены были под натиском многочисленных войск противника отступить снова в села. Не успели еще они оправиться после боя в Бирзуле, как петлюровские отряды начали новое наступление со стороны Кодыма. Выставили орудия против села Березовки, а со стороны Слободки продвинули большие части с пулеметами.

Положение красных партизан становилось почти безвыходным, но все же они остались на месте и вступили с петлюровцами в бой. В селах повстанцы соорудили баррикады, и в бой выступили все: мужчины, женщины и старики. Часть красных партизан, хорошо вооруженных, начала наступление в направлении Слободки. К вечеру этого дня победа была на стороне красных, захвативших петлюровские орудия.

В старом помещицком доме в Балте расположился военревком и парткомитет большевиков. С утра до вечера писались приказы, воззвания, которые развозились агитаторами по всем селам Балтщины и смежным уездам. Газеты, привезенные из Советской России, читались с огромным интересом, заслушивалась информация о положении в других местах. Тем временем красные повстанцы принимали бой за боем с петлюровцами. Все члены ревкома принимали активное участие в боях, оставляя в ревкоме только дежурного члена.

Разведка красных партизан была и в петлюровских частях, выясняя место, направление и время наступления. Рабочие агитаторы разъезжали по селам и знакомились с настроениями крестьянства.

Партизаны победили. Петлюровцы уже не смели появляться на завоеванной красными территории. Кругом были организованы ревкомы. Очередной задачей красных было расширение базы своего влияния для слияния с регулярными частями Красной армии и облегчения борьбы других повстанческих частей против петлюровцев.

В конце марта 1919 г. красные повстанцы связываются с регулярными частями Красной армии, с одной стороны в направлении Вознесенска (части Ткаченко), а с другой стороны в киевском направлении с 8-м полком III украинской армии, находящимся под Вапняркой. В течение нескольких дней в трех разных местах три партизанские разведки связываются с частями Красной армии. Молдавские партизаны вливаются в состав регулярной Красной армии, составляя регулярные полки.

После тяжелой и упорной борьбы петлюровская контрреволюция была разбита и интервенционные войска уведены «с горящей пожаром почвы».

ДЕНИКИНЦЫ в МОЛДАВИИ

Контрреволюционные элементы Молдавии развивали бешеное сопротивление наступающему пролетариату.

В Молдавии подымается волна кулацких восстаний, во главе которых стоят остатки разгромленных петлюровских банд. Под лозунгами «свободной коммуны» бывшие атаманы Заболотный, Чалый, Казаков выступают вожаками грабежей, организаторами еврейских погромов и открытых выступлений против советов в Молдавии.

Весь май 1919 г. красным частям молдавского пролетариата пришлось отражать кулацкую контрреволюцию. 3 мая 1919 г. красные части Дьячишина ликвидируют банды григорьевских матросов, пытавшихся разогнать совет в Рыбнице; в середине и в конце мая советские войска ведут упорную борьбу со вспыхивающими в разных частях Молдавии еврейскими погромами и кулацкими бунтами в селах Ивашково, Попово, Гребля, Бритавка, Сербы, Вербка, Луги, Гоноровка, Городинце и т. д.

Кулачество и деклассированные элементы в этих селах выступают под предводительством бывших офицеров, трактирщиков, сыновей помещиков. Героями погрома в Кодыме 20 мая 1919 г. были Андрей Ткачук — собственник мельницы, Моисей Лебзяк — трактирщик, Константин Олейник — свиновод, учитель Антип Ковалишин — бывший офицер.

По мере приближения Деникина к Одессе по всей Молдавии прокатывается волна погромов и кулацких восстаний.

Агенты Деникина пробираются в Красную армию, в милицию и стремятся дезорганизовать советские ряды убийствами отдельных представителей советской власти. Так, бывший полковник Николаев, пробравшись в красный батальон, спровоцировал убийство военного комиссара Томсона.

На участок, особенно опасный по кулацким выступлениям (Григориопольский район), была брошена сильная красная часть — 3-я бригада, высланная т. Якиром. Эта бригада, имевшая в своем составе 400-й полк под командованием Колесникова, ликвидировала кулацкое восстание в Григориополе и Гликстале. Красные части Дьячишина ликвидировали контрреволюционное восстание в западной части Балтцины, поднятое бандитом Заболотным.

Но в августе 1919 г. Молдавия снова стоит перед лицом контрреволюции. Из Одессы наступают деникинцы, а из Кодыма — Вапнярки, с западной части Днестра снова движутся петлюровцы.

Таким образом красные части, находившиеся на Левобережьи Днестра, очутились в кольце врагов и в районе, охваченном кулацкими восстаниями. Во второй половине августа 1919 г. красные под натиском больших вражеских сил Деникина вынуждены были отступить из Молдавии.

Контрреволюция празднует временную победу. Восстанавливаются буржуазно-помещичьи порядки, помещики отбирают завоеванные революцией земли и хлеб у крестьян. Система белого террора и неслыханного угнетения национальных меньшинств господствует в Молдавии.

Днестр наполнен трупами замученных жертв контрразведки.

В условиях жесточайшего белого террора партийной организации все-таки удалось организовать большую работу в деникинском подполье.

Через несколько недель после оставления красными Молдавии в деникинском подполье начинают возрождаться большевистские организации. Во второй половине сентября 1919 г. (старого стиля) в Рыбнице был организован подпольный партийный комитет большевиков, поставивший своей основной задачей воспрепятствовать продвижению деникинских частей, разрушить и дезорганизовать их тыл. В состав комитета вошли: Штейнберг-Стоян, рабочий рыбницкого сахарного завода. Нарцова, Гордей Бондарчук, крестьянин-коммунист из Молниятской волости, и партуполномоченный по организации восстания против деникинцев Н. Нарцов. Партийный комитет выделил от себя два комитета: комитет организации восстаний, так называемый «приднестровский повстанком», и комитет руководства боевыми операциями против деникинцев — «полевой штаб большевиков». В состав комитетов вошло большинство товарищей из подпольного партийного комитета, а также т. Зильберт и рабочие сахарного завода — Сенькевичи, Василий и Мартине. «Приднестровский повстанком» развернул огромную организационную и агитационную работу среди населения волостей Молокишской, Журанской, Писаревской, Крутянской, Воронковской и по железнодорожному пути в Рыбнице, Слободке, Кодыме и Мошнягской волости.

Опорный пункт был организован в бывшем главном революционном центре повстанцев — в Березовке. Здесь была подпольная ячейка, куда входили члены подпольного бюро Гордей Бондарчук и Мария Сорокатая. Во многих селах были устанавлены вооруженные группы в 10—15 человек. Полевой штаб большевиков организовал боевую группу, ядро которой составляли прибывшие 30 товарищей бессарабцев, куда входили также проверенные, надежные товарищи — местные рабочие и члены партии.

Особое внимание повстанком уделял вооружению повстанцев. Собрано было все оружие, которое было закопано в Маньковском лесу, вблизи Слободки при отступлении тех красных частей, которые не могли пробраться с оружием. Оружие доставали и у населения окрестных сел, а также во время набегов на небольшие деникинские группы.

За небольшой период повстанком уже имел достаточное количество оружия.

Наряду с дезорганизацией деникинских частей подпольный партийный комитет принимает всякого рода меры к организации восстания против Деникина.

В начале ноября 1919 г. на хуторе Шмалены, в 5 верстах от Рыбницы, подпольный партийный комитет созвал совещание всех боевых групп периферии. На совещание прибыло 150 человек, в том числе 35 бессарабцев и 25 рабочих из Рыбницы. Из этих групп составлен был партизанский отряд, разделявшийся на несколько групп, а руководителем отряда партийный комитет выделил Нарцова.

22 ноября 1919 г. (по старому стилю) в 45 верстах от Днестра отряд Д. Алешина ночью нападает на деникинскую охрану, обезоруживает ее и занимает Окны. В этот же день был организован штаб из 5 человек.

командиром избирается Алешин, военным руководителем — Наконечный, командиром пеших частей — Гринкин, командиром конницы — Дубенко. Батраки и беднота Окны оказывают отряду помощь. Партизаны во главе с т. Алешиним наступают на села Антоновку и Крымульку. По постановлению общего собрания беднейших крестьян у помещиков разбирают живой и мертвый инвентарь, а лошадей отдают в распоряжение отряда.

Из Окны партизаны направляются в сторону Захарьевки; пополнив отряд новыми товарищами, они возвращаются обратно в Окны, чтобы окончательно оформиться. 25 декабря алепинский отряд наступает на Дубосары и захватывает их без единого выстрела. Потом передвигается в сторону Топалы. Во время захвата Дубосар в районе Топал—Черное был организован полевой штаб под руководством Краевского. В то же время группа под руководством Стахурского (25 человек) производит пабег на Рыбницу. Рыбницу не удалось занять, так как восстание не было подготовлено. Самого Стахурского убили на Рыбницкой площади.

В этом наступлении две подпольные ячейки были провалены; деникинцы арестовали многих партийцев; в самой Рыбнице арестовано было 12 человек. Деникинская контрразведка расправлялась с революционными повстанцами. Через некоторых арестованных контрразведке удалось узнать о местонахождении части подпольных ячеек. Подпольный партийный комитет, полевой штаб и повстанком обнаружены не были, так как эти организации были хорошо закопсиррированы. Заседания происходили каждый раз на другой подпольной квартире. Об этих квартирах знали только три человека.

Подпольный партийный комитет постановил покончить с контрразведкой в Рыбнице. В Шмаленах был собран краснопартизанский отряд, главные силы которого были переброшены в сторону Слободы—Кодыма для нападения на деникинские эшелоны.

Временно красным партизанам вместе с рыбницкими рабочими удалось захватить Рыбницу.

В продолжение всего дня в месте расположения партизан собирались огромные толпы людей, радовавшиеся освобождению от деникинских палачей. Но к вечеру этого дня деникинцы начали наступление на Рыбницу.

По возвращении в Рыбницу деникинцы арестовали 19 человек из соседних сел. Среди арестованных были товарищи из ержовской ячейки. Необходимо было действовать решительно и быстро. Под руководством т. Томашинского выделили группу в 50 человек, которой предложили ночью отбить арестованных. Товарищи с невероятными трудностями на животах подползли по канавам к тому месту, где сидели арестованные, и отбили их.

Во время контрреволюционной деникинской диктатуры вся Молдавия, как и в период гетманщины, была наводнена краснопартизанскими отрядами. В районе Рыбница—Крутые — Каменка оперировал отряд из рабочих под командованием Нарцова; в Окны и Дубосарах — отряд Алешина; в Балте — подпольная организация и повстанческая организация под руководством Корнева и Гонцы — в селе Перелеты; в Ананьевском районе под руководством рабочих Данилова, Дубенского. Максименко был организован партизанский штаб.

К этому времени положение на фронте резко изменилось. Белогвардейские банды, продвигавшиеся к Москве, получили сокрушительный удар со стороны героической рабоче-крестьянской Красной армии. Доблестная армия быстро разлагается и бежит на юг, терпя каждый раз новые поражения.

В это время в Балте оформляется подпольная большевистская организация. Корнев собирает разрозненных коммунистов и созывает первое подпольное организационное совещание, на котором происходят выборы партбюро. В бюро вошли Корнев, Монастырский, Шенсман, Швед и др. Бюро печатает воззвания, налаживает связь с ананьевской организаци-

ей, секретарем которой был тогда г. Мороз. Возобновляется также связь с Одесским партийным комитетом. Получив от комитета циркулярное распоряжение об организации повстанческих штабов, Корнев, Мороз и несколько других товарищей составляют план повстанческой деятельности, для реализации которого направляются в село Перелеты.

Товарищи развернули большую работу по организации восстаний против белых. Быстро были организованы подпольные боевые десятки, избран повстанческий штаб и военно-революционный комитет.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ в МОЛДАВИИ

Укрепление советской власти в России, победы Красной армии и козыничанье денкинских войск привлекли на сторону советских частей основные массы крестьянства. В селе Перелетах образовывается Советская республика. Деникинцы в спешном порядке эвакуируют Балту. На сторону большевиков переходят галицийские стрелки. Повстанческий штаб в Перелетах готовится к захвату важнейших пунктов. В это время к партизанам прибывает делегат от Заболотного, чекий Брындак, с предложением услуг Заболотного в борьбе с денкинцами.

Необходимо было использовать всякое движение, направленное против Деникина, сохраняя руководящую роль за большевистскими отрядами. Был установлен временный стратегический контакт с отрядом Заболотного. Красные партизаны свое задание — разрушение железнодорожного пути — выполнили. Но организованному продвижению помешал отряд Заболотного, который изменил общее постановление и вместо выступления на Балту двинулся на Ольгополь — к месту особо выгодной наживы.

Партизанский подпольный комитет в г. Рыбнице, получив несколько сообщений о том, что из Одессы под натиском Красной армии по Днестру отступают части денкинской армии, предводительствуемые генералом Бредовым, выпустил специальное воззвание к солдатам и казакам денкинской армии. В воззвании писалось о том, что разгромленные Красной армией остатки денкинской контрреволюции, отступая, разрушают на своем пути все, что банды эти стремятся пробраться за границу, чтобы оттуда снова напасть на Советскую страну.

Положение красных партизан было весьма серьезным. Надвигались денкинские полки с опытным командованием, большим количеством орудий, конницы и т. д. Но отступающая денкинская армия не могла уже оказать большого сопротивления, она панически бежала от регулярной Красной армии. Когда денкинцы приблизились к селу Журы, где стояли партизаны, они были встречены ружейным и пулеметным огнем. Денкинские колонны пустились через Днестр в Бессарабию. Решив, что это большевики, румынская пограничная охрана открыла по отступающим денкинцам артиллерийскую и пулеметную стрельбу. В панике денкинские части бросились вразброд. Партизаны воспользовались смятением и захватили в плен множество денкинцев. Деникинцы, отступивши на несколько верст назад, рассыпались широким фронтом — от Днестра до Слободки — и открыли орудийный огонь, полагая, что где-то вблизи расположены крупные большевистские силы.

Захватив пленных, партизаны отошли к Рыбнице, пополняя свои отряды рабочими и крестьянами. К этому времени вернулся красный отряд из Кривого Озера, посланный туда на помощь местным партизанам. По всем дорогам были расставлены посты. Агитаторы раз'ехались по ближайшим селам. Район железной дороги заняли броневики, захваченные

партизанами у деникинцев. Вечером того же дня было собрано экстренное заседание подпольного комитета штаба. Надежные товарищи были отосланы в разведку, и для связи было выпущено воззвание к рядовым чинам и казакам деникинских частей с предложением перейти на сторону советской власти. Воззвание напечатали ночью и разбросали по ближайшим селам. Деникинцы снаряжали разведку за разведкой, и все они попадали в руки партизан.

На заре деникинцы начали наступать, непрерывно обстреливая села и города орудийным огнем. Партизанский отряд, заняв дорогу от села Гидерим до Крутых, разделился на отдельные группы, к которым присоединились крестьяне ближайших сел. Гершуновский отряд встретился с крупными силами деникинцев. Подпустив деникинскую конницу на расстояние выстрела, партизаны открыли по ней стрельбу из засады и броневика, стоявшего недалеко на железной дороге. Борьба с деникинцами продолжалась до вечера и закончилась победой партизан. Партизаны захватили 400 возов обоза и множество пленных. После торжественного открытия ревкома партизаны двинулись далее, по направлению Каменки.

В феврале 1920 г. красные вернулись в Левобережную Молдавию (нынешнюю территорию АМССР). В Молдавии в третий раз окончательно и твердо устанавливается советская власть. Ряды партизанских работников пополнились товарищами из политотделов армий, коммунистами, возвратившимися с севера, отдельными коммунистами из бывших партизанских отрядов.

В условиях напряженнейшей классовой борьбы, в условиях разрушенного гражданской войной хозяйства строилась и укреплялась советская власть в Молдавии.

Партия большевиков Молдавии продолжала борьбу с контрреволюционными силами, еще задержавшимися в советской Молдавии: с кулацкими восстаниями, с налетами банд Тютюника, Заболотного, с темной агитацией фанатических религиозных сект мракобеса Иннокентия, с предательской работой меньшевиков и эсеров.

Ликвидация бандитизма на Украине, окончательное изгнание с территории Украины интервенционных остатков империалистических войск открыли и для Молдавии возможности мирной работы по дальнейшему укреплению Советов, для социалистического строительства.

воспоминания и автобиографии иностранных рабочих

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 9—10 журнала „Борьба классов“ редакция поместила из собранного ею за границей материала автобиографию германского пролетария т. Карла Шюца. Начиная с № 1 с. г., редакция открывает специальный отдел воспоминаний и автобиографий иностранных рабочих.

НЕ седьмое,

А девятое ноября

ОТТО ФРАНК

Это было в феврале 1917 г. Моя часть стояла при Барановичах. Германия все еще боролась не на жизнь, а на смерть. Однажды утром русские солдаты закричали, обращаясь к немецким позициям: «Конец войне! Революция! Прогоните своего кайзера, давайте брататься!» Вскоре на наших проволочных заграждениях повисли разбросанные русскими листовки на немецком языке. Из этих листовок мы узнали, что в России разразилась революция и что теперь должен быть заключен мир. Они заканчивались призывом: «Братья, давайте делать общее дело!» Это сообщение было с большим воодушевлением принято немецкими солдатами, все стали твердить, что теперь для Германии наступит мир. Что же однако случилось?

Постепенно почти все части, стоявшие в той местности, были смены, и в окопы были переброшены новые войска. Немецкие офицеры энергично боролись со всеми, кто смел мечтать о мире и говорить о революции. Братанье немецких солдат строго преследовалось, — ведь это означало прекращение военных действий! Наступление германских войск возобновилось. Лето 1917 г. прошло в кровавой войне. Февральская революция не принесла с собой долгожданного мира. Правительство Керенского вело «войну до победного конца». Между тем в Германии назревала революция. Союз спартаковцев вел революционную агитацию, и идея революции с каждым днем приобретала все больше сторонников. Армия разлагалась. Чрезвычайно выросло число дезертиров. Офицеры боролись за сохранение дисциплины, суля скорую победу и почетный мир для Германии, но это им плохо удавалось.

Мое пребывание в армии закончилось в сентябре 1917 г. Пришел приказ от руководства союза спартаковцев, что я должен вернуться на революционный фронт. Я приехал в Берлин 23 сентября 1917 г. В тот же день я был приглашен на заседание, которое должно было заняться подготовкой революции. Мы были тогда лишь небольшой группой революционных берлинских рабочих и обсуждали план создания революционных стачек на крупных предприятиях Берлина. Эта работа была далеко не простой, так как после последних забастовок в военной промышленности лучшие революционные элементы были взяты с заводов и сейчас сидели по тюрьмам, исправительным домам или же в окопах, одетые в серые шинели. Правительство вознаграждало германскую социал-демократическую партию и так называемые свободные профсоюзы, стоявшие за войну до победного конца, тем, что оно давало работу на военных заводах всем рекомендованным ими рабочим. Зато эти рабочие должны были выполнять функции доносчиков. Мы ежедневно должны были опасаться, что на устроившихся на заводах революционных рабочих может быть сделан донос.

Октябрьская революция совершила свое победное шествие по всей огромной России. Речи Ленина и других вождей большевистской партии, хотя и с трудом, доходили до слуха германского пролетариата. Октябрьская революция укрепляла волю к борьбе у немецких революционных рабочих.

Теперь мы с радостью могли констатировать, что когда откуда-нибудь изымали революционного рабочего, прорыв сейчас же заполнялся. Теперь мы имели дело уже не с одиночками; число революционеров увеличивалось, и, что особенно важно, на этих новых людей можно было положиться и доверять им. Наша работа была направлена на то, чтобы создать на массовых предприятиях сильные революционные отряды. Прodelывалось это в такой форме: используя организацию на военных заводах, мы проталкивали на заводы действительно революционных рабочих.

В полной тайне велись дальнейшие приготовления к генеральной стачке, которая должна была подготовить конец войне и по примеру наших русских братьев повести революцию вперед. Январская стачка 1918 г. возникла как протест против грабительских условий германских империалистов в Бресте, в защиту Советской России. Против стачки были направлены полиция и войска. Особенно отвратительную и изменническую роль сыграли здесь социал-демократы и свободные профсоюзы. Их вожди вошли в январские стачечные комитеты, но не с целью содействовать развитию стачечного движения, а чтобы, как они сами впоследствии признавались перед судом и в своих сочинениях, разложить ряды бастующих, разбить стачку и передать в руки правительства и военного суда революционных рабочих и особенно их вождей. Это дело и было выполнено правительственными «социалистами» с Эбертом, Шейдеманом, Легином, Лейпартом и т. д. во главе.

Революционное движение, которое нашло отклик почти во всех частях Германии, снова было подавлено. Многие из рабочих-революционеров попали в тюрьмы и исправительные дома. Большинство же из них было отмечено полицией и социал-демократическими профсоюзными вождями, красным штрихом в списках военнообязанных и признано годным к военной службе. Они должны были снова вернуться в окопы, где многие из лучших наших бойцов заплатили смертью за свою революционную деятельность.

Из революционных старост и комитета этой организации осталось после такого разгрома не более одиннадцати человек. Эти одиннадцать не потеряли мужества, не сложили рук и снова деятельно взялись за революционную организацию на заводах. Появились тысячи новых революционных бойцов. С новой силой окрепла организация революционных старост. Теперь она охватывала не только крупные, но и средние и мелкие предприятия, так что рабочие почти всей промышленности, торговли и путей сообщения были представлены в организации революционных старост. Насколько было возможно, в таком же духе создавалась организация и за пределами Берлина.

Но контрреволюция во главе с германской социал-демократией и свободными профсоюзами не прекращала своей деятельности. Вновь и вновь благодаря арестам и предательствам образовывались прорывы в наших рядах. Но теперь их было легче переносить благодаря тому, что они заполнялись в десятикратном размере. Организация революционных старост, собиравшихся регулярно раз в неделю нелегально, занималась главным образом организацией передовых отрядов на предприятиях. Революционные старосты, бывшие в большинстве членами Независимой социал-демократической партии Германии, имели в своей среде и 5 спартаковцев. Эти последние от времени до времени с помощью своих партийных товарищей делали у революционных старост доклады об Ок-

тябрьской революции. Проводить эти доклады всегда было очень трудно, так как влиятельнейший член Независимой социал-демократической партии Германии Эмиль Барт и другие «независимцы» принимали все меры к тому, чтобы воспрепятствовать революционным старостам ознакомиться с пролетарской революцией в России. Эта клика заявляла, что-де германская революция не может копировать русскую Октябрьскую революцию и что, мы, немецкие рабочие, вовсе не нуждаемся в таких руководителях, как большевики.

Насколько это было возможно, на открытых собраниях революционные старосты призывали к освобождению из тюрем и исправительных домов Лео Логихеса, Карла Либкнехта, Розы Люксембург и всех революционных рабочих. Революционное движение разрасталось. Что же делала германская социал-демократия? Вместе с военным министерством она выработала план генерального наступления на Западном фронте, которых был приведен в исполнение в октябре 1918 г. С этой целью была объявлена всеобщая мобилизация, по которой все жители Германии мужского пола до 60-летнего возраста должны были вступить в ряды действующей армии. Революционные старосты выставили контрлозунг: не подчиняться этому приказу об отправке в окопы.

Берлинская профсоюзная комиссия под руководством депутата рейхстага Альвина Керстена созвала на 22 октября в Большом зале берлинского Дома профсоюзов собрание всех берлинских профсоюзных функционеров, на которое явились почти одни реформистские функционеры. Большой зал берлинского Дома профсоюзов на две трети был заполнен главным образом функционерами, состоящими на жалованьи, ибо благодаря политике войны «до победного конца» каждого профсоюзного функционера, честно защищавшего интересы рабочего класса, отправляли на военную службу. Благодаря диктаторству профсоюзных вождей большинство не состоящих на жалованьи функционеров не было допущено на собрание.

В повестке дня стоял доклад о политике правительства, о необходимости продолжать войну до победного конца. Пауль Эккерт, революционный староста фирмы Шварцкопф, попросил слова. Председатель собрания Керстен со всей своей бюрократической ловкостью попытался воспрепятствовать Паулю Эккерту говорить. Но небольшое число революционных профсоюзных функционеров все же настояло на своем. Пауль Эккерт получил слово и сказал: «Я должен сообщить профсоюзным функционерам, что 23 октября 1918 г. в 17 часов на Ангальтский вокзал в Берлине прибывает наш товарищ Карл Либкнехт из исправительной тюрьмы Люкау».

Это краткое сообщение привело в возбуждение всех участников собрания. Революционные профсоюзные функционеры провозгласили «ура» в честь Карла Либкнехта и грядущей революции. Ревизионистские профсоюзные функционеры стали осыпать их грубой бранью и грозить кулаками. Революционные рабочие ответили на это пением «Интернационала». Собрание было сорвано. Революционные рабочие разошлись, думая о том, что все предприятия явятся на Ангальтский вокзал на демонстрацию для встречи Карла Либкнехта.

28 октября 1918 г. между 16½ и 17 часами пролетарии Берлина вышли на демонстрацию. Большая площадь Аксани перед Ангальтским вокзалом и все смежные улицы были заполнены рабочими и работницами. Берлинский полицей-президент привлек для «встречи» Карла Либкнехта большое число конных и пеших полицейских. Само собой разумеется, среди демонстрантов рассеяно было также значительное количество «захватчиков», или так называемых «быков» (чиновники уголовного розыска).

С целью срыва демонстрации от имени уполномоченного берлинского полицей-президиума стали распространяться среди демонстрантов

слухи, будто поезд с Карлом Либкнехтом будет препровожден на Герлицкий вокзал (Герлицкий вокзал отстоит от Ангальтского вокзала на расстоянии $\frac{3}{4}$ —1 часа ходьбы). Но один из железнодорожных чиновников заявил определенно комитету спартаковцев, расположившемуся на перроне вокзала, что поезд с Карлом Либкнехтом прибудет на Ангальтский вокзал и опоздает лишь на 10 минут. Наши спартаковские функционеры из уст в уста быстро распространили эту весть, и берлинские пролетарии стали стеной, ожидая своего революционного вождя Карла Либкнехта.

Внезапно под большой вокзальный навес примчался поезд с Карлом Либкнехтом. Полицейские вскочили в седла и, выхватив оружие, в полной боевой готовности выстроились в две или три цепи. Моментадно воцарилась полнейшая тишина. Солдаты несут Карла Либкнехта, демонстрирующий берлинский пролетариат встречает его несмолкаемыми криками «ура» в честь революции. Нужда и лишения, продолжительное отбывание наказания в исправительной тюрьме сильно изнурили нашего Карла Либкнехта.

Он обратился к демонстрантам с сильной революционной речью. Она вызвала чрезвычайное воодушевление. Цепи постов сильно вооруженных полицейских были начисто сметены демонстрантами. Полицейские офицеры вновь и вновь пытались заставить шутманов врезаться в массы. Но все старания офицеров были безуспешны. Сегодня победителем была мужественная и непоколебимая воля берлинского пролетариата.

Между тем демонстрация, которая была самой большой со времени объявления войны, достигла Потсдамской площади. На том самом месте, где Карл Либкнехт 1 мая 1916 г. произнес свою речь против войны и где последовал его арест, после которого военный суд присудил его к 4 годам исправительной тюрьмы, — на этом самом месте он обратился снова с речью к массам. Один из демонстрантов сильными руками поднял Карла на свою нагруженную повозку и просто объявил: «Замолчите все, Карл Либкнехт будет говорить». Мужественный борец произнес такую же речь против империалистической войны, как и 1 мая 1916 г., но сопроводил ее еще более важными фактами, доказательствами и обвинительным материалом. Он ясно обрисовал предательскую роль германской социал-демократии и свободных профсоюзов. В конце речи демонстранты, среди которых было много рабочих в солдатских шинелях, стали кричать «Долой правительство, долой войну! Да здравствует революция! Ура, Россия!»

Революционная процессия пошла дальше и остановилась перед советским консульством в Берлине, на Унтер-ден-Линден 7. Благодаря демонстрации на Унтер-ден-Линден приостановилось все движение. Здесь Карл Либкнехт произнес речь о революции в России и о победах в гражданской войне. Превознося октябрьскую победу, он ставил Советскую Россию в пример немецким рабочим. Карл Либкнехт сказал: «Подымайтесь! Вперед, на революционное дело!» и провозгласил «ура» грядущей Германии, братающейся с Советской Россией.

С появлением К. Либкнехта в Берлине сильнее забился пульс революционной жизни.

Хотя $2\frac{1}{2}$ года тюрьмы изнурили физически Карла Либкнехта, но время требовало вождя для революционной работы, и им был Карл Либкнехт. Вся его воля была сосредоточена на том, чтобы организовать германский пролетариат для борьбы за пролетарскую революцию. Уже рано утром 24 октября 1918 г. можно было видеть нашего Карла у входных ворот крупного берлинского завода, куда он пришел, чтобы узнать настроение рабочих. Вечером он направляется на заводские собрания. В то время такие собрания часто созывались революционными фабрично-заводскими старостами.

В это же время приехал из Германии Вильгельм Пик. Фронт спартаковцев и организация революционных старост усилились. Карл Либкнехт тотчас же принялся за подготовку революции. Он указывал революционным старостам, какую работу необходимо сделать в первую очередь. В прениях выступали также товарищ Вильгельм Пик и другие спартаковцы. Это причинило много хлопот всякого рода соглашателям и предателям революции. Клика Эмиля Барта пыталась длинными речами доказать необходимость саботировать подготовку революции. Разоблаченный Карлом Либкнехтом и спартаковцами, поддержанными революционными старостами, Эмиль Барт потерпел поражение.

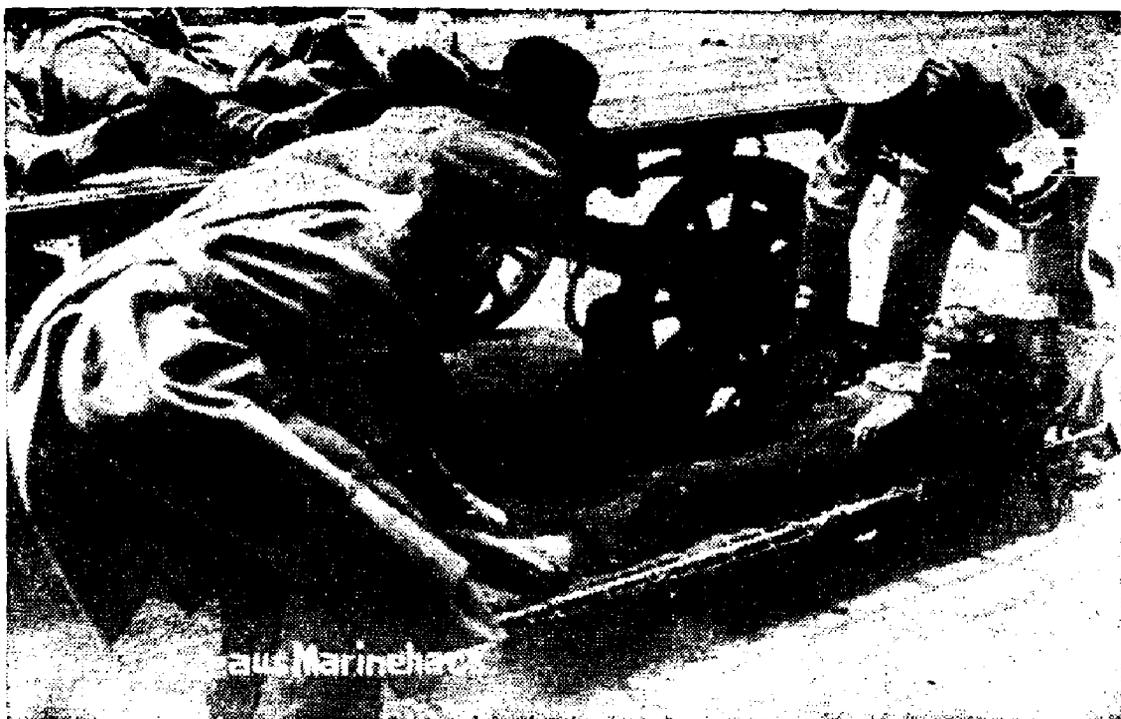
Утром 26 октября 1918 г. берлинские рабочие созвали 5 открытых собраний, на которые пришло особенно много народа. На каждом из этих собраний Карл Либкнехт произнес короткую пламенную речь. Нужно заметить, что пока Либкнехт приходил с одного собрания на другое, проходило довольно много времени, но массы берлинского пролетариата терпеливо ждали. Они хотели услышать Карла Либкнехта и хотели знать революционные лозунги дня. На собраниях массы требовали перехода к практическим мерам.

31 октября 1918 г. в Лихтенберге (одно из предместий Берлина) на чрезвычайно важном заключительном заседании должны были быть выявлены позиции революционных старост по вопросу об отношении к восстанию. Берлинская уголовная полиция во-время проникнула об этом заседании и дала строжайший приказ полицейским сорвать заседание. Странные «фигуры» спрашивали на улицах и в окрестных гостиницах, не видал ли кто-нибудь Карла Либкнехта и его сторонников. В ресторан, где сидел Карл Либкнехт, вошли три женщины и сели за соседний с ним стол. Они стали рассказывать, что хозяин их дома получил приказ от уголовной полиции тщательно проследить в своем доме, нет ли там Либкнехта или руководящих спартаковцев, находящихся в связи с Либкнехтом. Полиция пыталась подкупить людей маленькими денежными подачками, чтобы заставить их говорить. Атмосфера от присутствия полицейских все стужалась, и важное заключительное заседание к радости Эмиля Барта и его клики не могло состояться.

С большим трудом удалось Карлу Либкнехту в этот вечер избежать ареста. Преследуемые уголовной полицией, Карл Либкнехт и пишущий эти строки окольными путями пришли ночью в 24 часа в предместье Альт Стралау.

Сыщики шныряли вокруг нас. Мы только что обосновались в гостинице «Под свободным деревом». Мы услышали следующие слова из разговора сыщиков: «Кто знает, где скрываются эти негодяи и преступники? Если бы этот арестант Либкнехт попался нам в руки, он получил бы пулю в лоб». Мы конечно покинули это «гостеприимное место». Перед нами было два возможных пути: через Шпрее в Трептов или же через Руммельсбургское озеро в Руммельсбург, а оттуда в Берлин. Мы выбрали первый путь.

Для переправы нужно было «реквизировать» лодку. Мы влезли в лодку и к нашему ужасу обнаружили, что нет весел. В качестве весла мы приспособили лодочную скамью для сиденья, и наш «винтовой пароход» отплыл. Нам бросало туда и сюда. После 45-минутного блуждания по реке мы приплыли к Трептову (также предместье Берлина) к какому-то саду-ресторану. Либкнехт очень беспокоился о лодке. Он опасался, что лодка не дойдет обратно к ее владельцу. Он успокоился лишь тогда, когда я предложил ему написать извинительное письмо собственнику лодки. При свете карманного фонарика мы быстро набросали несколько слов и положили письмо в лодку под скамью. Потом быстрыми шагами мы направились в Берлин. Мы находились неподалеку от Берлинской окружной же-

лезной дороги. Было 2 ч. 30 м. ночи. Снова стали маячить подозрительные фигуры. Мы быстро свернули в троттовский парк.

На одной из близлежащих улиц мы остановились. Здесь мы увидели повозку для упаковки и перевозки мебели. Ключ к двери был быстро найден, и мы вошли в эту ночь во вторую нашу квартиру—повозку «по международной упаковке и перевозке мебели». Остаться ли нам тут всю ночь?—был вопрос Либкнехта. Мой ответ заключался в следующем: ночь очень холодна, и к тому же для нас опасна беготня по улицам, здесь, в повозке, приятная теплота. И использовав упаковочные материалы, мы расположились на ночевку. Перед сном мы приготовили себе еще «обед», состоявший из сухого хлеба и знаменитой военной козьей леверной колбасы. В 7 час. утра мы покинули наш «отель» и умылись в уличного колодца. Отсюда мы направились в одно место, куда мы за день до того уговорились притти, а именно—на аэродром в Иоганнискитале (предместье Берлина). Здесь на авиазаводах работало от 38 до 40 тысяч рабочих и работниц. Нужно было подбросить на заводы листовки. Это дело нам удалось провести блестящим образом с помощью наших товарищей спартаковцев, работавших на заводе, и с исключительной помощью товарищей женщин. Уже в обеденное время почти каждый рабочий и работница на заводе получили листовку. Вечером нам сообщили, что хозяин вместе с полицией усердно разыскивают зачинщиков и распространителей листовок. Но это было нелегкое дело. Зачинщиками были спартаковцы, которых нельзя было найти, а распространителями листовок—весь пролетариат этих заводов. Если бы дошло дело до арестов, то образовалась бы массовая демонстрация.

2 ноября в 9 час. утра состоялось общее собрание нелегальных исполнительных комитетов советов рабочих и солдатских депутатов, на котором должны были подробно обсудить и утвердить план выступления в Берлине. В тот же вечер состоялась конференция берлинских революционных старост, где должно было быть решено, когда будет дан сигнал к выступлению.

Исполком нелегального совета солдатских и рабочих депутатов постановил, что утром 4 ноября будет объявлена всеобщая забастовка, выступит пролетариат заводов и мы будем драться до победы пролетариата. Но к нашему удивлению на собрании фабрично-заводских старост присутствовал аппарат функционеров центрального комитета независимой СДЛ.

На собрании были такие «революционные величины», как Гуго Гаазе, Вильгельм Диттман, даже Эдуард Бернштейн, пришедшие для того, чтобы дезорганизовать готовящееся выступление. Либкнехт и его сторонники резко полемизировали с «мешавшими делать революцию» о путях революции.

После того, как были сделаны отчеты о настроениях на заводах, председатель революционных старост Эмиль Барт со значительной частью вождей НСДП живо провел постановление о назначении срока восстания на 6 ноября 1918 г.

Утром 3 ноября исполком совета солдатских и рабочих депутатов снова собрался на Коперниковской улице, чтобы определить свое отношение к создавшемуся политическому положению. Внезапно на это заседание является курьер из Килия и сообщает, что на военных кораблях революционные матросы подняли красный флаг и что революция уже в полном разгаре. Железнодорожное сообщение по линии Берлин—Гамбург—Киль ненадежно, нерегулярно, имеют место большие опаздывания и задержки в пути.

На заседании было предложено, чтобы Карл Либкнехт сейчас же поехал к матросам в Киль. Это предложение вызвало сильнейшее противодействие со стороны «независимцев», говоривших, что Карл Либкнехт должен обязательно присутствовать в Берлине в ближайшие решающие дни. Было сообщено, что Гуго Гаазе находится в Гамбурге и оттуда может отправиться в Киль. Гаазе однако не поехал в Киль, а вернулся в Берлин. Социал-демократическая партия послала в Киль кровавую собаку Густава Носке, который своей предательской политикой дезорганизовал движение, как это и было желательно для с.-д.

6 ноября 1918 г. революционные фабрично-заводские старосты собрались снова. К сожалению место собрания стало известно полиции. Участники конференции должны были быстро скрыться и рассеялись в различных направлениях, чтобы избежать ареста. Однако части революционных старост удалось собраться в ресторане «Музыкальная лиса». Там присутствовала лишь небольшая часть революционных старост, чем было затруднено принятие твердых решений. В Берлине были сосредоточены большие отряды полиции. За всеми берлинскими гостиницами, где имелись комнаты для собраний, было установлено наблюдение со стороны полиции. Таким образом у революционных старост отняли всякую возможность собраться на конференцию в Берлине 7 ноября 1918 г.

Заседание революционного исполнительного комитета было назначено на утро 8 ноября 1918 г. В гостинице у Новых ворот в условленное время присутствовали Карл Либкнехт и еще двое спартаковцев. Из сообщения курьера мы узнали, что арестован Эрнест Даймиг по пути на заседание центрального комитета НСДП, который тогда находился на судостроительной верфи, причем у него взяли весь материал, бывший у него в портфеле (план революционного выступления в Берлине). В гостинице, где находились Карл Либкнехт и его сторонники, с минуту на минуту становилось все более опасно оставаться. Мы могли уйти из гостиницы лишь через окно, выходящее во двор.

Либкнехт тотчас же дал оценку положения, и после короткого заседания было принято решение—итти на крупные предприятия Берлина и мобилизовать весь пролетариат, ибо уже давно пора было это сделать. 9 ноября 1918 г. в 9 час. утра должно было начаться выступление. Это была большая работа, которую должны были выполнить несколько товарищей. В 23 часа того же дня товарищ Карл вернулся на свою квартиру. После того, как его информировали о сделанной за день работе по отдельным районам, было устроено совещание о том, что необходимо делать 9 ноября.

9 ноября 1918 г. мы вышли из дома в 6 час. утра. На улицах мы встретили около 240 матросов, которые в этот же день рано утром при-

Спартакосцы устанавливают пулеметы на своих позициях

были в Берлине на помощь революционному пролетариату. Штаб армии забил тревогу и вызвал на помощь имеющимся войскам отряд из батальон гвардейских стрелков, преданных кайзеру. Этот хорошо вооруженный ряд взял в плен небооруженных матросов и отправил их на Герлицки вокзал. После коротких переговоров с матросов было взято слово, что он

Революционные пикеты в Берлине в 19

ни при каких обстоятельствах не двинутом дальше Герлицкого вокзала. Но один из матросов взял на себя командование на Герлицком вокзале. Под его руководством удалось разоружить верноподданных гвардейцев и отобранным оружием вооружить матросов, освободив их для революции.

Районная социал-демократическая организация центра Берлина с согласия своего партийного правления напечатала в типографии «Vogwärts» в миллионах экземпляров листовку и распространила ее с помощью всевозможных людей на предприятиях и в многолюдных местах Берлина. Эта листовка обращалась к рабочим с воззванием оставаться на заводах и не дать себя «спровоцировать на выступление» тем, кто «держит их за веревочку» (имелись в виду спартаковцы). Революционные пролетарии однако настояли на своем, и предприятия дружно приняли участие во всеобщей стачке.

Со всех концов Берлина двигались к центру мощные колонны демонстрантов. Карл Либкнехт был на улице с пролетариатом — во главе колонны, демонстрировавшей от Фриденау через Шенеберг в центр города. На Унтер-ден-Линден у дворца кайзера был поднят красный флаг. Карл Либкнехт с балкона дворца обратился с речью к массам берлинского пролетариата, собравшегося в Люстгартене. 9 ноября в 17 час. Карл Либкнехт и другие спартаковцы вступили в здание рейхстага. В комнате 18-й собралось много членов комитета революционных старост и центрального и районного Берлинско-Бранденбургского комитета НСДП. Перед дверью собралось множество людишек, ожидавших своей очереди на получение какого-либо поста. Когда Карл Либкнехт подошел к этой комнате, к нему навстречу вышел Эмиль Барт со словами: «Куда же вы делись? С 11 часов мы сидим здесь и обсуждаем вопрос об образовании правительства». Наш Карл ответил спокойным тоном: «Товарищ Барт, я был на улице с пролетариатом, к которому я принадлежу». Барт ответил: «Революция победила, и должно быть образовано правительство. Этот вопрос дискутируется». В 18 час. 30 мин. в зале заседания появился Филипп Шейдеман и от имени социал-демократической фракции рейхстага заявил следующее: «Мы должны возможно скорее образовать правительство, способное вести переговоры, и мы желаем, чтобы в это правительство вступил коллега Карл Либкнехт, ибо необходимо начать переговоры о заключении перемирия». Либкнехт отказался принять участие в правительстве. После того, как все присутствующие за исключением спартаковцев стали убеждать Либкнехта, он сказал следующее: «По поручению союза спартаковцев я хочу выставить некоторые условия». Шейдеман: «Говорите, Либкнехт». Либкнехт: «Наши условия следующие:

1. Разоружение всей полиции, всех офицеров, а равно и солдат не из рабочих и всех, принадлежащих к господствующему классу.

2. Конфискация советам рабочих и солдатских депутатов всего оружия, боевых припасов, а также и заводов, работающих на оборону.

3. Вооружение надежных рабочих и образование красной армии для защиты достижений революции и для ее дальнейшего продвижения вперед.

4. Немедленная организация революционного трибунала, который произнесет свой приговор над главными виновниками войны, над теми, кто способствовал затяжному характеру войны, а также и над капиталистическими заговорщиками и контрреволюционерами».

По этому поводу Шейдеман сказал: «Я сомневаюсь в том, что моя фракция согласится на такие условия. Но я доложу ей о них. Ответ вы получите вскоре». Между тем наступило 2 часа ночи 9 ноября 1918 г. Мы так и не получили ответа от социал-демократической партии и фракции рейхстага.

помещение сообщения об избиении Цергибеля
 работным комсомолец орган германской ком-
 "и „Роте фине“ был закрыт на восемь дней,
 фане“ выпустила нелегальную газету „Роте
 фане“

Демонстрация, организованная германской компар-
 тией в день годовщины убийства коммуниста
 Вильгельма Зюльта, с требованием ареста его
 убийцы Яннике. Полиция потребовала от демон-
 странтов закрыть на лозунге слово „убийца“

В воскресенье 10 ноября было созвано в цирке Нунса социал-демократическое по своему составу собрание совета рабочих и солдатских депутатов центральной части Берлина. Дело в том, что большинство профсоюзных функционеров и функционеров социал-демократической партии было в этот же день вождями социал-демократии зарегистрировано как рабочие и солдатские депутаты. И такое собрание должно было выявить свое отношение к революции и принять важные постановления!

Председатель социал-демократической партии Германии Фридрих Эберт произнес речь, в которой он призывал в первую очередь к установлению спокойствия и порядка. Наш оратор, товарищ Карл Либкнехт, также взявший слово на собрании рабочих и солдатских депутатов, яркими чертами обрисовал перед собравшимися ход дальнейшего развития революции.

Либкнехт сказал: «Контрреволюция идет. Она находится среди нас. Очищайте ваши ряды, создавайте сильный, стремящийся к дальнейшему развитию революционный фронт, который покончит с империалистическим германским государством. Учреждайте диктатуру рабочих и крестьян, создавайте советскую Германию!»

Часть рабочих и солдатских депутатов приняла с воодушевлением речь Либкнехта. Если бы слова Либкнехта были претворены в дело, тогда бы контрреволюция в Германии не могла так смело и дерзко поднять свою голову, как это постепенно, шаг за шагом, происходило после 9 ноября 1918 г. и в последующие годы. Социал-демократия, имевшая большое влияние благодаря своим вождям, входившим в правительство, предала революцию. Но зато она получила хорошо оплачиваемые должности в государственных и других учреждениях. Этой политикой предательства социал-фашисты взрастили фашизм и умножили те жертвы, которые приходится нести германскому пролетариату.

Спартаковцы, являясь единственно революционной партией в Германии, не сумели обеспечить условий для победы пролетарской революции в Германии, не сумели изолировать социал-демократию и «левое» ее крыло — «независимцев» — от широких рабочих масс, не сумели организовать революционные силы. Основной причиной этого была недооценка контрреволюционной роли социал-демократии, в первую очередь «независимцев», и боязнь раскола и решительной борьбы с «независимцами». Это, как показывают вышеприведенные факты, повело к тому, что спартаковцы, не порвав решительно с «независимцами», облегчили их предательскую работу по дезорганизации сил пролетариата в решающие моменты революции. Революция в Германии потерпела поражение потому, что германский пролетариат не имел крепкой революционной партии, подобной партии большевиков, закаленной в решительной и последовательной борьбе с оппортунистами, способной изолировать рабочие массы от влияния социал-демократии и повести их решительно к пролетарской революции.

Победоносная Октябрьская революция показала германским рабочим, что нельзя делать никаких уступок буржуазии и ее сообщникам. показала, какую роль играет штаб революции — революционная партия.

Пролетариат СССР под руководством партии большевиков водрузил на одной шестой земного шара красное знамя с серпом и молотом. Он строит новый мир социализма, не знающий безработицы и голода. Немецкий и мировой пролетариат под руководством германской коммунистической партии и Коминтерна должен последовать примеру российского пролетариата.

Водрузим же и в Германии знамя Советов, будем бороться за советскую Германию, тесно связанную с СССР, и за окончательную победу мировой пролетарской революции!

БРИГАДА ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ КЭМАКАДЕМИИ

КАК РАБОТАТЬ НАД ИСТОРИЕЙ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

статья первая

Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. и призывом г. Горького положено начало организованному изучению истории фабрик и заводов Советского союза. На это постановление партии откликнулись уже десятки крупнейших предприятий Москвы, Ленинграда, Харькова, Донбасса, Баку, Урала и Сибири. Движение за изучение истории фабрик и заводов уже теперь охватывает многие тысячи передовых пролетариев и целый ряд научных и литературных организаций.

Значение начатого дела огромно. Впервые в таких гигантских масштабах поставлена задача создания истории передового отряда мирового пролетариата — рабочего класса СССР, который на протяжении десятков лет ожесточенно боролся с самодержавием и капитализмом, под руководством большевистской партии пришел к Великой октябрьской революции, отстоял свою диктатуру в вооруженной борьбе с буржуазией, помещиками, кулачеством и империалистической интервенцией и успешно строит социализм.

Впервые за изучение истории российского пролетариата берутся тысячи и десятки тысяч пролетариев, одушевленные желанием создать историю своего великого класса, показать пройденный героический путь борьбы, глубже осознать на основе прошлого его будущее, передать его всемирно исторический опыт международному пролетариату, воспитать на нем молодежь. Изучить опыт революционной борьбы российского пролетариата и сделать его достоянием широчайших масс — это значит выполнить важнейшую революционную обязанность, стоящую перед нами — строителями первого в мире социалистического государства.

за БОЛЬШЕВИКОВСКУЮ ПАРТИЙНОСТЬ в СОЗДАНИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“

История фабрик и заводов только в том случае осуществит свои задачи, если она будет пропитана духом революционного марксизма-ленинизма, если она будет создана на основе большевистского подхода к историческому прошлому. «Внеклассового» освещения исторического процесса нет и не бывает, и «беспартийность» в истории есть на деле буржуазный классовый подход. И мы, борцы за дело пролетариата, за дело коммунизма, подходим к изучению истории нашего класса, крепко держа в руках оружие ленинизма — этого высшего этапа в развитии революционного марксизма. Мы рассматриваем историческое прошлое в свете учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Мы изучаем историю нашего класса для того, чтобы понять и показать, как он пришел к высшей ступени—к диктатуре пролетариата. — как в процессе революционной борьбы российского рабо-

чего класса создавалась большевистская партия, партия нового типа, подлинно революционная партия рабочего класса.

Большевистский партийный подход к историческому прошлому требует рассмотрения его под углом зрения выковывания рабочего класса, превращения пролетариата в самостоятельную политическую силу, создания его политической партии, роста, развития, углубления форм его классовой борьбы, т. е. под углом зрения подготовки его к борьбе за диктатуру пролетариата.

Учение о диктатуре пролетариата составляет основу революционного марксизма-ленинизма, борьба за ее осуществление — основу революционного рабочего движения. Главнейшую особенность своей революционной теории и свою основную заслугу перед рабочим классом Маркс видел прежде всего в том, что он создал учение о диктатуре пролетариата. Вопрос о диктатуре пролетариата является «основным вопросом в ленинизме», его «отправным пунктом» (Сталин). «Ленинизм, — говорит Сталин, — есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности». Таким образом учение о диктатуре пролетариата занимает центральное место в той революционной теории, которою овладевают пролетарские массы, совершающие революционную переделку всего мира.

Отсюда ясно, что большевистский партийный подход к истории рабочего класса заключается прежде всего в том, чтобы рассматривать ее под углом зрения борьбы за диктатуру пролетариата, изучать историю ее завоевания и ее укрепления, изучать историю большевистской партии — партии рабочего класса.

ИСТОРИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ — НЕРАЗРЫВНАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Под этим углом зрения мы рассматриваем историю всего рабочего класса, так же рассматриваем мы и историю отдельного предприятия. Каждая фабрика и завод представляют собою частицу армии пролетариата, борьба ее рабочих против предпринимателя, их революционные выступления являются частью всей классовой борьбы пролетариата.

История рабочего класса не есть простое собрание отдельных историй фабрик и заводов. Она есть история всего класса в целом, всей его политической и экономической борьбы. Российский пролетариат выступал как в е д у щ и й класс революционной борьбы. Каждое его выступление получало громадный отклик в стране и нередко развивалось далеко за те пределы, которые ставили перед собой рабочие предприятия, начавшего борьбу. Ярчайшим примером подобного рода может служить стачка ленских рабочих, расстрелянная царскими палачами, которая началась как экономическое движение ленских рабочих, а исторически оказалась толчком к могучему политическому подъему рабочего движения, ведшего под своей гегемонией крестьянство.

Отсюда ясно, что изучение истории фабрики или завода необходимо вести в неразрывном единстве с изучением истории русского пролетариата как единого класса, что на истории отдельного предприятия надо проследить общий исторический путь русского пролетариата. В истории предприятия мы видим прежде всего преломление этого общего пути, преломление, полное величайшего исторического своеобразия, которое мы стремимся показать с наибольшей конкретностью, ни на минуту не забывая об основном пути всего русского пролетариата. И именно для того, чтобы усвоить своеобразие истории отдельного предприятия, для того, чтобы оценить его заслуги в борьбе за пролетарскую революцию, нужно постоянно видеть перед собой общую линию исторического развития и революционной борьбы рабочего класса.

ратся на историю пролетариата как к л а с с а. Его история должна быть для нас не простым фоном, подобным кулисам у фотографа, не механической вставкой, а органической частью нашей работы. Мы приступили к изучению истории предприятия в тот момент, когда наша страна вступила в период социализма, мы прошли уже огромный путь борьбы, у нас имеется уже огромный опыт, гениально обобщенный учением Ленина и Сталина. И на наше историческое прошлое мы смотрим с точки зрения нашей эпохи, мы оцениваем каждое историческое событие под углом зрения борьбы за диктатуру пролетариата, борьбы за социализм. Мы можем рассматривать историю предприятия, лишь глубоко связывая ее со всей историей российского пролетариата как класса.

Для того, чтобы понять, в чем заключается эта органическая связь, нам нужно посмотреть, каковы были основные черты, характеризующие исторический путь российского пролетариата.

ПУТЬ БОРЬБЫ за ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА

Октябрьская победа, к которой под руководством большевистской партии пришел пролетариат нашей страны, представляет собою исторический итог многолетней и упорной борьбы пролетариата и его партии против самодержавия, против буржуазии, против различного рода правых и «левых» оппортунистических течений, через которые проникало буржуазное влияние на рабочий класс. Этой борьбой заполнена «новейшая история рабочего движения» (Ленин), т. е. период, начатый промышленным подъемом 90-х годов и образованием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — этой первой революционной марксистской организации, установившей прочные связи с рабочими.

История российского рабочего класса до этого новейшего ее периода насчитывает почти 200 лет, из них около полутора столетия падают на эпоху крепостной мануфактуры, около 50 — на период развития промышленного капитализма и формирования промышленного пролетариата. Хотя по своему историческому значению эти два периода неизмеримо ниже последующего, насчитывающего всего 40 лет, все же изучение этих первых этапов борьбы рабочих необходимо для полного понимания последующей истории российского пролетариата. Необходимость эта диктуется тем, что, только поняв всю историю рабочего класса, мы можем понять линию его развития, роста его классового самосознания, превращения его в самостоятельную политическую силу, роста и совершенствования форм его массовой борьбы.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

История рабочих в эпоху крепостной мануфактуры и в первые десятилетия развития промышленного капитализма представляет огромный интерес с точки зрения изучения процессов формирования пролетариата и зарождения его классового самосознания. К ней полностью применимы слова Маркса: «Пролетариат проходит через различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается с самым его существованием». На протяжении XVIII—XIX веков на фабриках и заводах царской России происходит целый ряд крупных забастовок, доходящих иногда до вооруженных столкновений. Уральские рабочие принимают активнейшую, подчас руководящую роль в пугачевщине. Рабочие Петербурга во время восстания декабристов — 14 декабря 1825 г. — поддерживают восставших. Все современники декабристского «бунта» рассказывают о том, что площадь, где расположились восставшие части, была окружена «чернью», издававшей «возмутительные» крики. Когда Николай I попробовал показаться на площади, рабочие строившегося тогда Исаакиевского собора начали бросать в него камнями и поленьями

30-е, 40-е и 50-е годы ознаменованы рядом забастовок, из которых мы знаем лишь о ничтожной доле. В исторической литературе их тщательно замалчивали. Буржуазно-меньшевистские историки относились к ним с презрением, видя в них только «анархическое бунтарство». Один дворянский публицист той эпохи уже писал в связи с революцией 1848 г. во Франции, что в России чувствуется зарождение «тьерзета»¹ и «язвы пролетариата» — этой «самой грозной силы» для «православия, самодержавия и народности».

«Реформы» 60-х годов, во время которых были «освобождены» наряду с крестьянами и крепостные рабочие, также ознаменовываются волнениями рабочих в целом ряде мест. В конце 70-х годов происходит уже ряд крупных стачек. В народническом движении 70-х годов начинают принимать участие первые рабочие-революционеры, самыми крупными из которых были Степан Халтурин и Петр Алексеев. Создаются севернорусский и южнорусский «рабочие союзы». Даже народники, отрицавшие, что в России будет развиваться капитализм и что рабочий класс явится тем революционным классом, который совершит социалистическую революцию (они считали, что революционным классом в России является только крестьянство), даже они были вынуждены признать, что социалистическая пропаганда среди рабочих имеет богатую почву и дает прекраснейшие результаты.

Первые крупные рабочие стачки 1885 г. в Центральном промышленном районе, у Морозова и на других предприятиях находятся как бы на рубеже двух основных эпох в истории российского рабочего движения. Позади них лежит долгая эпоха, когда рабочее движение развивалось стихийно, без ясной цели, без политической партии пролетариата. Борьба рабочих носит пока еще стихийный характер. Это еще не классовая, в точном смысле этого слова, борьба. Движение этого периода носит местный, ограниченный, локальный характер. Оно направлено не против самых основ эксплуатации, а только против ближайшего эксплуататора. Рабочие в этот период в лучшем случае добиваются тех или иных мелких уступок, легко теряемых при неблагоприятной конъюнктуре.

Стачки 1885 г. носят на себе еще черты этой эпохи. Это — «широкие стачки, с ничтожным участием совершенно единичных, не сплоченных никакой организацией, социалистов» (Ленин). Однако значение этих стачек огромно. Они раздались буквально как взрыв в мрачном застенке эпохи реакции. И подаром гнуснейший идеолог русского самодержавия Катков сказал об общественном возбуждении, вызванном этими стачками, что суд над стачечниками представлял собою «сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса».

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В 90-Х ГОДАХ

Со времени стачек 80-х годов рабочее движение неукоснительно идет вверх. Пролетариат, говоря словами Ленина, развивается с поразительной быстротой, переходя от экономической борьбы к политическим демонстрациям, от демонстраций к революционному натиску. Уже под влиянием стачек 80-х годов правительство вынуждено было пойти на экономические уступки и издать первые в России фабричные законы. В 1891 г. происходит первое политическое выступление петербургских рабочих-передовиков: они организованно участвуют в похоронах революционного писателя Шелгунова, вылившихся в противоправительственную демонстрацию. Это тоже еще только выступление небольшой, наиболее сознательной группы рабочих, принадлежащих к с.-д. кружкам. За ними еще нет широкого массового движения. Но уже в 1896 г. происходит в Петербурге стач-

¹ «Третье сословие» — к нему принадлежали во Франции все недворяне, и помещики, третье сословие — для русских реакционеров синоним революции.

на нескольких десятков тысяч рабочих. Это уже «массовое движение с началом уличной агитации, с участием уже социал-демократической организации. Сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководство делают то, что движение приобретает гигантский размах и значение против морозовской стачки» (Л е н и н).

Правительство вновь решило сделать некоторые экономические уступки, однако без значительных результатов. Стачному движению после забастовок середины 90-х годов, как говорит Ленин, было «положено прочное основание».

Рост рабочего движения, переход его на высшую ступень дают могущий толчок проникновению в рабочие массы идей революционного марксизма и влияния социал-демократической рабочей партии. Единичные марксистские кружки, разбросанные по всей России, сплачиваются под идейной гегемонией созданного Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Огромную роль в деле сплочения революционных марксистских сил сыграла брошюра Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», в которой давалась революционно-марксистская критика идей народничества и намечались задачи российского пролетариата.

Первый съезд партии представлял собой первые итоги развития партии и ее борьбы. Однако полицейские преследования, сеть провокаций, ссылка Ленина в Сибирь нанесли тяжелый удар молодому движению. Но оно вновь начало быстро развиваться тогда, когда Ленин приехал за границу и организовал там издание первой революционно-марксистской газеты «Искра».

1902 - 1903 годы — годы быстрого подъема рабочего движения и укрепления революционной «искровской» социал-демократии. Громадная ростовская стачка 1902 г. превращается в выдающуюся политическую демонстрацию. Пролетарское движение, руководимое «искровцами», вырастает в самостоятельную политическую силу. Пролетариат «впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству» (Л е н и н). С этого времени стачки продолжают развиваться все чаще и неизбежно вырастая в политические демонстрации.

Со всей силой сказывается борьба двух тенденций в рабочем движении: революционной и оппортунистической.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЯ — ВОЖДЬ РАБОЧЕГО КЛАССА

В 1903 г. на Втором съезде партии произошел раскол и родилась большевистская партия, партия нового типа, подлинная партия революционного пролетариата. «Большевизм, как политическое течение и политическая партия, существует с 1903 года» — пишет Ленин. Возникновение большевизма означает факт подлинно всемирно исторического значения, открывающий новую полосу в жизни не только русского, но и всего международного пролетариата. Большевистская партия — это партия, представляющая собой авангард пролетариата, неразрывно связанный со своим классом, являющийся его организованным отрядом. Большевистская партия есть высшая форма классовой организации пролетариата. Основанная на началах единства воли, несовместимого с существованием фракций, укрепляющая себя тем, что очищается от оппортунистических элементов, большевистская партия привела пролетариат к октябрьской победе, руководя его борьбой за завоевание, отстаивание и укрепление пролетарской диктатуры.

Она представляет собой замечательнейший образец «новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того,

чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели».

«Без такой партии нечего и думать о свержении империализма».

«Эта новая партия есть партия ленинизма» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 7-е, стр. 88).

Непримиримая борьба против оппортунизма составляет неотъемлемую, органическую черту ленинизма. Этой борьбе большевизм обязан тем, что она привела рабочий класс к октябрьской победе.

С первых же шагов российского рабочего движения буржуазия пытается подчинить его своему влиянию. Сначала ее агентами в рабочем классе выступают «легальные марксисты» (Струве, Булгаков и др.), которые призывают рабочих отдать все свои силы строительству капитализма для того-де, чтобы потом прийти через капитализм к социализму. Когда в результате ленинской борьбы против них они оказываются отрезанными от рабочего движения и быстро превращаются в открытых политических руководителей буржуазии, агентами буржуазии в рабочем классе выступают экономисты. Они уже призывают рабочих отказаться от политической борьбы (в которую быстро перерастало развивавшееся рабочее движение) и ограничиться чисто экономическими требованиями, борьбой «за пятак».

Экономистам не удастся завоевать сколько-нибудь прочного и длительного влияния. Эта ставка буржуазии также оказывается битой. Тогда ее оппортунистическая агентура начинает выступать еще более прикрито, еще более замаскированно и хитро. Агентами буржуазии в рабочем классе выступают меньшевики, начинающие свою борьбу против большевизма с организационно-партийных вопросов.

Спор на Втором съезде партии по 1-му параграфу устава, как это показывают ближайшие же события, таит в себе программные разногласия. Большевизм отстаивает программу, ведущую к победе пролетариата и его диктатуре, меньшевизм же борется за увековечение капитализма и господство буржуазии.

Но почему же именно Россия оказалась очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции?

Ставя этот вопрос, т. Сталин отвечает на него, что это случилось так потому, что Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма. Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна, и только она могла ввиду этого разрешить эти противоречия революционным путем. Царская Россия была очагом всякого рода гнета — капиталистического, и колониального, и феодального, притом в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Интересы царизма и западноевропейского империализма сплетались между собой и сливались в единый клубок интересов империализма. Поэтому революция против царизма неизбежно должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую. Только в России существовала реальная сила — возглавляемый большевистской партией пролетариат, ведущий за собою крестьянство. — та сила, которая могла разрешить противоречия империализма революционным путем.

Поэтому революция в России не могла не стать пролетарской, не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, не могла таким образом не потрясти самые основы империализма. Поэтому же партия пролетариата, партия Ленина, должна была перенести свою революционную борьбу на международную арену и выковать для пролетариев всего мира новое оружие — теорию и тактику пролетарской революции (см. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 7-е, стр. 14—16)

С начала XX столетия Россия превратилась в центр мировой революции. Еще в 1902 г., характеризуя исторические задачи русского пролетариата, Ленин писал:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны. Осуществление этой задачи — разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции—сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (т. V, стр. 138).

Русский пролетариат выступил на арену классовой борьбы в тот период, когда перед Россией стояли еще задачи демократической революции: свержение самодержавия, уничтожение помещичьего землевладения, ликвидация национального гнета. Однако тот факт, что революция на этом первом своем этапе должна была разрешить эти буржуазно-демократические цели, отнюдь не означал ни того, что революция должна ими ограничиться, ни того, что во главе борьбы должна выступать буржуазия, как это утверждали меньшевики.

Гегемоном, руководителем революционных боев был пролетариат. Именно он был тем классом, который один только был способен поднять за собой крестьянство, возглавить его, повести его на борьбу. Он один мог сыграть роль действительно передового класса, поднимающего массы трудящихся на революцию, вовлекающего их в революционную борьбу, воспитывающего их для революционного действия. Своим боевым революционным примером, своей героической борьбой пролетариат будил революцию, развивал ее, укреплял, организовывал ее силы, руководил ею, вел ее к социалистической цели.

Выдвигая на первом этапе революции демократические цели, пролетариат отнюдь не считал своим долгом ограничить революцию буржуазными рамками. Он выдвигал эти демократические цели именно для того, чтобы создать условия для немедленного перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую. Он постоянно помнил, что необходимым условием для его победы является установление союза с крестьянством под гегемонией пролетариата, что он должен возглавлять демократическую революцию для того, чтобы привести ее к революции пролетарской. «Революция у нас всенародная...—говорили большевики, обращаясь к рабочему классу.—поэтому ты должен, как самый передовой и единственный до конца революционный класс, стремиться не только к самому энергичному, но и руководящему участию в ней» (т. VIII, стр. 13). Против этой установки неослабно боролась меньшевика, в их числе Троцкий.

Идея гегемонии пролетариата составляет одно из коренных положений революционного марксизма-ленинизма. Только тот подлинный пролетарский революционер, кто соединяет глубокую трезвость анализа с верой в революционную силу масс, кто убежден в революционной миссии пролетариата, будящего, поддерживающего и возглавляющего революционное движение широких масс.

Объявляя войну русскому капитализму, становясь во главе революционной борьбы русского крестьянства против помещичьего землевладения, выступая как гегемон во всей революционной борьбе, пролетариат этим самым открывал пути для развертывания пролетарской революции.

«Нам удастся...—писал Ленин.—осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предрержащих, а к

полному ниспровержению этих властей. А если это нам удастся,—тогда... тогда революционный пожар зажжет и Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский пролетариат поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»: тогда революционный под'ем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий» (т. VII, стр. 191).

История борьбы российского пролетариата полностью подтвердила правоту революционного марксизма-ленинизма. Если посмотреть на всю эпоху, когда перед Россией на первой очереди дня стояли задачи демократической революции, то мы увидим, что в течение всей этой эпохи гегемоном, руководителем революционной борьбы являлся пролетариат, что все революционные завоевания определены его борьбой.

ПРОЛЕТАРИАТ — ГЕГЕМОН РЕВОЛЮЦИИ

Начало 900-х годов проходит под знаком революционных выступлений рабочего класса, определяющих весь ход революционной борьбы. Под влиянием рабочего движения просыпается крестьянство. Уже в 1903 г. «чувствуется, что мы накануне баррикад» (Ленин). Русско-японская война на время замедляет развертывание движения, но лишь для того, чтобы сделать его впоследствии еще более бурным. Правительственная провокация (зубатовщина и гапоновщина, представлявшие собою попытки полиции овладеть рабочим движением) не может остановить нарастающую революционную волну. Конец 1904 г. ознаменовывается бакинской стачкой, предвещающей революционную бурю. Расстрел 9 января дает небывалый толчок росту пролетарского классового сознания, организованности пролетариата, влиянию его партии. Пролетарское движение сразу поднимается на высшую ступень. Еще утром 9 января рабочие шли с хоругвями и царскими портретами, а уже вечером они воздвигают баррикады, делая знаменем своей борьбы лозунг: «Долой самодержавие».

Революционный 1905 год заполнен развитием революционного движения вширь и вглубь, вовлечением в него широких масс пролетариата, развитием различных форм борьбы рабочего класса, перерастанием низших форм борьбы в высшие: от неорганизованных выступлений—к стачке, от стачки—к восстанию.

Своей революционной борьбой пролетариат, втягивая широкие народные массы в движение, привлекает к борьбе самые отсталые слои, поднимает их против царской монархии, против помещичьего землевладения. Под его влиянием просыпается и растет крестьянское движение и освободительное движение угнетенных царизмом национальностей.

Революция 1905 г., как и всякая революция, развивается волнообразно. Периоды под'ема сменяются периодами упадка, на смену которым вновь наступают периоды под'ема. Общая линия развития свидетельствует о постоянном нарастании движения. Создаются советы. В октябре происходит всеобщая политическая забастовка, которая в декабре перерастает в московское вооруженное восстание, явившееся высшим моментом революции.

«Массовая пролетарская борьба, — писал Ленин, — переняла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года. Движение поднято от всеобщей политической стачки на высшую ступень» (т. VII, стр. 148).

Поражение декабрьского восстания и последовавший за ним разгром пролетариата и его организаций predeterminedли поражение всей революции. Развернувшееся с особенной широтой летом 1906 г. крестьянское движение после разгрома пролетариата потерпело поражение.

Опыт революции 1905 г. с замечательной яркостью и полнотой подтвердил правильность всех установок большевизма и помог широчайшим массам усвоить на собственном опыте необходимость

борьбы за те задачи, которые выдвигали большевики, и теми методами, к которым призывала большевистская партия.

Прежде всего опыт революции 1905 г. полностью подтвердил большевистское учение о движущих силах революции и о гегемонии пролетариата в этой революции. Ясно было, что силой, способной разрешить назревшие в России классовые противоречия, может быть только пролетариат, ведущий за собой крестьянство. «Все те победы, которые одержала наша революция, — писал Ленин, — одержаны всецело и исключительно благодаря непосредственному революционному натиску пролетариата, шедшего во главе непролетарских элементов трудящегося населения» (т. XII, стр. 200).

Борьба рабочего класса была главной пружиной общего направления революционных событий.

«Своей героической борьбой в течение трех лет (1905—1907 гг.), — писал Ленин, — русский пролетариат завоевал себе и русскому народу то, на завоевание чего другие народы потратили десятилетия. Он завоевал освобождение рабочих масс из-под влияния предательского и презренно-бессильного либерализма. Он завоевал себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию, как условие... борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам умение вести революционную массовую борьбу, без которой нигде на свете не достигалось ничего серьезного в прогрессе человечества».

Революция 1905—1907 гг., будучи по содержанию своему демократической, по способам борьбы была революцией пролетарской. Основной формой борьбы ее была стачка, перераставшая в восстание. Пролетариат выполнял свою роль передового класса, поднимающего массы на революцию своими революционными стачками, которые, как говорила одна из резолюций большевистской партии, являлись «одним из самых действительных средств для преодоления апатии, отчаяния и распыления сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства и вовлечения его в возможно более дружные, одновременные и широкие революционные выступления».

Своими стачками рабочий класс вовлекал в революционные выступления массы трудящихся, воспитывал их для революционной борьбы и своим примером показывал, как нужно вести эту борьбу.

Именно потому, что в России на очереди дня стояли задачи демократической революции, именно поэтому не только политические, но и экономические стачки рабочих имели общенародное значение, общенародный характер. Своими стачками, являвшимися главным двигателем революционного развития страны, пролетариат выступал как гегемон революции.

Это свое значение стачечная борьба российского пролетариата сохранила и после революции 1905—1907 гг. «В рабской азиатской царской России, — писал Ленин в 1913 г., — России, которая подходит в следующей буржуазно-демократической революции, политическая стачка есть единственное серьезное средство расшевелить, раскалить, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска! Революционный пролетариат нашел себе в пятом году: «путь в народ», средство втягивать в движение массы. Это средство — революционная стачка, упорная, перебрасывающаяся с места на место, из одного конца страны в другой, стачка повторная, — стачка, поднимающая стальных к новой жизни борьбой за экономические улучшения, — стачка, клеймящая и бичующая всякий выдающийся акт насилия, произвола, преступления царизма, — стачка-демонстрация, развертывающая красное знамя на улицах столиц, несущая революционные речи и революционные лозунги в толпу, в народную массу» (т. XVI, стр. 243—244).

Таковыми стачками, в которых пролетариат выступал как гегемон революции, были стачки кануна первой революции, стачки 1905—1907 гг., такими же были стачки эпохи нового подъема 1912—1914 гг. Основным, характеризующим все эти стачки, является, наряду с общенародным их характером, то, что они перерастают в высшие формы борьбы рабочего класса — в открытые уличные выступления, в вооруженное восстание.

ПОДЪЕМ 1912—1914 гг.

Стачечное движение эпохи 1912—1914 гг. проходит на значительно более высоком уровне, чем стачечное движение кануна революции 1905 г. и отчасти самого 1905 г. Оно быстро принимает подлинно всероссийский характер, развивается в организованных формах, в нем проявляют себя с замечательной отчетливостью и яркостью все присущие пролетариату черты его классово-борьбы, и наконец — что является главным и определяющим — оно идет под руководством большевистской партии, осуществляемом в огромной своей части большевистской «Правдой». Недаром эта эпоха революционного подъема получила название «правдистской».

Большевистское руководство революционной борьбой рабочего класса составляет необходимое, непеременимое условие победы пролетариата, и отсюда ясно, какое огромное, всемирно историческое значение имеет борьба Ленина за создание большевистской партии и как важно для нас при изучении истории пролетариата концентрировать наше внимание на процессе большевизации рабочего класса.

Эта большевизация протекала в различных формах, и мы не должны для эпохи, предшествовавшей революции, считать движение большевистским только в тех случаях, когда во главе его непосредственно стоят большевики. Для того, чтобы понять процесс большевизации пролетариата, нужно каждое выступление рабочих рассматривать также и с точки зрения его общего исторического значения и общей исторической направленности, и тогда мы увидим, что в целом ряде случаев, даже те выступления рабочих, которые формально непосредственно не были руководимы большевиками, шли в общем по большевистскому пути, ибо они были подготовлены борьбой большевистской партии и шли по пути борьбы за диктатуру пролетариата. Недаром Ленин писал о том, что в 1905 г. российский пролетариат стал «поголовно социал-демократическим», т. е. большевистским; недаром весь подъем рабочего движения в 1912—1914 гг. протекал под руководством большевистской партии и ее центрального органа — «Правды».

Работа большевиков в массах, их борьба за революционное направление борьбы рабочего класса, их борьба против оппортунизма составляет коренную пружину всего рассматриваемого нами периода, и отсюда ясно, с какой любовью и вниманием должны мы собирать все факты, относящиеся к деятельности большевиков, и какое огромное значение имеет эта работа для истории пролетариата.

Под руководством большевистской партии рабочее движение 1912—1914 гг. протекает под знаком непрерывного подъема, перерастания в высшие формы борьбы рабочего класса, и к июлю 1914 г. питерский пролетариат переходит к открытой уличной борьбе. В Петербурге строятся баррикады. И только начало империалистической войны отодвигает начало неизбежной революции.

Годы войны — это годы новой подготовки революции. В начале войны волна рабочего движения резко спадает. Но уже скоро рабочий класс вступает в первые схватки — стачечное движение возрождается, ра-

есть, — и в феврале 1917 г. пролетариат, ведя за собой армию — это крестьянство, переодетое в солдатские шинели, — ведя за собой деревню, совершает победоносную демократическую революцию.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

Февральская революция представляет собой первый этап на пути к социалистической революции. Пролетариат не может задержаться на этом этапе и должен тотчас же перейти к борьбе за перерастание этой демократической революции в революцию социалистическую. За это перерастание борется большевистская партия.

Февральская революция была буржуазно-демократической по своему объективному содержанию; она была однако при этом такой революцией, в которой гегемония принадлежала пролетариату.

Что значит тот факт, что гегемония принадлежала пролетариату? «Гегемония пролетариата, — говорит т. Сталин, — была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата».

Вся история февраля — октября 1917 г. есть история борьбы рабочего класса под руководством большевистской партии за перерастание буржуазно-демократической революции (Февральская революция) в социалистическую, борьбы за пролетарскую революцию. Под этим углом зрения следует рассматривать и историю событий на каждом предприятии. История предприятия должна на конкретном материале показать преломление общих процессов революционной борьбы. Важнейшее тут — выяснение условий роста массового рабочего движения, подготовка и проведение вооруженного восстания (высшая форма классовой борьбы пролетариата), высвобождение масс из-под влияния мелкобуржуазных, соглашательских партий — эсеров и меньшевиков, — ставших после февраля главной социальной опорой империализма, завоевание большевистской партией большинства рабочего класса для победоносной пролетарской революции.

Рабочий класс боролся и победил потому, что он имел во главе закаленную в боях с оппортунизмом последовательно-революционную, марксистскую большевистскую партию, родившуюся еще до демократической революции.

Тов. Сталин в своем предисловии к книге «На путях к Октябрю» выясняет те условия, при которых большевизм, ведя рабочий класс, пришел к октябрьской победе. Каждый, изучающий и пишущий историю предприятия, должен тщательно изучить, продумать эту статью, являющуюся руководством к боевым революционным действиям международного пролетариата. Не усвоив глубоко указаний Сталина, нечего и думать о том, чтобы написать большевистскую научную историю предприятия.

Октябрь — рубеж в истории человечества. 1917 год, как писал Ленин, открыл новую главу всемирной истории. Началась новая историческая эпоха.

РАБОТА НАД ИСТОРИЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Цель изучения истории рабочего движения на данном предприятии состоит в том, чтобы показать во всей сложности и конкретности путь, которым данный отряд рабочего класса под руководством партии большевиков пришел к Октябрьской революции и строительству социализма. Это — задача в высокой степени сложная и трудная. Ее удачное, правильное решение мыслимо только при условии наиболее полного воссоздания фактической картины революционного движения на одном предприятии

и—это решающее—большевистского анализа и большевистского освещения этого фактического материала.

Нужно показать рабочий класс дооктябрьского периода не только как класс, подвергавшийся жесточайшей эксплуатации и политическому гнету, но прежде всего как класс, протестующий и борющийся против этой эксплуатации и гнета, как класс-гегемон, в силу самого его положения при капитализме единственный до конца революционный класс.

Рабочее движение должно быть изучено на всех этапах существования данного предприятия: от первых стихийных вспышек протеста против наиболее грубых, хищнических приемов эксплуатации до планомерной организованной классовой борьбы с капитализмом и самодержавием.

Взаимоотношения рабочих и капиталистов, рабочих с технической интеллигенцией, рабочего класса и крестьянства, рабочих и агентов царского самодержавия, рабочих и представителей церкви и т. д.—все это должно найти свое отражение при изучении рабочего движения. Должны быть изучены такие вопросы, как экономическое и правовое положение рабочих, условия их труда и быта, вопросы применения фабричного законодательства и т. п.

При изучении рабочего движения необходимо постоянно иметь в виду марксистско-ленинское учение о стихийности и сознательности. Необходимо постоянно учитывать абсолютно четкое указание Ленина на то, что стихийное рабочее движение само по себе не в состоянии выработать революционной социалистической теории и не идет дальше тредюнионизма¹.

Рабочее движение развивается в подлинно классовую революционную борьбу за власть с самодержавием и буржуазией не стихийно, не автоматически, не только в силу «объективных тенденций» развития классовой борьбы пролетариата, а под могучим воздействием и руководством революционной партии пролетариата — большевиков. Без этого воздействия и руководства движение не переходит за рамки чисто экономической, профессиональной борьбы, без чего немисливо завоевание диктатуры пролетариата.

Исключительное внимание должно быть уделено изучению истории большевистской организации на данном предприятии. Все, что связано с этой стороной дела, должно быть наиболее полно освещено.

История партийной организации на предприятии до Октябрьской революции изучается таким образом вместе с изучением рабочего движения в целом. Необходимо особенно стремиться раскрыть процесс классового и политического пробуждения пролетариата на данном предприятии и роль в этом процессе большевистской организации.

При изучении движения в ближайшие два десятилетия к Октябрю особое внимание следует уделить росту классового самосознания рабочих в эпоху первой революции (1905—1907 гг.). Для изучения путей большевизации рабочего движения крайне важен и интересен период между двумя революциями (1905—1917 гг.) и в особенности период перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую (от февраля до октября 1917 г.). Следует также основательно изучить деятельность (по-скольку она вообще имела место) антипролетарских мелкобуржуазных политических партий и организаций (меньшевиков, эсеров, анархистов и др.) среди рабочих данного предприятия и на конкретных примерах вскрыть антиреволюционную, несоциалистическую природу этих партий.

Необходимо на истории отдельных предприятий показать, какими иногда сложными и зигзагообразными путями шли рабочие к своей ок-

¹ См. например Ленин. Что делать и речь о роли партии на II конгрессе Коминтерна.

габрьской победе. Революционное движение на данном предприятии должно быть показано со всеми его трудностями и временными отклонениями, вызванными той обстановкой, в которой боролся весь пролетариат, и специфическими местными условиями.

Для выяснения типа изучаемого рабочего движения нужен анализ форм и методов борьбы с точки зрения их экономического или политического характера и выяснение динамики перерастания одних форм борьбы в другие. Чрезвычайно опасен разрыв или противопоставление экономической и политической борьбы, механический подход к ее изучению. «Экономические и политические стачки находятся в самой тесной связи» Ленин, т. VII, стр. 48).

Существенное значение имеет выяснение связи революционного движения на предприятии с борьбой крестьянства. Важно показать, как иногда отдельный рабочий коллектив политически вырос до роли руководителя крестьянского движения.

Национальная проблема играет большую самостоятельную роль при изучении рабочего движения на фабриках и заводах, расположенных в национальных республиках. Для них должны быть выработаны программы с ясным показом роли и характера национального момента и его связи с классовой борьбой пролетариата.

История рабочего движения на фабрике или заводе дается на основе общей периодизации истории всего рабочего движения. Материал изучается по основным хронологическим эпохам в развитии предприятия. В основу периодизации лучше всего взять смешанный принцип: давая историю предприятия по основным экономическим этапам, сочетать их с основными этапами политического развития. Таким образом мы будем историю заводов рассматривать в рамках основных этапов хозяйственного и политического развития, не отрывая политики от экономики. Ниже публикуемая программа строится на этом принципе. Рекомендуется для предприятия с большим прошлым дать очерк крепостной мануфактуры и переходного периода от мануфактуры к фабрике. В эпоху промышленного капитализма освещается история предприятия к моменту реформы 1861 г. и после нее (60—80-е годы). Далее годы расцвета промышленного капитализма и подъема массового рабочего движения (90-е годы), годы промышленного кризиса и вступления в эпоху формирования монополистического капитализма (самый конец 90-х и начало 900-х годов).

История предприятия в годы развития финансового капитализма располагается по таким этапам: революция 1905 г., период депрессии и политической реакции (1908—1911 гг.), предвоенный промышленный подъем (1911—1914 гг.). История борьбы рабочих за пролетарскую диктатуру в 1917 г. должна быть выделена, причем предприятие в период Февральской революции и перерастания буржуазно-демократической революции, а затем роль предприятия в завоевании власти в Октябрьскую революцию должны быть изучены особенно подробно.

Однако не исключается возможность, а иногда и необходимость восстановления картины стачечного движения на данном предприятии в целом за весь исторический период. При этом рекомендуется составлять таблицы движения как за все время, так и по отдельным периодам. Интересно дать статистику стачек и количество стачечников по полу, возрасту, квалификации, по цехам и производствам, а также выяснить их процентное отношение к общим данным по району и по всей России для сравнения участия в борьбе рабочих данного производства с другими и для определения их места и роли в общепролетарском движении.

Изучение истории фабрик и заводов включает в себя и технико-экономическую историю исследуемых предприятий. Едва ли нужно доказывать, что без выяснения основных моментов в истории развития крупной промышленности в России нельзя создать подлинно научную историю пролетариата и его движения. Не нуждается в доказательстве и то, что эконо-

номия предприятия до известной степени (но именно только до известной степени) зависит от ход развития рабочего движения на нем.

Изучение экономики дореволюционного предприятия не дает конечно возможности делать широкие обобщения, но зато дает другую возможность: конкретизировать общие явления экономической жизни дореволюционной России. А очерки экономики отдельных предприятий в совокупности дают значительный и интереснейший материал для решения ряда проблем экономической истории бывшей Российской империи. На примере предприятия можно получить более детальное представление, как протекало развитие основных этапов промышленного капитализма в России и как накапливались предпосылки для перехода к социалистическому способу производства.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

К изучению технико-экономической эволюции предприятия исследователь-марксист, само собой разумеется, не может подходить с точки зрения буржуазной «объективности».

Нам при изучении предприятия важно не просто показать его технико-экономическую структуру, но показать ее под определенным классовым углом зрения. Техническое развитие предприятия должно изучаться не изолированно, не в качестве самодовлеющего фактора, а в непосредственной связи с экономическим развитием предприятия, с общей характеристикой условий и развития классовой борьбы на данном этапе.

Маркс, придававший изучению проблем технического развития громадное значение, изучал технику и тенденции ее развития с точки зрения ее последствий для рабочего класса, для условий его труда и для перспектив его борьбы за освобождение от капиталистической эксплуатации. Не следует забывать об общественном и классовом характере техники. Техника, орудия производства неотделимы от труда и следовательно от революционной роли пролетариата. «Из всех орудий производства величайшей производительной силой является сам революционный класс. Даже самое грандиозное сооружение бессмысленно, если оно бездействует, т. е. если человеческий труд не оживляет остановившееся предприятие» (Маркс, Ницета философии).

Ленин, придававший изучению экономической истории России огромное значение и посвятивший ее научному исследованию целый ряд работ, особенно настойчиво подчеркивал необходимость конкретного анализа форм и методов эксплуатации, ибо на этой основе только и возможно было построение подлинно научной, конкретно-исторической обоснованной программы пролетарской партии.

«Теоретическая работа ее (революционной социал-демократии) должна будет при этом, — писал Ленин в 1894 г., — направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития, она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»¹.

¹ Ленин, т. I, стр. 206—207 (по первому изданию) Размышления автора. По второму изданию — стр. 191.

Таким образом, чтобы был ясен «выход из этих абридок», основной установкой при изучении экономики предприятия должно быть выявление экономической основы эксплуатации в условиях крепостничества, на различных этапах капитализма в данном районе, в данной отрасли промышленности.

В своем анализе происхождения капитализма Маркс подчеркивает роль эксплуатации как основы капиталистического строя, как базы всякого способа производства, основанного на частной собственности. «Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капитал, — говорит он, — было рабство рабочего. Развитие это состояло в том, что порабощение это изменило свою форму в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую»¹. Это исходное положение Маркса — «капиталистическая особенность покоится на эксплуатации чужого, хотя формально и свободного труда» — должно быть руководящим принципом для всякого исследователя-марксиста, изучающего экономическое развитие как капиталистического общества в целом, так и отдельное капиталистическое предприятие.

Марксистско-ленинский метод обязывает исследователя, работающего над экономической историей отдельного предприятия, исходить из общего анализа капиталистического общества, анализировать экономическую эволюцию данного предприятия в неразрывной связи с экономическими явлениями, присущими на данном этапе всему хозяйству страны, в подчинении общим законам развития капитализма. Необходимо при этом решительно бороться с буржуазной методологией, выдвинувшей «учение о предприятии» (искусственно изолируемом) в специальных целях скрыть за отдельными фактами истории «преуспевающего предприятия» противоречия и неизбежную гибель капиталистической системы хозяйства в целом.

Однако это вовсе не требует обезличивания экономической истории изучаемого предприятия. Его особенности не только не должны быть замалчиваемы, но, наоборот, должны быть оттенены и объяснены².

При изучении дореволюционной экономики предприятия следует категорически предостеречь исследователей развития эксплуатации против вульгаризации и попыток грубо механистического перенесения законов, установленных Марксом для капиталистического хозяйства в целом, на отдельное предприятие. Так например абсолютно невозможно установить для отдельного предприятия массу и норму прибавочной стоимости, поскольку они могут быть установлены только в пределах капиталистической системы в целом.

В понятие экономики предприятия входит вопрос о производстве, оборудовании, энергетике, вопросы рынка, сырья и сбыта, кредита, накопления капитала, вопросы прибыли и заработной платы.

Освещение всех этих вопросов должно быть таково, чтобы оно с максимальной полнотой и яркостью вскрывало картину эксплуатации рабочих. С этой точки зрения важнейшее значение приобретает изучение прибыли и заработной платы.

При анализе прибыли следует иметь в виду, что предприниматели очень часто относили в сумму расходов по предприятию и такие расходы, которые к предприятию, как таковому, не имеют ни малейшего отношения: жалование чинам полиции, «приношения» церкви и монастырям, благотворительность и т. п. При изучении прибыли предприятия нужно вскрыть и ее распределение (производительное и непроизводительное

¹ «Капитал», т. I, ГИЗ, 1923 г., стр. 709.

² Так например по тому или иному отдельному предприятию в известный промежуток времени мы можем встретиться с довольно высокой (по сравнению с аналогичным предприятием) заработной платой или с значительно более коротким рабочим днем. Замечать такие факты нет никаких оснований. Но дать им объяснение должно.

потребление прибыли), дивиденды, процесс накопления в связи с благоприятной или неблагоприятной конъюнктурой. Важно осветить значение займов, роль промышленного кредита и вложения иностранного капитала.

Следует заметить, что, как правило, предприниматели скрывали подлинные размеры своих прибылей, и это обстоятельство необходимо иметь в виду, в особенности в тех случаях, когда источником для изучения этого вопроса служат не материалы фабрично-заводского архива, а официальные отчеты (опубликованные в прессе или поданные в правительственное учреждение).

В отношении заработной платы необходимо изучение ее размеров и форм, сравнение ее с заработной платой по данной отрасли промышленности вообще и по району, в котором расположено предприятие в частности. Необходимо дать данные о движении заработной платы и прибыли за весь период существования предприятия или по крайней мере за более или менее длительный отрезок времени. В противном случае эти данные будут представлять весьма малую ценность.

Далее: чрезвычайно интересно изучить вопрос о соотношении движения прибыли и уровня заработной платы как некотором показателе тенденции роста эксплуатации. Однако следует самым решительным образом предостеречь против попыток иллюстрировать на этом материале (отдельного предприятия) распределение национального дохода, учитывать долю рабочего в этом доходе. Такая попытка была бы столь же несостоятельна, как и исчисление для отдельного предприятия прибавочной стоимости.

При общем росте обнищания пролетариата в масштабе всей страны заработная плата по отдельным предприятиям (а иногда даже на некоторое время и по целым отраслям промышленности) может возрастать. Ленин это блестяще показал, анализируя данные по обследованию фабрик и заводов в 1908 г.¹

При изучении движения зарплаты на предприятии обязательно должны быть учтены такого рода факторы, как наличие резервной армии труда, существование и рост которой (неизбежный в условиях капитализма) оказывает сильнейшее влияние на условия труда и приводит к относительному и абсолютному ухудшению материального положения рабочих. Внимательному изучению должны быть подвергнуты и колебания в заработной плате в связи с годами промышленных кризисов и подъемов.

Наряду с анализом технико-экономической основы эксплуатации надо с максимальной полнотой и яркостью показать и самые методы и формы эксплуатации: условия найма, рабочий день и т. д. и т. и. При этом должна быть дана дифференцированная характеристика форм эксплуатации, определяемых как общим социально-экономическим строем страны, так и типом предприятия.

Машина при капитализме приводит к усилению эксплуатации, падению заработной платы, росту безработицы и к обнищанию рабочего класса. Усиление эксплуатации в условиях капиталистического «прогресса» сказывается не только на условиях физического труда, но и на духовной жизни рабочего.

На старых предприятиях, переживших этап перехода от ручного к машинному производству, следует особенно тщательно и всесторонне изучить этот переход и все изменения, которые повлекло за собой внедрение машин в производство.

При изучении развития техники в капиталистическом предприятии следует подчеркнуть глубокую диалектическую противоречивость этого развития: превращение всех технических действий, которые могли бы облегчить труд работника, увеличивая одновременно производительность его труда, в прямое и непосредственное орудие для усиления его exploa-

¹ Ленин, т. XVI, статья «Заработок рабочих и прибыль капиталистов в России».

тации, поскольку этот технический процесс происходит в условиях капиталистического способа производства. В условиях капитализма «все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производства». Эти общие положения учения Маркса о технике надо иметь в виду и при изучении отдельного предприятия, чтобы не впасть в голый техницизм и не заняться «объективным» описанием технического прогресса без учета экономики и классовой борьбы, что неизбежно привело бы исследователя к вульгаризации марксизма, к подмене марксовой методологии богдановщиной и т. п.

Нужно на конкретном материале изучаемого предприятия показать, что при капитализме самая совершенная машина ни на йоту не улучшает положение рабочего, а, наоборот, всемерно ухудшает его при капитализме. «Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания»¹.

В отношении изучения технического развития предприятия в условиях русского капитализма кроме указанных общеметодологических положений следует учесть и ряд факторов, связанных с особенностями развития капитализма в России.

Исследование технической эволюции на изучаемом предприятии надо строить под углом зрения того, как промышленное развитие капиталистической России отставало и догоняло в техническом отношении передовые капиталистические страны, т. е. следует учесть весь тот противоречивый процесс, в результате которого «мы отстали в техническом отношении на 50—100 лет» (Сталин). С этой целью на каждом этапе развития предприятия необходимо дать сравнение уровня техники (оборудование, его конструкция и мощность, организация и методы производства, производительность труда) изучаемого предприятия с развитием техники в данной отрасли промышленности того же периода в России и за границей.

Тщательному изучению подлежит и экономическая политика капиталистов-предпринимателей, в особенности за период до начала мировой империалистической войны, до Октября. «Пусть всякий рабочий. — писал Ленин в 1917 г., характеризуя политику капиталистов, направленную к разрушению производства и тем самым к ухудшению пролетариата костлявой рукой голода», — который знает и понимает, что делается по этой части на его фабрике, пусть всякий банковский, фабричный, торговый служащий, не вполне равнодушный к гибели страны, пусть всякий инженер, статистик, бухгалтер напрягут все усилия, чтобы собрать хотя бы по частям точные, по возможности документальные данные об этой вакханалии мародерства, т. е. о ценах и прибылях. Разоблачение капиталистов есть первый шаг к обузданию капиталистов».

Теперь, когда Октябрьская революция широко раскрыла двери всякого рода «секретных» архивов, мы в состоянии дать с максимальной полнотой эту картину «вакханалии мародерства» русской буржуазии в союзе с самодержавием, этого бешеного грабежа трудящегося населения России и прежде всего пролетариата.

В период февраль—октябрь 1917 г. шел ускоренный процесс разрушения производительных сил страны и обнищания масс.

«Основной причиной экономического развала является несоответствие между состоянием производительных сил и теми требованиями, которые предъявляет империалистическая война. Особенно резкое несоответствие имеется в России благодаря относительно низкому уровню развития производительных сил и несовершенству их экономическо-технической организации» (из резолюции VI съезда ВКП(б).

¹ «Капитал», т. I, стр. 403.

Рост разрухи усугубляется политикой буржуазии, ведущей политику работника и скрытых локаутов, остановки предприятий. В это же время шел и параллельный процесс перехода масс от «добросовестного оборончества», от надежд на соглашения с буржуазией к борьбе «за власть советов». Шла острая борьба на предприятиях. Буржуазия боролась с «самочинными» попытками фабзавкомов регулировать производство. Рабочие организации делали попытки осуществить рабочий контроль и явочным порядком захватывали права. Шла ожесточенная борьба за массы в низовых рабочих организациях между большевиками и мелкобуржуазными партиями (меньшевики и эсеры).

Осенью 1917 г. рабочий класс практически готовился под руководством большевиков к ликвидации диктатуры контрреволюционной буржуазии. Все формы революционной борьбы пролетариата представляли собой подготовку к вооруженному восстанию, — и это нам необходимо прежде всего помнить при изучении истории предприятия в эту эпоху. Руководство большевистской партии, изоляция соглашательских партий, подготовка вооруженного восстания для завоевания диктатуры пролетариата — таковы основные моменты истории предприятий на их пути к Октябрю.

Мы должны показать, как класс капиталистов, вооруженный многолетним опытом управления промышленностью, огромным инженерно-техническим аппаратом, поддерживаемый мощью государственной власти, питаемый огромными финансовыми субсидиями «союзников», привел страну на край гибели, бросил ее в объятия голода; иначе говоря, мы должны дать картину краха капитализма и капиталистов. Этот документально обоснованный приговор с особой силой подчеркивает гигантское значение Октябрьской социалистической революции и нашего социалистического строительства.

Два мира — мир капитализма и мир социализма — по этой линии могут и должны быть противопоставлены особенно резко и рельефно. Это противопоставление с необыкновенной яркостью и силой покажет гигантские преимущества социализма и огромную творческую инициативу и энергию пролетариата, сбросившего с себя цепи капиталистического рабства. Стержневой вопрос, вокруг которого разворачивается изучение капиталистического предприятия, есть вопрос о том, как произошло, что такая «средне-отсталая», как говорил Ленин, сравнительно с другими капиталистическими странами первая совершила победоносную социалистическую революцию, вступила потом в результате долгой и упорной борьбы в период социализма, утвердилась прочно на социалистическом пути, стала строить бесклассовое социалистическое общество, являясь базой международной пролетарской революции. *

Бригада Института истории Комкадемия

ПРОГРАММА

изучения истории предприятия до Октябрьской революции

Краткий очерк вначале посвящается истории возникновения предприятия. Он состоит из описания момента и условий его возникновения и из общей характеристики предприятия в связи с развитием данной отрасли промышленности.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КРЕПОСТНОЙ МАУФАКТУРЫ

Если предприятие пережило крепостнический этап, следует дать его сжатый истори-

ческий очерк примерно по следующей схеме.

1. Происхождение и общая характеристика крепостной мануфактуры (здесь необходимо выяснить, является ли данное мануфактура военной, казенной, помещичьей). Классовая принадлежность основателей и владельцев мануфактуры. Происхождение капитала, использованного на основание данного предприятия. Техническое оборудование предприятия и произв. 17

командные этого оборудования (русское или иностранное). Источники сырья и рынок сбыта. Размеры торгового оборота и прибыли. Число рабочих, занятых на предприятии. Место данного предприятия в системе других предприятий той же отрасли промышленности (является ли оно отсталым, передовым или типично-средним для своей эпохи).

Вторым чрезвычайно важным моментом, подлежащим возможно более полному выяснению, является вопрос об источниках концентрации рабочей силы данного предприятия. Здесь может быть целый ряд вариантов: насильственный и полный отрыв от земли с прикреплением к предприятию, частичный отрыв от земли, так называемые «кабальные рабочие» (из помещичьих крестьян), докучные к фабрикам и заводам, рабочие, полученные через насильственное прикрепление к предприятию беглых, уголовных, сирот и т. п.; рекрутчина для обслуживания рабочей силой казенных предприятий; вольнонаемный труд (если он имел место на предприятии). Если предприятие целиком или по преимуществу базируется на эксплуатации вольнонаемного труда, то следует попытаться выяснить, из каких элементов населения страны набираются эти вольнонаемные рабочие (помещичьи крестьяне, состоящие на оброке, монастырские крестьяне на том же положении, государственные крестьяне, различные категории городского населения). Квалифицированный труд и его роль. Иностранцы рабочие (если они были) и их роль на крепостном и вольнонаемном предприятии.

2. Система и формы эксплуатации. Господство ручного труда. Его организация и эксплуатация. Единовластие и произвол предпринимателя, ведущего хищническое хозяйство. Беспощадная эксплуатация рабочих, в особенности различных категорий несвободных рабочих (составлявших подавляющее большинство). Условия труда. Длина рабочего дня. Система оплаты. Заработная плата и ее форма. Жилище и питание рабочих. Уровень их культурного развития. Полное бесправие рабочих. Регулярная и постоянный надзор за рабочими со стороны предпринимателя и правительственных органов. Роль цехов в эксплуатации рабочих.

Особо следует выяснить вопрос о детском и детском труде на предприятии.

3. Классовая борьба на крепостном предприятии. Хищническая, безудержная эксплуатация рабочих в рассматриваемую эпоху вызывала со стороны последних сопротивление. Все, даже самые мелкие факты из этой области должны быть собраны

и освещены в истории предприятия с максимальной тщательностью и полнотой.

Характер и формы борьбы рабочих: бегство, челобитные, жалобы правительственным властям, «холоки» и т. п. Стихийные бунты, сопровождавшиеся разрушением материальных элементов предприятия (промышленные здания, оборудование) и избиением (иногда убийством) наиболее ненавидимых представителей властей предпринимательских или правительственных. Требования, выдвинутые в период рабочих волнений. Результаты борьбы. Правительственные власти, предприниматель и церковь как единый блок для удушения рабочих. Факты расправы.

Общий анализ движения рабочих в крепостную эпоху: полукрестьянский характер этого движения, отсутствие в нем сознательности и организованности.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПРЕДПРИЯТИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ФАБРИКЕ¹.

(Предприятие на первом этапе промышленного переворота)

Если предприятие возникло в переходный от мануфактуры к фабрике период, то рекомендуется дать краткий исторический очерк его примерно по следующей программе:

1. Происхождение и общая характеристика данной мануфактуры. Техническая и экономическая организация предприятия — ручной труд как техническая основа производства. Удельный вес предприятия в той отрасли промышленности, к которой оно относится.

Связь предприятия с домашней промышленностью. Размеры этой связи: формы ее непосредственной эксплуатации домашних рабочих, эксплуатация их посредством скупщиков и мастеров-сметельщиков и т. п.

Разделение труда внутри мануфактуры и организация производственного процесса. Роль ее правления как централизованной организации.

¹ Хронологический промышленный переворот в Российской империи охватывает период времени приблизительно в 30-х до 90-х годов прошлого столетия. В текстильной промышленности (прежде всего в хлопчатобумажной) он начинается ранее, чем в других отраслях. В металлургии начало промышленного переворота (для России) относится к самому концу 40-х годов, однако решающие шаги здесь были совершены не ранее 60--80-х годов.

бочей силы и формы ее создания. Общая характеристика состояния предприятия к моменту перехода от мануфактуры к фабрике.

Внедрение машинной техники. Когда и какие именно машины появляются на изучаемом предприятии; в каком количестве и какого происхождения (русские, иностранные). Перемесы, внесенные на предприятие машиной. Насколько быстро проникла машина в данное предприятие: механизация основных процессов производства со времени внедрения первых машин, происходит ли она сравнительно в короткий срок или затягивается на ряд десятилетий. Является ли данное предприятие по введению машин передовым, типично-средним или отсталым. Если предприятие относится к последнему типу, т. е. долгое время сохраняет ярко выраженные черты мануфактуры, следует выяснить и обрисовать те способы, которыми оно борется с технически передовыми фабриками (например переключение на производство изделий, не изготовляемых при помощи машин, усиление эксплуатации и т. п.).

Революционизирующее влияние машин: ускорение процесса производства, повышение производительности труда и т. п.

Данные о динамике продукции предприятия. Организация сбыта (оптовая и розничная торговля, сбыт на ярмарках и т. п.).

Развитие кредита и его примитивные формы.

2. Система и формы эксплуатации в этот период. Методы и формы эксплуатации рабочих в предприятии переходного типа (от мануфактуры к фабрике). Близость к их приемам эксплуатации предыдущей эпохи, в особенности на предприятии, слабо затронутом промышленной революцией. Господство так называемых «трик-систем» (хозяйские харчи, фабричная лавка, принудительная расплата товарами и так называемыми «фабричными марками», суррогаты денежных знаков, выпускавшиеся самими фабрикантами и заводчиками и принимавшиеся только в лавках предприятия, нередко к тому же еще нарицательной стоимости). Принудительные лотереи, обязательные «квартиры» и т. д.

Длинный рабочий день. Низкая заработная плата. Штрафы как источник добавочной прибыли и как орудие, при помощи которого предприниматель пытался установить рабочее послушание рабочих. Фабрично-заводская полиция. Грубое обращение с рабочими. Полная незащищенность труда от эксплуатации.

Влияние машин на положение рабочих. Снижение заработной платы вследствие вытеснения машиной квалифицированного ручного труда и замены его трудом неквалифициро-

ванным и малоквалифицированным. Удлинение рабочего дня и интенсификация труда. Широкое вовлечение в производство женщин, подростков и детей. Колоссальная эксплуатация этих категорий рабочих. Рост так называемых «несчастных случаев» на предприятии в связи с внедрением в него машин, не сопровождавшимся постановкой техники безопасности.

3. Классовая борьба рабочих в рассматриваемую эпоху (до «освободительной» реформы 1861 г.). Характер форм борьбы рабочих против крепостнических (если предприятие базировалось на крепостном труде) и полукрепостнических, кабальных условий труда (если предприятие существовало на эксплуатации вольнонаемного труда). Рабочие волнения и бунты. Требования рабочих, выдвинутое в этих выступлениях. Форма, в которую облеклись эти требования. Есть ли, и если есть, то в чем выражается отличие в движении рабочих в годы, предшествовавшие реформе, от движения предыдущей эпохи.

Борьба рабочих против применения закона 18 июня 1840 г., проектировавшего «освобождение» приписанных к предприятиям рабочих путем полной экспроприации их имущества (это относится только к тем из предприятий, которые были тогда посессионными).

Отражение крупнейших политических событий в стране на изучаемом предприятии (было ли например рабочим известно о восстании декабристов и как они относились к этому событию). Отношение рабочих к восточной войне (1853—1855 гг.). Отношение к проектам «освобождения» крестьян. Рабочие волнения в связи со слухами о «воле» накануне падения крепостного права. Применение военной силы в подавлении этих волнений. Типы вожаков рабочих этого периода.

РАЗДЕЛ II

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Изучение истории предприятия в эпоху промышленного капитализма располагается по следующим этапам:

1. Предприятие в момент и после реформы 1861 г. (60—80-е годы).

2. Предприятие в годы расцвета промышленного капитализма и подъема массового рабочего движения (90-е годы).

3. Предприятие в годы промышленного кризиса и вступления в эпоху формирования монополистического капитализма (самый конец 90-х и начало 900 годов).

Эти этапы развития предприятия изучаются примерно по следующей программе:

ПРЕДПРИЯТИЕ В ГОДЫ РЕФОРМ И В БЛИЖАЙШИЕ К НИМ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

(1860—1880 гг.)

1. Общая характеристика предприятия в рассматриваемый период. Если предприятие до 1861 г. базировалось на крепостном труде, необходимо кратко, но четко и обоснованно изложить наиболее существенные изменения, внесенные реформой. Необходимо также проследить влияние реформы и на тех предприятиях, которые применяли вольнонаемный труд.

Влияние реформы на дальнейшую эволюцию предприятия. Временное сокращение производства в ближайшие год—два к реформе в предприятиях крепостного и полукрепостного типа. Подъем промышленного развития в следующие годы. Ускорение процесса внедрения машинной техники на предприятия. Рост объема производства. Предприятие в системе внутреннего рынка. Связь (если таковая вообще имеется) предприятия с внешним рынком (в каком количестве и в какую страну обывало предприятие продукты своего производства). Влияние на предприятие ж.-д. строительства (в чем оно выразилось). Влияние восточной войны 1877—1878 гг. на изучаемое предприятие. Предприятие в период депрессии 80-х годов. Пути выхода из депрессивного состояния: с одной стороны, частичное возвращение к ручному труду, к старым формам сбыта (децентрализация сбыта), с другой—повышение уровня техники, поиски новых рынков сбыта, в том числе и заграничных. Усиление нажима на рабочих в период депрессии.

Количество и состав рабочих (приток новых рабочих из деревни). Органический состав капитала предприятия к концу изучаемого периода. Размеры прибылей предпринимателя. Проникновение (если оно имело место) в той или иной форме иностранного капитала в предприятие.

2. Система и формы эксплуатации в пореформенном предприятии. Система и формы эксплуатации на капиталистическом предприятии 60—80-х годов. Положение рабочих (рабочий день, заработная плата, бытовые условия). Сохранение в большей или меньшей степени старых, докапиталистических форм эксплуатации. Дальнейшее возрастание роли детского и женского труда. Размеры эксплуатации этих категорий рабочих. Смертность среди детей, занятых на капиталистическом предприятии.

3. Классовая борьба на предприятии в 60—80-е годы. Наступление капиталистов на заработную плату. Законодательное запрещение применения детского труда и саботаж этого предпринимателями.

Борьба рабочих против эксплуатации. Характеристика стачек с тщательным изложением обстоятельств, особенностей и исхода каждой стачки. Количество рабочих, охваченных стачками (за весь период и по каждой стачке отдельно). Требования. Отношение самих базирующихся к стачке, как методу борьбы с эксплуататорами. Степень стихийности или организованности стачек. Формы организованности. Руководство стачкой (личная характеристика руководителей). Выборные депутаты и их роль. Случаи стихийных выступлений, «бунтов», сопровождавшихся разрушением машин и фабричных зданий. Были ли стачки на данном предприятии изолированными выступлениями рабочих или же они были связаны с выступлениями на других предприятиях. Роль стачек данного периода в процессе классового созревания рабочих.

Известно ли было рабочим данного предприятия о морозовской стачке (в январе 1885 г.), оказала ли она и какое именно влияние на них (факты, документы, устные свидетельства).

Фабричное законодательство изучаемого периода как результат рабочего движения, как вынужденная уступка. Фабричная инспекция. Характеристика ее деятельности по материалам данного предприятия.

Влияние первых рабочих организаций в России — Северного союза русских рабочих и Южнороссийского союза рабочих. Народническая пропаганда и степень ее влияния на рабочих данного предприятия. Рабочие кружки, их состав и деятельность. Характеристика передовых рабочих этого периода. Участие рабочих в нелегальной работе.

Первые марксисты на предприятии (рабочие, интеллигенты). Какое влияние на пробуждение и развитие классового сознания рабочих изучаемого предприятия оказали первые марксистские кружки и распространение марксистской литературы. Общая характеристика роста классового сознания рабочих в условиях развития промышленного капитализма. Правительственные репрессии против революционно настроенных рабочих.

ПРЕДПРИЯТИЕ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

1. Общая характеристика предприятия. Технический уровень и экономиче-

ская структура изучаемого предприятия. Динамика продукции и характер последней. Количество рабочих. Организация и районы сбыта продукции внутри страны. Вывоз за границу (страны вывоза). Казенные заказы и субсидии. Значение для развития предприятия покровительственных тарифов. Связь с русскими и иностранными банками и формы этой связи. Акционирование предприятия. Движение основного капитала. Рабочая сила. Источники ее получения и ее организация. Состав рабочих. Квалифицированный и неквалифицированный труд. Иностранные рабочие и их роль в производстве. Какое изменения в отношении применения женского и детского труда, в частности их опыты, произошли за 90-е годы.

2. Формы и методы эксплуатации рабочих в годы расцвета промышленного капитализма. Система и форма эксплуатации в данный период. Положение труда и значение квалификации рабочих. Показатели производительности и интенсивности труда. Рабочий день, заработная плата (ее размеры и форма) для различных категорий рабочих, занятых на предприятии. Штрафы и иные способы усиления эксплуатации рабочих. Имеют ли на данном предприятии акционерный капитал, возрастает или, наоборот, снижается по сравнению с предыдущим периодом. Имеет ли место в данный период усиленный призыв дешевой неквалифицированной силы из деревни в связи с усиленной дифференциацией производительности и годом 1891/92 г.

3. Революционная борьба рабочих в 90-е годы. Стачечная борьба. Ее непосредственные причины и поводы для данного предприятия. Общая картина стачечного движения (данные о характере стачек, о числе бастовавших и о ходе стачек). Роль данного предприятия в стачечном движении (района его распространения или всей страны) 90-х годов. Было ли предприятие в авангарде этого движения, или оно отставало от него. Выдвигались ли какие-либо требования политического характера, и если выдвигались, то какие именно, кем, под каким влиянием. Степень и формы организованности стачечного движения 90-х годов. Необходимо учитывать в этом отношении связь по сравнению с предыдущим периодом. Роль социал-демократических организаций в стачечном движении. Характеристика первых рабочих социал-демократов на данном предприятии. Известно ли было рабочим изучаемого предприятия о знаменитых петербургских стачках 1896 г. Непосредственные результаты стачечного движения 90-х годов: законодательство (фабричное) этого периода. Влияние стачечного движения на дезорганизацию рабочих предприятия.

выработку у них навыков в организационному сопротивлению и наступлению. Блок предпринимателей и правительственных властей в борьбе с движением 90-х годов.

Роль социал-демократических кружков рабочих на данном предприятии. Связь этих кружков с местными и центральными революционными организациями. Воззвания, прокламации, листовки, газеты и листки, распространяемые среди рабочих. Их содержание (политическое направление), авторство, степень распространения и влияние на рабочих данного предприятия. Роль революционной социал-демократии во главе с Лениным в развитии классового сознания рабочих 90-х годов. Было ли известно рабочим изучаемого предприятия о существовании петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и о деятельности этого союза. Борьба революционной социал-демократии под руководством Ленина с экономизмом и отражение этой борьбы на данном предприятии.

Репрессии против революционно настроенных рабочих (увольнение с предприятия, аресты, замешки). Общая оценка движения 90-х годов и определение в нем места в роли революционной социал-демократии как руководящей силы. Если материалы это позволяют, следует попытаться решить вопрос о том, известно ли было рабочим данного предприятия о первом съезде РСДРП и о вышедшем им манифесте. Отношение к этому событию рабочих.

ПРЕДПРИЯТИЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ КАПИТАЛИЗМУ

(Годы кризиса, конец 90-х—900-е годы)

1. Общая характеристика предприятия в годы кризиса. Предприятие в период кризиса и депрессии 900-х годов. Динамика производства и сбыта. Рост тенденций монополистического капитализма и его отражение в промышленной революции и удешевлении производства. Связь с банками. Удешевление в труде и сырьевых. Рост акционирования, размеры и характер его. Развитие охота. Влияние рабочих, приходящих из деревни, общий уровень технической подготовки рабочих кадров данного предприятия. Количество рабочих. Их состав. Изменение рабочей силы в связи с кризисом и депрессией. Безработица в стране и ее отражение на предприятии.

2. Характер и методы эксплуатации в годы кризиса. Резкое ухудшение условий труда рабочих. Правовое и политическое положение рабочих в годы кризиса и его

влияние на условия эксплуатации. Повышение заработной платы. Случаи уменьшения рабочего дня. Рост штрафов и произвола администрации на предприятиях.

3. Стаечная борьба и революционное движение на предприятиях в годы кризиса. Стачки этого периода. Их общий характер. Требования. Результаты. Взаимоотношения и связь экономических и политических моментов в стачках. Стачки и демонстрации. Их связь и участие в них рабочего данного предприятия.

Историчеко-банкетная кампания буржуазии и отношение к ней рабочих. Отношение рабочих к либеральному режиму Святослава Мирского. Связь рабочих с политическими партиями. Влияние какой именно партии преобладало среди рабочих данного предприятия. Рабочие организации этого периода. Институт фабричных старост. Кто возник в старосты и какую позицию старостат занимал по отношению к предпринимателям. Персональный состав и характеристика старост. Попытки буржуазии и самостаростат отвести рабочих с путей революционного движения на путь мелких поправок

в условиях зубатовщины. Насколько широко было влияние зубатовской агитации среди рабочих данного предприятия? Какие именно слов работит подвергались влиянию зубатовцев. Русско-японская война и ее влияние на политиче рабочих. Мобилизация. Количество мобилизованных. Отношение к войне рабочих. Степень политического пробуждения и сознания рабочих данного предприятия накануне революциии. Отношение к царскому.

4. Большевикские организации, их значение в революционной организации рабочих. Отражение борьбы искровцев за создание партии. Отношение рабочих к крестьянским восстаниям этого периода. Отношение рабочих к реформистам-экономистам. Какие именно слов (рабочих данного предприятия) переживали (если это вообще имело место) на себе в той или иной степени влияние экономистов. Пропаганда среди рабочих, ее характер. Переход к агитации. Не было ли на данном предприятии меевок? Кем они были организованы и руководимы? Характеристика переходных рабочих. Работа большевиков.

(Окончание в следующем номере.)

СВЯТОСЛАВ МИРСКИЙ

О предисловии А. ВИНОГРАДОВА к роману
Бульвер-Литтона «КИНЕЛЬМ ЧИЛЛИНГЛИ»

Последние годы характеризуются необычайной тягой широких масс к историческому знанию. Это — явление совершенно закономерное, органически вырастающее из всех особенностей нашей эпохи. Победивший класс, строящий новое общество, ведущий за собой трудящихся всего мира, испытывает глубокую потребность посмотреть на прошлое, понять, как любил говорить Ленин, «всю глубочайшую историю старого мира». Это стремление владеет сейчас широчайшими массами, и перед нами стоит задача — дать им историческую литературу высокого качества, подлинно отвечающую их великим запросам.

Такой литературой может быть не только специально историческая, но и художественная. Одним из начинаний подобного рода является например «История молодого человека XIX столетия», издание которой ставит себе целью показать человеку нашей эпохи человека прошлого, далекого и проклятого времени. Цель эта сама по себе высоко ответственная и сложная. Она осложнена еще более тем, что образ «молодого человека XIX столетия», согласно плану этого издания, пишется не нашими современниками, а самими людьми XIX столетия. Перед нами проходит целая серия почти автобиографических романов, представляющих собою подлинные исторические документы. В них с замечательной яркостью, с потрясающей художественной силой запечатлены образы героев той эпохи, они насыщены духом своего времени, они являются настоящими историческими источниками для его изучения.

И именно поэтому все образы и положения, выведенные в этих романах, не соответствуют и не могут точно соответствовать объективной исторической действительности. Каждый исторический документ нуждается в критическом его рассмотрении, и художественные произведения с этой точки зрения отнюдь не составляют исключения. Их герои, так же как и их авторы, люди своего времени, т. е. люди определенного класса в определенную историческую эпоху и при этом почти всегда это — люди враждебного нам класса. Те «молодые люди XIX века», которые выступают как герои этих романов, составляли еще больше собой лопь молодых людей их эпохи. И драмы, переживавшиеся этими молодыми героями и

сводившиеся преимущественно к различного рода коллизиям между личностью и обществом, любовным передрягам, неудачным попыткам сделать карьеру и добиться богатства, эти драмы мелки и презренны рядом с той действительной трагедией, которой была жизнь подавляющего большинства «молодых» и не молодых людей в век победоносного развития капитализма.

Поэтому для того, чтобы сделать из замечательных романов XIX века, написанных могучими, но чуждыми над талантами, подлинное орудие познания «всей глубочайшей истории старого мира», необходимо было снабдить их предисловиями, вскрывающими эпоху, рисуемую в этих произведениях, их героев, их авторов, их политическую устремленность. В подобном массовом издании предисловие представляет собою ответственнейший, подчас решающий участок работы. От него нередко зависит та роль, которую сыграет данное произведение: будет ли оно воспитывать ненависть к эксплуататорским классам прошлого и настоящего и стремление к революционной борьбе против них или же, наоборот, вовлечет читателя в орбиту враждебных нам классовых влияний и симпатий.

Все это конечно — вещи общеизвестные, и нам пришлось остановиться на них только потому, что эти требования, к величайшему сожалению, не всегда выполняются в издающейся сейчас массовой художественно-исторической литературе. Мы едва ли могли бы найти в ней образец того, как надо писать предисловия. Но зато есть много образцов, как не надо, как недопустимо относиться к этой ответственнейшей задаче. На одном из них мы хотели бы остановиться.

Перед нами — книга Бульвер-Литтона «Кинельм Чиллингли». Книга написана в Англии в конце 60-х гг. Автор ее консерватор. Она представляет собою, как мы это покажем дальше, чрезвычайно заостренное политическое произведение, облеченное в абсолютно абстрагированную от политики форму биографического романа. Мы не будем сейчас заниматься вопросом о художественных достоинствах и недостатках этого романа, но для того, чтобы раскрыть его политические тенденции, остановимся несколько на его содержании.

«Кинельм Чиллингли» — имя героя, по саядного представителя рода. Родители его «милые лорды», обладающие некоторыми чудачествами, готовят его к славной, но обычной карьере блистательного английского лорда. Однако он не хочет делать этой карьеры. С самого детства он проявляет черты характера, которые всем окружающим кажутся странными, но на проверку оказываются необычайно «благородными».

В семь лет он уже обнаруживает глубокий философский ум, в девять — подлинное рыцарство. Все попытки отца толкнуть его на сию обрденной жизни бесплодны. Он уходит из дому, решительно отказавшись подчиниться родительской воле.

Как видит читатель, перед нами — довольно обычная завязка так называемого байронического романа, в котором молодой герой не понят окружающими. Однако напрасно читатель будет ждать дальнейшего развития конфликта, как это бывает во всех романах подобного типа. Кинельма Чиллингли не ждет судьба отверженца и отщепенца, он не превратится в «лишнего человека», он не проявит неуступчивости и непримиримости, ему не суждена трагедия одиночества. Общество совсем не собирается отвергать его. Наоборот, леди и джентльмены восхищаются им. Богатые и благородные наследницы в него влюбляются, «царицы лондонского света» возрастом постарше оказывают ему всяческое покровительство, лорды и пэры очарованы его умом. Даже отец, возлагавший столько надежд на его карьеру, на минуту не перестает быть благородным, понимающим и проникновенным.

Никакого конфликта не получается, да и не может получиться, ибо разве возможен какой бы то ни было конфликт между этими столь симпатичными людьми? Разве могут такие милые и славные леди и лорды отнестись с неприязнью к благородным чудачествам молодого баронета?

Все действующие лица романа проявляют необычайное благородство. Кинельм Чиллингли, покинув отчий кров, только и делает, что благодетельствует человечество. Он помогает влюбленным, но бедным пейзамам сочетаться законным браком, причем дает им денег, чтобы они могли сделаться лавочниками. Он наставляет на путь добродетели грешников, оберегает от соблазна молодых девиц, убегающих со странствующими актерами, обращает неверующих. Все эти поступки, по мнению автора романа, должны свидетельствовать о необычайных положительных качествах героя, который к тому же обладает соответствующими

его благородству бархатными черными глазами и золотым лицом. Дело в общем кончается тем, что после неудачной любовной передраги Кинельм перестает дурить и, согласно указаниям своего папаша, приступает к устройству собственной карьеры.

Все эти события разворачиваются на фоне всеобщей идиллии и довольства. Когда Кинельм бродит по Англии, его окружают солнечные дуга, плодоносные сады, тучные шивы. Когда он приходит на фермы, его встречают веселые фермеры, у которых работают цветущие, жизнерадостные, румяные батраки. Все утопают в довольстве, а единственный бедняк беден только вследствие несчастного случая, приведшего его к хронической болезни. Народ счастлив, богомолен, доволен своими господами. Если даже один из лордов иногда и бывает суров с арендаторами, то он делает это, как показывает автор, из безусловно разумных хозяйственных соображений. И арендаторы не испытывают к лорду никаких отрицательных чувств.

Перед нами — насквозь лживое, тенденциозное произведение. Автор положил в основу романа байроническую тему, но это сделано только для того, чтобы показать, что в современной ему Англии, Англии 60-х гг. не может быть конфликта между личностью и обществом. Как ласково и привлекательно то «общество», которое выступает в романе Бульвер-Литтона, как беззуб и бессодержательный «протест» его героя, который не имел ничего общего не только с непокорностью байронического Манфреда, не только с мятежом самого Байрона, заравленного правящей Англией и погибшего в борьбе за национальное освобождение другой страны, но и с разочарованностью и скептицизмом Онегиных и Печориных!

Байронизм Кинельма Чиллингли — мнимый байронизм. Это — прием, употребленный автором для того, чтобы, во-первых, создать образ положительного героя и, во-вторых (и это самое главное), чтобы показать отсутствие конфликта между благородной личностью и обществом в современной автору Англии. Так же, как Бульвер-Литтон прячет классовые противоречия и эксплуатацию, рисуя картины сельской Англии, напоминающие пастушеские пастораты, так под мнимым байронизмом своего романа он скрывает реакционное стремление апологетизировать английскую аристократию. И юношеские причуды молодого Чиллингли не только не противоречат этой апологетике, а лишь дополняют ее, ей помогают.

Этот роман — законченное выражение идеологии господствующих классов Англии

60-х гг. Он несет на себе яркую печать того компромисса между буржуазией и лэндлордами, который привел к смягчению противоречий между витанами и торями. Компромисс этот в значительной своей части являлся ответом буржуазии на чартистское движение и на июньское восстание рабочих Парижа. И неслучайно поэтому, что в толстейшем романе Бульвер-Литтона ни одного раза ни одним словом не упоминается о пролетариате. Рабочих нет. Можно подумать, что действие происходит не в индустриальной Англии, прошедшей через бури промышленного переворота и чартистского революционного движения, а в пастушеской Аркадии.

И вот об этом-то романе в предисловии к нему сказано, что он «развертывает перед нами картину Англии с полнотой, какой не могли бы дать научные работы, посвященные этому предмету!»

Мы не будем задерживаться на вопросе о том, правильно ли вообще предполагать, что «научные работы» не могут дать такой полноты в освещении эпохи, как художественные произведения. Заметим лишь, что мы держимся на этот счет иной точки зрения, нежели автор предисловия. В данной же связи мы не можем не выразить изумления по поводу такой оценки романа Бульвер-Литтона. Неужели в самом деле Англия была такой, какой она описана в «Кинельме Чинингли»? До сих пор она нам представлялась несколько иной.

Эта оценка романа является не случайной, она вытекает непосредственно из того, что автор предисловия отвечает во власть тех идей и тенденций, которые развивает в своем романе реакционный британский лорд. Бульвер-Литтон хотел изобразить своего героя благородным мечтателем, идеалистом, и автор предисловия великом соглашается, что Кинельм Чинингли именно таков. «Это характер ясный и четкий, — пишет он, — и в то же время чрезвычайно мягкий и меланхолический, благородный по всем своим побуждениям, но божащая походить к какой бы то ни было работе крепко и сильно. Он тоже, как и большинство героев, выведен тяготением к прекрасному идеалу, который не встречается в жизни, — но он лишен эгоизма — типичного свойства буржуазии» (стр. 20).

Автор предисловия согласен с автором романа не только в том, что Кинельм — благородная личность, но и в том, что он типичен для британской аристократии. «Обаятельный образ изящного молодого аристократа, — говорит он, — беззащит, являет собою самый типичный портрет благородного английского юноши, который не делал ата, но который не умел най-

«защиты и встоящему пониманию социального блага» (стр. 21). Бедный молодой человек! — воскликнем мы вместе с нашим читателем. — Такой аристократичный и изящный, а вот «правильно понять социальное благо» не смог! Ему, оказывается, помешали неблагоприятные общественные условия. А вот родись он сейчас, его судьба сложилась бы конечно иначе, ибо «в условиях нового быта, в организации коммунистического производства люди прекрасными задатками и доброй волей найдут себе полное и удовлетворяющее применение» (стр. 21).

После этой «увязки с современностью» наш читатель несомненно перейдет от сожаления к бедному Кинельму Чинингли к чувству глубокого удовлетворения. Ведь приятно сознавать, что ты принимаешь участие в создании «условий нового быта», в которых благородные дворянчики получают возможность притти к «встоящему пониманию социального блага».

Как же случилось, что автор предисловия дал такую, выражаясь мягко, глубоко неверную оценку романа и его героя? Причиной этому являются неправильное понимание исторической эпохи и полное искажение процесса классовой борьбы в современном роману Англии.

Искажение это заключается прежде всего в том, что автор предисловия полностью поддается автору романа и вслед за ним обходит английский рабочий класс. Уловка Бульвер-Литтона здесь полностью удалась. Правда, в предисловии английские рабочие на момент появления в красочной цитате из «Капитала» рисующей демонстрацию безработных в 1866 г. Но они появляются только на момент, чтобы «отдать дань уважения эпохе» — конечно не своей, а нашей. Но главная ошибка — того, что борьба пролетариата и буржуазии была основной пружиной классовой борьбы в Англии XIX в., что только в свете этого противоречия могут быть поняты и объяснены все исторические процессы, все исторические явления этой эпохи, — этого автор предисловия не понял. И только этим полным непониманием можно объяснить такую поразительную характеристику роли рабочего класса, которую дает он: «Он вывез из остоженной Англии (!) в середине XIX столетия было то, что сама Англия становилась (!) страной промышленного пролетариата, и, значит, так называемая социальная проблема (!) шла по линии пролетариата».

В своем подминеции Бульвер-Литтону автор предисловия доходит до позитивных чудовищных утверждений. Анализируя социальную картину, нарисованную в другом романе Бульвера, в «Пальтме», автор предисловия говорит: «Не-

зависимо от своего желания художник показав, как оба слоя — и аристократический слой верхних этажей, и подпольный, скрывающийся от света мир, вечно провожающий лондонскую мезицию — одинаково из являли ту огромную массу грядущего населения Англии, которая волею истории вынуждена была кормить огромную свору эксплуатирующих ее туеядцев» (стр. 5, подчеркнуто мною. — Е. Д.). Надо сказать, что впервые в советской литературе высказывается утверждение, что трудящиеся Англии эпохи чаризма, этого могучего революционного движения, охватившего широчайшие массы пролетариата, были извлекены аристократией и уголовщиной.

И эта характеристика английского пролетариата отнюдь не случайна. В другом месте, рассказывая об изгнании Байрона из Англии, автор предисловия говорит: «Те же самые лондонские ткачи, которые имели полную возможность слышать и читать напечатанную речь Байрона, провожали его камнями и свистом, разбили окно его кареты, разгромили окна его квартиры. Это были наемные провожатые, которыми Англии на прощанье травил своего величайшего поэта» (стр. 9). Эти слова свидетельствуют о том, что автор предисловия целиком идет на поводу у буржуазных историков Англии. Ибо достаточно чуточку поразмыслить, чтобы понять, что никто не может утверждать того, что за каретой Байрона бежали именно ткачи, и к тому же те ткачи, которые читали речь Байрона. Этот факт — фальсификаторский, выдуманный, чтобы свалить позор изгнания Байрона на рабочий класс.

Совершенно очевидно, что из такого абсолютного непонимания исторической роли пролетариата и его борьбы против буржуазии с неумолимой неизбежностью вытекает неверная оценка роли других классов и партий и их борьбы между собой, т. е. прежде всего неверная оценка буржуазии и дворянства.

В этом вопросе автор предисловия делает ряд основных принципиальных ошибок. Первая из них заключается в том, что борьба между буржуазией и дворянством у него выступает как стержень эпохи. Он все время резко противопоставляет буржуазию дворянству. Так, он пишет в биографии Бульвер-Литтона, что он был сначала «франтиком партии вигов», а потом «ренегатом этой партии, заседающим на скамьях ториев».

Между тем никакого ренегатства здесь не было. В эпоху выраставшего компромисса между буржуазией и аристократией переходы от одной партии к другой были своего рода «ма-

совым» в закономерном явлении, в котором совсем не было измены и ренегатства прежней партии.

Оборотной стороной этой же самой ошибки является непонимание сраживания старой английской аристократии с буржуазией. Автор предисловия все время делает акцент на их противоположности. Он уделяет много места характеристике Биконсфильда, типичного представителя буржуазии, чтобы противопоставить ему молодого Чиллингли.

Мы конечно отнюдь не считаем, что между ними следует ставить знак равенства. Но вопрос заключается в том, как и в чем проводить между ними различие. И когда это различие проводят так, что противопоставляют низменному, жадному буржуа благородного, возвышенного дворянина, мы говорим: это неверно, это — чужой подход, это не имеет ничего общего с правильным пониманием исторического процесса.

В самом деле, можем ли мы говорить об идеях какого-нибудь Чиллингли, что «это конечно более благородный образ мыслей, чем образ мыслей того старого зубастого политического хищника, которого мы находим у Дизраэли Биконсфильда?» (стр. 22), что в отличие от буржуазии «настоящая аристократия старинной Англии» присущи «мечтательная бездеятельность и стремление сохранить свою душевную чистоту?» (стр. 23).

Это, во-первых, неверно просто фактически. Мы достаточно хорошо видели, как английские аристократы «сохранали свою душевную чистоту», когда они организовывали заговоры для подавления Великой французской революции, когда они вешали «людитов» и чартистов, и как они великодушно занимались капиталистической эксплуатацией. Это неверно, во-вторых, принципиально, по самой постановке вопроса. Мы не можем рассматривать буржуазию и дворянство с точки зрения того, кто из них благороднее. Мы не имеем абсолютно ничего общего ни с кем из них, и их «благородство» нам в такой же мере чуждо и ненавистно, как и их пороки.

Однако мы протестуем против подобной рода сравнений благородства не только потому, что считаем их принципиально неверными, но также и по другим причинам. Не увидев революционного рабочего класса, вспоминая о существовании I интернационала лишь для того, чтобы сказать, что Бульвер-Литтон умер через несколько лет после его основания (неужели между этими событиями существовала причинная или какая-либо иная связь?), автор предисловия зато открыл благородного дворя-

щина, который «способен на все хорошее» (стр. 23), «благородного, глубоко порядочного мечтателя, стремящегося к большому добру» (стр. 20). Ловушка, расставленная Бульвер-Литтоном, удалась: автор предисловия связывает Кинельма Чиллингли с Байроном, он видит в нем прямого потомка мятежного революционера, представителя хоть и молчаливого и тихого, но все же протеста, человека, который «не хочет вмешиваться в грязную борьбу разъяренных якобинских человеческих существ» (стр. 11).

В общем у автора предисловия получается следующая схема социальных отношений в Англии: а) иззябший рабочий класс, который то подает хвосты, то побивает камнями лучших людей Англии. У этого пролетариата имеется «богатая верхушка», которую подкармливает буржуазия (стр. 22); б) хищные капиталисты, «хватающие жизнь за горло» своими «ловкими, цепкими пальцами» и «со смехом» подсчитывающие «свои гигантские барыши» (стр. 22); в) аристократия, которая, правда, «обладает особенно дурным качеством, лишить которого ее могла только смерть. Это качество—стремление к угнетению других классов» (!) и г) «благородные английские юноши», выходящие только из рядов этой аристократии.

Так непонимание революционной роли рабочего класса и скатывание на классово чуждые позиции в оценках рабочего движения привели автора предисловия к созданию образа благородного дворянина и к апологетике этого образа. Неверный исторический анализ имел своим результатом совершенно неправильную трактовку и оценку художественного произведения. Вместо того, чтобы разоблачить его реакционную политическую устремленность, вместо того, чтобы вскрыть всю гнусность и мерзость его идей, вместо того, чтобы показать его фальсификаторский характер, автор целиком пошел на поводу британского реакционера.

Заканчивая свое предисловие, автор его говорит, что он «не будет решать вопроса о том, что сказал бы автор этого замечательного произведения, если бы он дожил до того момента, когда почти миллион английских ткачей вступает в стачечную борьбу, когда всеоб-

щая стачка охватывает и судорожно сжимает Лондон... когда мировой кризис захватил английское хозяйство... когда на одной шестой части земной суши возникло первое социалистическое государство... намеревающееся совершенно иначе (!) перестроить воспитание молодежи и твердо знающее, что в условиях нового быта, в организации коммунистического пролетариата люди с прекрасными задатками и с доброй волей найдут себе полное и удовлетворяющее применение» (стр. 21).

Мы позволим себе все же решить этот вопрос, причем решим его вопреки всем выводам, которые следуют из предисловия. Ни на одну минуту мы не сомневаемся в том, что если бы Бульвер-Литтон и Кинельм Чиллингли дожили до наших дней, они были бы в рядах тех британских консерваторов, которые расстреливают английских ткачей, вступивших в стачечную борьбу, которые во время всеобщей стачки направляли на стачечников пулеметы, которые членились организаторами интервенции против первого социалистического государства.

В своем разборе предисловия А. Виноградова к роману «Кинельм Чиллингли» мы остановились только на основных принципиальных его ошибках. Мы не касаемся целого ряда фактических неточностей в нем (например на стр. 6 мы узнаем, что в период после появления «Чайльд Гарольда» в Англии делал быстрые успехи капиталистический способ производства, что привело к резкому ухудшению положения английских ткачей, особенно обострившемуся благодаря континентальной блокаде. Если принять во внимание, что «Чайльд Гарольд» был написан и появился между 1812 и 1819 гг., а континентальная блокада была объявлена в 1806 г., то этот исторический анализ выглядит по меньшей мере странно).

Мы не касаемся также и другого важного вопроса: вопроса о том, насколько достоверно это предисловие, написанное трудным, тяжелым языком, загроможденное случайными фактами, тому юному читателю, на которого оно рассчитано. Для нас важно установить сейчас главное: в нем дается совершенно неверный анализ исторической эпохи и социальной направленности романа. Это — политически вредное предисловие.